

Петр Петрович Аршаулов сборник материалов

Областное государственное автономное учреждение культуры
**Томская областная универсальная научная библиотека
имени Александра Сергеевича Пушкина**

Петр Петрович Аршаулов
сборник материалов

Томск – 2012

УДК 957 + 82.09 + 821.161.1

ББК 63.3(2Рос-4Том)53–8 + 83.3(2Р)5–8 + 84(2Р)5

А88

Петр Петрович Аршаулов: сборник материалов / сост.:
В.М. Костин, А.В. Яковенко; ред. С.С. Быкова. – Томск, 2012. –
204 с. – (Историко-краеведческий архив; вып. 3).

Для студентов, исследователей в области истории сибир-
ской литературы и краеведения.

Составители:
В.М. Костин
А.В. Яковенко

Редактор:
С.С. Быкова

На обложке:
Городская полиция,
Томский рынок
(открытки из коллекции Э.К. Майданюка)

© ОГАУК ТОУНБ им. А.С. Пушкина (2012)

© И.В. Чернова (1999, 2012)

© В.М. Костин (2012)

© А.В. Яковенко (2012)

Введение

Петр Петрович Аршаулов появился в поле нашего зрения, когда мы попытались выяснить, почему же, из-за чего и из-за кого Антон Павлович Чехов столь нелицеприятно отозвался о городе Томске, проезжая его по пути на Сахалин. «Свинья в ермолке», «гроша медного не стоит» (в сравнении с Красноярском и Иркутском) – такими ярлыками припечатал Чехов наш древний и уже университетский в 1890-м году город. И мы, как и те, кто жил здесь до нас 120 лет назад, восприняли такое мнение недоуменно и болезненно, потому что томичи амбициозны и склонны настаивать на особом статусе города и его особых заслугах перед Отечеством.

Думается, в итоге нам удалось получить беспощадно развернутый и вполне вразумительный ответ на этот вопрос.

Фигура Аршаулова обозначилась уже на первом этапе расследования, выросла из писем Чехова: пристав, самодеятельный писатель (образчик его творчества был оценен словами «недурно, только слишком местно»), холерик (что было некстати для измученного и раздраженного Чехова), назойливо, с налету рассказавший о своей «любовишке», и традиционный потребитель водки.

Чехов ироничен к нему, его ирония не очень злая, но и не то чтобы добрая.

Но эта наша встреча с Аршауловым оказалась далеко не последней: идя от Чехова к Томску в том замечательном году, мы часто наталкивались на эту фамилию в криминальной хронике; нашли Аршаулова даже героем стихотворного обозрения, посвященного достопримечательностям Томска; этой фамилией были подписаны действительно недурные публикации в газете «Сибирский вестник».

Кстати, скорей всего произведением, читанным Чехову, был рассказ «Чайные грабители», первый рассказ из цикла

«Из жизни сибирского тёмного люда», напечатанный 13 мая, накануне приезда писателя в Томск, в этой газете. И вполне возможно, что читал его Аршаулов не по рукописи, а держа в руках свежий номер «Сибирского вестника».

Фигура становилась объемной, обретала историко-культурную привлекательность, просилась в отдельный, персональный сюжет. И вот уже в связи с Аршауловым лично собирался материал предыдущих и последующих лет, и открылась драматичнейшая судьба человека, который втянул нас в свою биографию, как в водоворот.

Взлеты и падения Аршаулова имели удивительную историческую выразительность. Его жизненная драма была напрямую связана с эпохой, с великим переломом в судьбе самой России. Маленький герой великой Балканской войны и великий сыщик из маленькой губернской столицы, талантливый писатель, человек долга, добряк – и небрежливый картежник и рукосуй, каких поискать, человек, который в отсутствие выбора, согласно мундиру и убеждениям, должен был подавлять, не очень-то разбираясь в средствах (а кто бы знал им меру?), демонстрации революционеров (а там и студенты, и гимназисты-дети) – человек, еще вчера любимец города, на которого вылили цистерны помоев, превратили в персонажа «Трехгрошовой оперы» (и ведь и сам он давал тому очевидные поводы)... Он воспарял и оступался вместе со своим временем. Мучительно то, что разобраться в наветах на него почти невозможно – что в хлесткой риторике его врагов правда, что – ложь?

Его жизнь, его сочинения – перед Вами. Вглядитесь в эту судьбу.

В настоящее издание включены исторические и литературоведческие материалы, посвященные жизни, деятельности

и литературному творчеству П.П. Аршаулова, одного из самых известных томских полицмейстеров.

Сборник разделен на 2 части. Основу первой части составляют исследования Томских историков и литературоведов, посвященных биографии П.П. Аршаулова. Открывают её фрагменты писем А.П. Чехова, содержащие его впечатления о Томске и томичах. Далее следуют исторический очерк кандидата исторических наук И.В. Черновой и материалы к биографии, собранные кандидатом филологических наук, писателем В.М. Костиным и сотрудником библиотеки, библиографом и краеведом А.В. Яковенко. В своих исследованиях авторы опирались на большое количество архивных и документальных источников, перечень которых также включен в 1-ю часть сборника.

Во второй части представлены исторические документы, раскрывающие отчасти служебную деятельность П.П. Аршаулова: текст его первого приказа в должности исполняющего обязанности полицмейстера от 1903 г. и текст листовки «Царский слуга или вор», выпущенной Сибирского союза РСДРП и распространявшейся в Томске в 1904 г.

Основу 2-й части составляют литературные произведения П.П. Аршаулова (все известные на сегодняшний момент) – его воспоминания о Балканской войне, 6 рассказов и очерков, опубликованных в газете «Сибирский вестник» с марта по июнь 1890 г., а также пьеса «Фатима».

При публикации произведений П.П. Аршаулова авторы сохранили стилистические особенности произведений. Орфография и пунктуация приведена в соответствии с нормами современного русского языка.

Тексты диалогов представлены в том виде, в каком они были напечатаны в дореволюционных источниках.

Авторы сборника выражают искреннюю признательность сотрудникам Государственного архива Томской области за по-

мощь в работе с архивными материалами, сотрудникам Научной библиотеки Томского государственного университета за предоставление к публикации книги воспоминаний Аршаулова «От Гельсингфорса до Константинополя», хранящейся в фонде библиотеки; а также сотрудникам Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) за предоставление фотокопии текста пьесы П.П. Аршаулова «Фатима» – первого драматического произведения, опубликованного в Томске.

Часть I

Из писем А.П. Чехова из Сибири

I.

А.С. Суворину
20 мая 1890 г. Томск

Наконец, здравствуйте! Привет Вам от сибирского человека, милый Алексей Сергеевич! Соскучился я по Вас и по переписке ужасно.

Однако начну сначала. <...>

Ах, какие расходы! Гевалт! Благодаря разливу я везде платил возницам вдвое, а иногда и втрое, ибо работа каторжная, адская. Чемодан мой, милейший сундучок, оказался неудобным в дороге: занимает много места, толкает в бок, гремит, а главное – грозит разбиться. «Не берите с собой в дальнюю дорогу сундуки!» – говорили мне добрые люди, но этот совет припомнился мне только на полдороге. Что ж? Оставляю свой чемодан в Томске на поселении, а вместо него купил себе какую-то кожаную стерву, которая имеет то удобство, что распластывается на дне тарантаса, как угодно. Заплатил 16 рублей. Далее... <...>

<...> Стоп! Докладывают, что меня желает видеть помощник полицмейстера. Что такое?!?

Тревога напрасная. Полицейский оказывается любителем литературы и даже писателем; пришел ко мне на поклонение. Поехал домой за своей драмой и, кажется, хочет угостить меня ею... Сейчас приедет и опять помешает писать к Вам...

<...> Стоп! Вернулся полицейский. Он драмы не читал, хотя и привез ее, но угостил рассказом. Недурно, но только слишком местно. Показывал мне слиток золота. Попросил водки. Не помню ни одного сибирского интеллигента, который, придя ко мне, не попросил бы водки. Говорил, что у него завелась «любовишка» – замужняя женщи-

на; дал прочесть мне прошение на высочайшее имя насчет развода. Затем предложил мне съездить посмотреть томские дома терпимости.

Вернувшись из домов терпимости. Противно. Два часа ночи.

<...> Томска описывать не буду. В России все города одинаковы. Томск город скучный, нетрезвый; красивых женщин совсем нет, бесправие азиатское. Замечателен сей город тем, что в нем мрут губернаторы. <...>

Ваш А. Чехов

II.

Чеховым

7 июня 1890 г. Иркутск

<...> В Томске у меня была полиция. В 11-м часу вечера лакей вдруг докладывает мне, что меня желает видеть помощник полицмейстера. Что такое?! Уж не политика ли? Не заподозрили ли во мне волтерьянца? Говорю лакею: проси. Входит мужчина с длинными усами и рекомендуется. Оказывается, что это любитель литературы, сам пишет и пришел ко мне в номер, как в Мекку к Магомету, дабы поклониться. Вспомнил я о нем вот почему. Позднею осенью он едет в Петербург, и я навязал ему свой чемодан, который просил доставить в редакцию «Нов(ого) времени»¹. Имейте сие в виду на случай, если кто-нибудь из наших или знакомых поедет в Питер. Фамилия полиции – Аршаулов. <...>

Ваш А. Чехов

Источник цитирования: Чехов, А.П. Письма № 819, 834 // Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.; Письма: в 12 т. – Воспроизводится по изд.: М.: Наука, 1976. – М.: Наука, 2009. – Т. 4: Январь 1890 – февраль 1892. – С. 89, 91, 92, 109.

¹ Данный чемодан также упоминается в письмах от 20 мая и 25 мая 1890 г. (№№ 820, 821, с. 94).

Аршаулов Петр Петрович

Томский полицмейстер с 19 мая 1903 г. по 27 декабря 1904 г.

П.П. Аршаулов родился в Москве в 1855 г. и там же провел свое детство. Затем семья переехала в Томск, где он обучался в Томской губернской гимназии, а по окончании её поступил в Гельсингфорское юнкерское училище. В 1877 г., когда он закончил обучение, началась война с Турцией. Всех портупей-юнкеров направили для укомплектования полков, находившихся на театре военных действий. Петр Аршаулов, судя по его автобиографической книге «От Гельсингфорса до Константинополя», опубликованной в 1891 г. в Томске, прибыл на место сражений на свои средства на несколько дней раньше своих товарищей. Он был произведен в прапорщики и определен на службу в 17-й Архангелогородский полк. Полк воевал в составе 9 корпуса под командованием барона Н.Н. Криденера и противостоял армии Осман-паши. Аршаулову пришлось побывать в лихих переделках. Полк участвовал в осаде Плевны, во взятии Андрианополя, в разгроме армии Сулейман-паши под Филиппополем. Не дойдя немного до Константинополя, Архангелогородцы, которых турки называли «красноголовыми шайтанами» из-за красных околышей на шапках, расположились на квартиры в Андрианополе в ожидании исхода мирных переговоров. Здесь Аршаулов приобрел свой первый полицейский опыт, исполняя должность помощника участкового начальника. Из Андрианополя он нелегально ездил в Константинополь, взяв пятидневный отпуск, чтобы своими глазами увидеть город русской мечты. В своей книге Аршаулов не писал о своих наградах, хотя за участие в кампании был удостоен ордена Святой Анны IV-й степени с мечами и бантом с надписью «За храбрость» за взятие Плевны и ордена Святого Станислава III-й степени с мечами и бантом за му-

жество и храбрость, проявленные при переходе Балкан. Кроме того, железным крестом «За храбрость» его наградил румынский князь Карл. В 1879 г. Аршаулов вышел в отставку по домашним обстоятельствам в чине подпоручика с правом ношения мундира. В отставке он пробыл до 1883 г.

В 1883 г., проживая в Москве у родственников, он подал прошение томскому губернатору И.И. Красовскому с просьбой о зачислении его на государственную службу. 4 июля 1883 г. по приказу томского губернатора П.П. Аршаулов был зачислен на службу по Томской губернии, а 8 августа определен в должность полицейского пристава 2-й части города Томска. 2-я Сенная часть располагалась в низменной местности близ реки и ежегодно затоплялась наводнениями. Полицейские под руководством Аршаулова спасали людей и имущество.

В должности участкового пристава Аршаулов прослужил до 1891 г. Служил он успешно. В 1889 г. был переведен из запаса армейской пехоты в гражданское ведомство в чин провинциального секретаря. В 1890 г. он был награжден орденом Святой Анны II степени. Был на хорошем счету у начальства. В 1892 г. в ответ на конфиденциальную просьбу енисейского губернатора Л.К. Теляковского, к которому Аршаулов обратился с прошением о принятии на службу, томский губернатор Г.А. Тобизен дал весьма лестную характеристику: «За время службы зарекомендовал себя энергичным и способным полицейским чиновником, все дававшиеся ему поручения выполнял быстро и точно, причем особенно пользовался репутацией хорошего сыщика, как по части обнаружения преступников, так и по отысканию похищенных вещей. Поведения хорошего и политически благонадежен». Единственным недостатком, который отметил губернатор, было пристрастие Аршаулова к карточной игре, которое, впрочем, не выходило за рамки приличия. Добросовестное отношение Аршаулова к службе подтверждается и тем фактом, что он неоднократно получал благодарности начальства. Так, в

1884 г. он получил в числе других полицейских благодарность «за повсеместный порядок в городе во время празднования Пасхи». В 1891 г. он получил благодарность за «помощь переселенцам, находящимся на пароходе, затертом льдами по пути в Томск». Как один из лучших приставов города он постоянно замещал вышестоящих полицейских чиновников в их временное отсутствие. Так, в апреле 1890 г. он замещал помощника полицмейстера, в июле–августе того же года – полицмейстера. За это получил благодарность губернатора. В числе других полицейских Аршаулов получил благодарность за поддержание образцового порядка во время проезда через Томск наследника престола, а от будущего царя – золотой перстень с бриллиантами.

Аршаулов был единственным томским полицмейстером, склонным к литературному творчеству. Он постоянно публиковал свои рассказы в «Сибирском вестнике». Героями его рассказов были люди городского дна. А.П. Чехов, познакомившись с рассказами Аршаулова, признал их «недурными», что можно считать высокой оценкой (Чехов А.П. Собрание сочинений. М., 1976. Т. 4). Одной из неприятных особенностей творчества полицмейстера являлся неприкрытый антисемитизм. В 1891 г. Аршаулов опубликовал свои воспоминания о Русско-турецкой войне, уже названной ранее.

В конце 1891 г. Аршаулов вышел в отставку «по болезни и домашним обстоятельствам». Обстоятельства, вероятно, были связаны с Александрой Яковлевной Боровиковой – гражданской женой П.П. Аршаулова. В рассказе Аршаулова «Дорого яичко к Христову дню», посвященном ей, автор рассказывает следующую историю. Речь идет о чудесном спасении юной девушки, уснувшей летаргическим сном из-за страха перед неизбежным браком со старым, богатым и знатным чиновником. Её чуть было не схоронили, но приехавший возлюбленный Петр Павлович заметил, что она жива, и спас её. Дело происходило на Пасху, и глубоко раскаявшиеся жених и отец невесты отдадут её любимому.

му. В Петре Павловиче легко узнается Петр Петрович, незнатный, небогатый, зато относительно молодой. Жизнь была более жестокой и мало романтической. Александра Яковлевна была замужем за коллежским регистратором Боровиковым, но их брак по каким-то причинам не был расторгнут, и полицейский-сочинитель жил с ней не по закону. От их союза родились трое детей: в 1891 г. Петр, в 1892 г. Николай, а в 1895 г. Мария. Мать Аршаулова, Елизавета Михайловна, внуков признавала, и все они жили в доме Петра Петровича с матерью.

Расходы на большую семью были немалыми, доходы от двух дач, сдававшихся в аренду, были недостаточны, и Аршаулов вновь подал прошение о приеме его на службу. 5 июля 1892 г. губернатор Г.А. Тобизен назначил Аршаулова приставом Змеиногорского рудника. Здесь он дослужился до чина губернского секретаря. В 1894 г. он назначен приставом нового Заисточного участка в Томске. Вновь в формуляре отмечены награды «за умелые действия во время наводнения». Опыт борьбы с наводнениями у Аршаулова был богатый. В 1897 г., обращаясь с прошением об отпуске, он указывал, что нуждается в лечении на озере Карачи от ревматизма, полученного в результате частой работы в холодной воде во время спасения людей. В подобных мероприятиях он участвовал чуть ли не ежегодно с 1883 г. В 1896 г. Аршаулов был награжден медалью, учрежденной в память о царствовании Александра III. В 1901 г. ему была назначена прибавка к жалованью за выслугу 10 лет в Сибири.

В 1901 г. Аршаулов получил два взыскания: за несвоевременную подачу сведений о выезде из города негласной поднадзорной В.Д. Масловой-Стокоз и за неточность заполнения протоколов о правонарушениях. Несмотря на взыскания со стороны полицмейстера Н.Н. Халтурина, уходя в отпуск, именно Аршаулова он просил назначить на его место. Будучи временным полицмейстером, Аршаулов проявлял должную распорядительность и бдительно преследовал обывателей за нарушение

санитарных и строительных норм. Осенью 1901 г. Аршаулов месяц исполнял обязанности полицмейстера, а 19 мая 1903 г., после окончательной отставки Халтурина, был назначен на место полицмейстера и был утвержден в этой должности 4 августа того же года.

Должность полицмейстера в это время становится чрезвычайно хлопотной. В городе выросло число рабочих, увеличилось количество студентов, возросла доля неблагонадежных элементов – до 400 человек. К тому же полиция была буквально завалена канцелярской работой. В полицейской анкете 1903 г. Аршаулов отметил, что с 1 января по 12 сентября этого года в полицейское управление города поступило 45640 бумаг, из них нерешенных осталось 717, была выдана 271 паспортная книжка и 11111 прочих свидетельств и справок, выслано этапом 1088 человек, состояло под надзором полиции 97 человек. Аршаулов для улучшения работы полиции предложил увеличить число полицейских постов в городе с 33 до 63, общее число полицейских – на 60 человек.

Аршаулов, несмотря на загруженность канцелярской работой, успевал и успешно расследовать преступления, за что местные газеты называли его «томским Шерлоком Холмсом», решительная его борьба с нарушением уличного порядка революционерами создала образ Аршаулова-держиморды, растиражированный в тысячах листовок. С началом Русско-японской войны в Томск стали поступать раненые, усилилась антивоенная пропаганда, непопулярная война расшатывала устои режима, и полицейские оказались заложниками ситуации. Вынужденные по долгу службы защищать старые порядки, нередко они сами не верили в целесообразность их сохранения. Неизвестно, как бы повел себя в период революции П.П. Аршаулов, но в начале декабря 1904 г. он заболел гриппом, однако пренебрег лечением, болезнь перешла в воспаление легких, и 27 декабря П.П. Аршаулов скончался, один из всех томских городничих и полицмейстеров на посту.

Уже его дети узнали всё равнодушие и косность бюрократической системы, которую охранял их отец. Еще в 1901 г. Аршаулов просил об усыновлении своих детей, и высочайшим указом им было разрешено носить фамилию отца. Однако они не имели права на отцовскую пенсию, не имела такого права и его гражданская жена Александра Боровикова. Губернатор смог выделить для семьи бывшего полицмейстера 300 руб. единовременного пособия. Доучились ли сыновья Аршаулова в коммерческом училище, а дочь Мария в гимназии, неизвестно, так как положение семьи было отчаянным. Известно, что Боровикова в 1906 г. просила определить детей в учебные заведения на казенное содержание, учитывая заслуги их отца. Известно, что старший сын Аршаулова Петр в 1916 г. служил в томской полиции околоточным надзирателем.

Воспроизводится с небольшими изменениями по изданию:
[Чернова, И.В.]. Аршаулов Петр Петрович // Ларьков, Н.С. Полицейские, комиссары, начальники: руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв. / Н.С. Ларьков, И.В. Чернова; [авт. текста об П.П. Аршаулове – И.В. Чернова]. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – С. 82–87.

Материалы к биографии П.П. Аршаулова

Создавая свой очерк о П.П. Аршаулове для книги «Полицмейстеры, комиссары, начальники» (Томск, Издательство Томского университета, 1999, с. 82–87), И.В. Чернова была ограничена жесткими форматными рамками в связи с чем её кропотливые изыскания в архивах и периодической печати тех лет представлены в очерке в вынужденно неполном виде. В свою очередь, опираясь на созданную И.В. Черновой источниковедческую основу, мы провели новый поиск сведений о П.П. Аршаулове, открыв целый ряд новых материалов. Настоящие заметки представляют собой дополнения к базовой работе И.В.Черновой (сам очерк любезно предоставлен автором для публикации в нашем издании)².

1

Наши сведения о семье Аршауловых скудны и очевидно недостаточны; тем не менее, полагаем, что обнаруженные нами разрозненные пока факты, в совокупности с изложенным в очерке И.В. Черновой, помогут нам хотя бы эскизно опознать атмосферу этой семьи и как-то приблизиться к пониманию генезиса личности Петра Аршаулова – военного, полицейского и писателя.

Отец его, Петр Иванович, за заслуги перед военным ведомством получил потомственное почетное гражданство (в чем конкретно заключались эти заслуги, еще предстоит выяснить). Вероятно, именно он в начале 1880-х гг. был вла-

² Следует отметить, что Ирина Владимировна Чернова, кандидат исторических наук, темой её диссертационного исследования была история томской полиции конца XVIII – начала XX вв. (диссертация была успешно защищена в ТГУ в 2005 г.).

дельцем нескольких частных золотых промыслов на Алтае: Петропавловского, располагавшегося на р. Петропавловка, впадавшей в р. Полуденный Кундат (правый приток р. Кия)³, и Аполлоновского и Николаевского⁴. Владельцем же Николаевского промысла в 1883 г. был почетный гражданин Иван Иванович Аршаулов (его брат или отец, т.е. дядя или дед П.П. Аршаулова!?).

Мать Петра Петровича, Елизавета Михайловна (жившая с семьей сына в собственном доме на улице Подгорной, 83, затем 79 и пережившая его), получила музыкальное образование и была, как свидетельствует А.Н. Жеравина⁵, заметным деятелем томского музыкального сообщества с конца 1860-х гг. Пока семья была «достаточна», супруги Аршауловы занимались благотворительной деятельностью. В монографии той же А.Н. Жеравиной находим, например, следующие указания⁶: в 1867 и 1869 гг. среди жертвователей на мебель и посуду для Томских богоугодных учреждений – «потомственный почетный гражданин П.И. Аршаулов»; в конце 1867 г. Е.М. Аршаулова занимается, в числе прочих именитых томичек, организацией и проведением балов и лотереи-аллегри, «чтобы увеличить капитал приюта при Дамском отделении при тюремном комитете».

И в дальнейшем, когда, с уходом из жизни супруга, финансовое положение семьи заметно ухудшилось, Елизавета Михайловна посильно продолжает свою просветительско-

³ Ермолаев, А.Н. Сибирский бизнес американского золотопромышленника Д.Ф. Китинга // Исторический ежегодник. 2008: сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. – Новосибирск: Рипэл, 2008. – С. 170.

⁴ Ведомость о золотых промыслах, находящихся в Алтайском округе, подлежащих к отдаче с торгов в 1884 г.: [прибавление к № 50 Томских губернских ведомостей] // Томские губернские ведомости. – 1883. – 22 дек. (№ 50). – [С.] 4.

⁵ Жеравина, А.Н. Томск второй половины XIX – начала XX вв.: (по материалам дореволюционной печати). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 139–140, 296.

⁶ Жеравина, А.Н. Указ. соч.

филантропическую деятельность. В «Сибирском вестнике» (январь 1890 г.) читаем, например: «Состоялось музыкальное утро в частном доме, устроенное Е.М. Аршауловой. Присутствуют и взрослые, и дети; репертуар – сонаты Бетховена и пьесы Вебера».

В том же, 1890 г., в той же газете находим объявление о продаже искусственных цветов и «французских букетов» из них М.П. Аршауловой, сестрой нашего героя. Надо думать, она занималась этим не от хорошей жизни.

Между тем, Мария Петровна была личностью яркой и разносторонней. Она писала стихи (вторичные, некрасовско-надсоновского направления; см.: «Сибирский вестник», 26 июля 1887 – «Горе матери»), имела, как и мать, музыкальное образование и была «обладательницей милого, но слабенького меццо-сопрано», участвовала в любительских музыкальных концертах.

Но именно Марии Аршауловой предстояло вписать свое имя в историю российской адвокатуры: в 1889 г. она стала одной из первых женщин в России – присяжных поверенных (адвокатов), выступив, и важнее (!!!), выиграв в Томском губернском суде. 12 мая 1889 г. в томском губернском суде второй инстанции рассматривалось дело по обвинению крестьян М. Куренкова и Н. Мельникова в избииении сельского старшины Кусаимова; решение суда первой инстанции было отменено, подсудимые были оправданы и освобождены от наказания. Данное дело освещалось томской газетой «Сибирский вестник», где был воспроизведен текст её вступительной речи: «<...> Прежде чем приступить к защите моих клиентов, я позволю себе несколько остановиться на том исключительном случае, что я, женщина, являюсь в роли защитницы. Действительно, это может показаться несколько странным и удивительным здесь, в Сибири; но я полагаю, вам неизвестно, что в Европейской России, а в особенности за границей,

мы, сплошь и рядом, встречаем среди женщин юристов, медиков, математиков и т.п. Таким образом, нельзя отрицать, что и адвокатура точно также может быть доступна женщинам»⁷. Газета приводила описание её внешности: «Г-жа Аршаулова небольшого роста, обладает симпатичной наружностью, одета вся в черном, говорит красиво, бойко и местами с чувством, и, по-видимому, с отсутствием всякой робости»⁸. Возможно, этот её поступок был единичным, – пока другие примеры нам неизвестны. В 1893 г. «Сибирский вестник» констатировал наличие в Томске и Сибири женской адвокатуры в лице М.П. Аршауловой, домашней учительницы В.Л. Кичеевой, Маркаковой и других⁹. С введением в Сибири в 1898 г. судебных уставов Александра II практика женской адвокатуры в Сибири сошла на нет. Одним словом, делом жизни защита подсудимых для неё не оказалась, это ясно. Удивительно, но этот факт, отраженный в летописях отечественной адвокатуры, до самого последнего времени был неизвестен томским краоведам.

С конца 1880-х гг. спутником её жизни становится «бывший князь», «разжалованный» в «мариинского мещанина» Всеволод Алексеевич Долгоруков, некогда сосланный в Томск по делу «червонных валетов» (отчего неприятели обзывали его и печатно «Крап Крапычем»). Долгоруков активно исправлял ошибки легкомысленной младости: он был широко известен в Томске как плодовитый, хотя и совсем неоригинальный, банальный поэт (его творческие псевдонимы – «Всеволод Сибирский», «Гаврило Томский» и многие другие), даровитый публицист, рецензент, юрист, общественный деятель и даже защитник животных.

⁷ Судебная хроника // Сибирский вестник. – 1889. – 14 мая (№ 54). – С. 2; То же // Новая адвокатская газета (М.). – 2009. – № 15 (авг.). – С. 16: ил.

⁸ Судебная хроника // Сибирский вестник. – 1889. – 14 мая (№ 54). – С. 2.

⁹ Казанцев, С.М. Русская адвокатура и женщины // Изв. вузов. Правоведение. Л., 1985. – № 6. – С. 72–77.

Он посвятил Марии Петровне массу стихотворений. В итоговом собрании его поэтических опытов, изданном вдовой в Томске в 1912 г., находим восемь только прямых посвящений ей. Вот, в качестве образца, одно из них:

(Посвящ. М. А-ой)

*Ты подала мне руку без боязни,
И ожил я – в невзгодах дни влача, –
Освобожденный пред началом казни
Из-под секиры грозной палача.
Дохнуло вновь отрадной лаской мая...
Весенний шепот девственных лесов
Несет приветный зов, не умолкая,
И исчезает рой тяжелых снов.
Твои лобзанья, как бальзам чудесный,
Живят мне раны долгих скорбных лет.
На волю вырвавшись из клетки тесной,
В красе я снова вижу Божий свет¹⁰.*

Мария Петровна прожила с этим достойным, уважаемым человеком до конца его дней в 1912 г. (в собственном её доме, построенном в 1910 г. на углу нынешних улиц Тверской и Кирова).

Свое, серьезное влияние оказали на формирование личности Петра Аршаулова и его родственники – семья его дяди Павла Ивановича Аршаулова, проживавшая в Гельсингфорсе (н. Хельсинки, Финляндия). Из сказанного понятно, почему Петр для получения военного образования избрал именно Гельсингфорское юнкерское училище.

Корни семьи Аршауловых следует искать в Вятской губернии – они были известными купцами, в первой половине XIX в. П.Г. и В.К. Аршауловы были городскими головами в Вятке (н. г. Киров). В здании, принадлежавшем П.Г. Аршаулову, в 1838 г.

¹⁰ Текст стихотворения воспроизводится по изданию: Всеволод Сибирский [Долгоруков, В.А.]. Стихотворения. – Издание второе М.П. Долгоруковой. – Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – С. 379.

по инициативе А.И. Герцена была открыта публичная библиотека, в настоящее время в нём располагаются Кировский областной краеведческий музей и Кировский ТЮЗ. Вероятнее всего двоюродным братом отца нашего героя был Павел Васильевич Аршаулов. Окончив Дерптский университет, он занимался преподаванием в гимназиях Казани, Нижнего Новгорода, в Неплюевском кадетском корпусе в Оренбурге. В 1872 г. был назначен директором Александровской русской гимназии в Гельсингфорсе, в 1876 г. здесь же издал учебник немецкого языка. Его дети – Вадим (1859–1942) и Мария (1863 – после 1953) стали известными людьми. Дочь, в замужестве Благовещенская, была литературоведом и переводчицей произведений многих скандинавских писателей, автором первой в России книги, посвященной творчеству норвежского писателя К. Гамсуна (опубликована в 1910 г. в столице)¹¹. Сын Вадим стал известным в России инженером-технологом, изобретателем в области дизелестроения, профессором. По его оригинальному проекту была создана дизельная установка для почтово-пассажирского двухвинтового теплохода «Бородино», строительство которого проходило в т.ч. на Алтае, на заводе, который в настоящее время называется Алтайский завод специального инструмента и технологической оснастки. После революции 1917 г. эмигрировал, являлся активным участником общественной жизни русских в Париже.

Думается, уже вышесказанное, при всей его фактологической неполноте, свидетельствует: Петр Петрович Аршаулов вырос в интеллигентной, «хорошей» семье, где исповедовался кодекс гражданского служения, где высок был авторитет науки и искусства, с которыми у семейных были непосредственные, задушевные и прямо профессиональные отношения. Понятно, в какой среде и на каких путях кристаллизовались творческие, артистические амбиции нашего героя.

¹¹ Файнштейн, М.Ш. Из истории русско-скандинавских литературных связей: М.П. Благовещенская // Российские женщины и европейская литература: материалы V конф., посвящ. теории и истории женского движения / сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. – СПб.: СПб. философское о-во, 2001. – С. 142.

Петр Петрович Аршаулов, безусловно, был ярко выраженным экстравертом, холериком, человеком страстным, азартным, решительным до безоглядности; энергия в нём была, что называется, через край. При этом он был весьма честолюбив – и темперамент помогал ему сворачивать горы. Он не позволял себе смиряться даже с самыми малыми поражениями в делах службы, не жалея ни времени, ни сил на розыскные действия, на борьбу с безобразиями в избыточно криминальном и застарело неряшливом городе Томске. Тем и был славен, за то и пользовался до поры репутацией первоклассного профессионала и ценился как личность яркая, незаурядная. Город гордился им.

Но всякая азартность имеет свои неоднозначные продолжения. В горячке работы, отдаваясь делу всецело сам, он не терпел в других халатности, разгильдяйства, выходил за пределы при этом всякой, не только служебной этики – ругался и, бывало, рукоприкладствовал. С годами не остывал – и даже в 1903 г. попал под суд («Сибирская жизнь», 2 марта 1904 г.): «На решение Томского окружного суда, который приговорил г. Аршаулова к четырехдневному аресту за оскорбление городского, обиженный принес жалобу в Омскую судебную палату. Палата постановила во изменение решения окружного суда подвергнуть г. Аршаулова штрафу в 10 рублей».

Но еще более прискорбно, что Аршаулов был беззаветный картежный игрок, причем играл по-крупному, что входило в противоречие с этическими нормами государственного чиновника и нередко вызывало подозрения в игре «навверняка», «нечистой» игре. Ему на это пеняли, его наказывали – он притихал и снова срывался.

В своем очерке, комментируя отзыв губернатора (Г.А. Тобизена) об Аршаулове (февраль 1892 г.), И.В. Чернова пишет: «Единственным недостатком, который отметил губерна-

тор, было пристрастие Аршаулова к карточной игре, которое, впрочем, не выходило за рамки приличия»¹². Выделенные слова принадлежат самому автору очерка (губернатор просто говорит о недоказанности факта нечестной игры), но в целом, верно отражают внешнюю тональность дипломатического отзыва Тобизена. Другое дело, что адресат губернатора правильно понял, что же стояло, что же подразумевалось за этой дипломатичностью...

Но обо всем по порядку. Увы, «выходил за рамки приличия» Петр Петрович, еще как выходил!

Еще в январе 1889 г. А.В. Адрианов писал Г.Н. Потанину из Томска следующее: «Толкачев действительно проиграл полицейскому приставу Аршаулову 5000 рублей. Помнится, читинский губернатор сразу уволил полицмейстера за такую штуку, когда тот обыграл какого-то купца на 12 тысяч; а у нас теперь разливанное море для Некрасовых и Аршауловых; взяточничество в полном ходу»¹³. (Заметим, кстати, что, согласно многочисленным мемуарным свидетельствам, по всей губернии в последнее двадцатилетие века играли в ВИНТ – игру быструю и не имеющую порога ставок).

Похоже, история эта была резонансной. А.Ф. Толкачев, богатый золотопромышленник, должен был заступать на место городского головы. Но, судя по всему, каких-то претензий к Аршаулову у него не возникло (а они могли возникнуть по подозрению в мошенничестве), Толкачев вскоре умер (и городским головой стал Е.И. Королев), а тогдашний губернатор, инертный и уже смертельно больной А.П. Булюбаш, предпо-

¹² Ларьков, Н.С. Полицейстеры, комиссары, начальники: руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв. / Н.С. Ларьков, И.В. Чернова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. – С. 84.

¹³ Адрианов, А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: письма Г.Н. Потанину / сост., публ. Н.В. Васенькина; [ред. Н.В. Серебренников]. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. – С. 109. – (Серия «Сибирский архив»; т. 3).

чел не обратить внимание на этот «пассаж». В карты резались все. Да, формально не всем это было разрешено, но, господа, живем мы на грешной земле и живем скучно. Коль деньги не были украдены, и Толкачев расстался с ними добровольно – о чем и говорить!

Годы 1890 и 1891 были счастливейшими в судьбе Аршаулова. Он, в некотором роде, местная звезда. В конце марта 1890 г. в газете «Сибирский вестник» публикуется анонимная, сатирико-нравоописательная поэма о Томске, в которой Аршаулову посвящены, однако же, лестные строки (подробнее см. ниже).

Молодой и красивый, он нашел в начале 1890 г. свое личное счастье, сойдясь с Александрой Яковлевной Боровиковой (и уже в 1891 г. родился первенец Петр). 1890 г. будет годом его выхода на литературную арену – все его известные нам произведения (среди которых, конечно, и написанные ранее) будут напечатаны в «Сибирском вестнике», а записки о Балканской войне «От Гельсингфорса до Константинополя» и драма «Фатима» выйдут в Томске отдельными изданиями (если быть предельно точным, «Фатима» выйдет в начале 1891 г. – цензурное же разрешение датируется «С.-Петербург. 17 декабря 1890 г.»).

Огромное, символическое значение приобретет для него майская встреча с остановившимся в Томске по пути на Сахалин А.П. Чеховым, которого он сводит на экскурсию в томский публичный дом, с которым (а вернее, у которого) выпьет водки и которому прочитает свой криминальный очерк. Хорошо, что он не решился ознакомить Чехова со своей беспомощной «Фатимой»! И Чехов скажет: «Недурно, только слишком местно» за глаза, а в глаза, может быть, и еще что-нибудь, вполне лестное, но в любом случае как-то ободрит и одобрит своего шумного гостя.

С апреля он впервые в карьере замещает заболевшего полицмейстера Л.Н. Некрасова и, как всегда, героически борется

с наводнением, не щадя своего еще молодого здоровья. Летом, обретя новые полномочия, он энергичнейше принимается за городскую гигиену, заставляя «в три дня» исправлять улицы именитых горожан, атакуя при этом персонально и нового городского голову Е.И. Королева. Достается от него и притонам, и распивочным, и трактирам (известна, например, история с «притеснениями», которые он чинил известному «жоху» – Аарону Кацеленбогену). Ему даже удается (на время, конечно) воспитать хамов-извозчиков с биржи на Конной площади: откликаясь на многочисленные жалобы томичей, он запрещает извозчикам три дня выходить на работу. Подействовало! (Что немедленно отметили томичи).

В ночь с 29 на 30 мая 1890 г. в Новой деревне шайкой уголовников-рецидивистов были убиты купец Щербаков, его гражданская жена и дочь. Это были хорошие, уважаемые в околотке люди, и раскрыть это преступление года было для Аршаулова делом особой чести. И он, как и в предыдущие годы, сумел поймать и изобличить матерых злодеев в ходе долгого и кропотливого расследования.

Он не считается с чинами и мошнами. Обнаруживая горячее сочувствие к людям, обделенным судьбой, Аршаулов может быть жестким и принципиальным по отношению к состоятельным безобразникам – «саврасам». Когда в июле Алексей Кухтерин учинит скандал в саду «Эрмитаж», с «неаполитанскими словами», надавав пощечин безответной кассирше, Аршаулов продержит его – «миллионщика!» в участке до вытрезвления и заставит выплатить пострадавшей компенсацию в 1000 рублей (сумасшедшие деньги! Неслыханное воздаяние во всероссийском, наверное, масштабе!).

Новый губернатор, Г.А. Тобизен, не может им нахвалиться. С 8 сентября 1890 г. умотанный Аршаулов уходит в почетный отпуск на 4 месяца с сохранением содержания, передавая полномочия новому полицмейстеру В.В. Ушакову.

Кстати сказать, что, уезжая на отдых в Европейскую Россию, он должен был выполнить одну просьбу Антона Павловича Чехова [*см. текст письма писателя А.А. Суворину, опубликованного в нашем издании*]¹⁴.

1891 г. складывается для Аршаулова не менее благополучно. Его вторая, Сенная часть считается, несмотря на огрехи в делопроизводстве, самой дееспособной в городе. И не случайно, когда грядет визит в Томск цесаревича Николая Александровича, возвращающегося через Сибирь из кругосветного путешествия, Аршаулов – одна из ключевых фигур в организации этой встречи (5–6 июля 1891 г.). Все прошло «на ура». 7 июля он «по проезде Его Высочества удостоен золотым перстнем с рубинами и бриллиантом», а затем в приказе Губернатора ему объявлена благодарность «за поддержание образцового порядка в городе во время пребывания наследника Цесаревича» (15 августа).

Еще одну весомую благодарность он получит от полицмейстера 31 октября «за отличное выполнение поручения по командировке его для подания помощи переселенцам, находившимся на пароходах, затертых льдом на пути следования в г. Томск».

Все замечательно. И вдруг 31 декабря Аршаулов «согласно прошению по домашним обстоятельствам и болезни уволен в отставку».

Но почему же тогда он немедленно просится на полицейскую службу в Енисейскую губернию? Уже в середине января 1892 г. енисейский губернатор Л.К. Теляковский запрашивает его характеристику у нашего губернатора Г.А. Тобизена, что может значить только то, что сам Аршаулов обратился в Енисейск еще до нового года, еще до официальной отставки в Томске – и то, что «домашние обстоятельства и болезнь» – есть официальная версия отставки, маскировка действительной и, может быть

¹⁴ Чехов, А.П. Собрание писем. – М., Т. 3. – С. 150.

Кстати сказать, в комментариях к письмам А.П. Чехова из Сибири П.П. Аршаулов всегда ошибочно указывался как помощник иркутского (!) полицмейстера.

неприглядной причины ухода героического пристава со службы. Эту причину в своем конфиденциальном ответе Тобизен, собственнно, и не скрывает, но минимизирует аршауловский грех: да, играет в карты, да, был неприятный эксцесс, когда компания во главе с Таубером (Тобизен просто называет его по фамилии, как будто этот Таубер знаком енисейскому губернатору) и Аршауловым обыграла купца Наумова, но не доказано, что игра велась нечисто. Зато во всем другом Аршаулов – молодец...

Судя по всему, на этот раз Петр Петрович доигрался. И на этот раз, как нам удалось выяснить, пострадавший купец Фёдор Панфилович Наумов (тот еще «саврас») не смолчал, но подал на Аршаулова и его приятелей в суд. Факт шулерства, безусловно, доказан не был (ибо или доказывается сразу на месте – или никогда), но репутация игроков была слишком красноречивой, но судебный ход делу... этого щепетильный Тобизен игнорировать не мог.

И далее, за отсутствием других вариантов, мы можем с уверенностью утверждать, что состоялась сделка: Наумов забрал свое заявление, оплакав потерянные деньги, а Аршаулов, к частичному удовлетворению Наумова, был фактически уволен со службы, а не покинул её сам, добровольно лишившись приличного жалования и оставшись при жалких доходах, которые приносила его семейству сдача в аренду двух дач.

Мы не знаем всех обстоятельств этой истории. Енисейский губернатор не взял Аршаулова на службу своей волей? Или его об этом попросил Тобизен, пожелавший наказать азартного пристава, но и планировавший вернуть его через испытательно-воспитательный срок на службу в Томск?

Мы знаем только, что затем, получив некий сигнал, опальный Аршаулов, отсидевшийся, хлебнувший, с точки зрения Г.А. Тобизена, достаточно лиха, Аршаулов, чей уход серьезно ослабил томскую полицию, 20 мая 1892 г. написал следующее прошение на имя губернатора: «Желая вновь поступить

на службу Его Императорского Величества, почтительнейше прошу Ваше превосходительство: не найдется ли возможность определить меня на службу во вверенных Вашему превосходительству полицейских учреждениях? При сём предоставляю формуляр о службе своей».

Формуляр был «чист», Аршаулов был прощен, но прощение это было далеко не полным. Ибо, принятый 25 июня 1892 г. на государственную службу, Петр Петрович был назначен приставом в глухую дыру, на окраину губернии – на Змеиногорский рудник (см. карту нынешнего Алтайского края. Змеиногорск и соседняя Колывань известны, впрочем, тем, что в этих населенных пунктах дислоцировался в начале XIX века Томский мушкетерский полк). И там, в Змеиногорске, Аршаулову придется отслужить полные два «штрафных» года.

И не успел Аршаулов вернуться в Томск и возглавить в качестве пристава новую, пятую Заисточную часть с 1 июня 1894 г., как ему пришлось вновь столкнуться с купцом Ф.П. Наумовым и стать фигурантом очередного уголовного дела, на сей раз доведенного до конца, но с вполне благоприятным для Аршаулова исходом.

Мы позволим себе остановиться на обстоятельствах этого дела подробнее. Во-первых, потому, что его материалы как раз проливают свет на «катастрофу» декабря 1891 г., а во-вторых, дело интересно само по себе как «типичная», «жанровая» иллюстрация эпохи.

Дело было заведено 30 августа 1895 г. (окончено 4 ноября 1896 г.) «по жалобе томского купца Фёдора Наумова на действия пристава 5 участка г. Томска Аршаулова», «на незаконное арестование его приставом Аршауловым и нанесение ему [Наумову] при этом побоев».

События, спровоцировавшие жалобу Наумова, состоялись в «конце июня или начале июля» 1894 г. Почему же купец с та-

ким запозданием решил дать ход своей обиде? Предположим, в опережение, что, с одной стороны, через год Наумову было выгоднее вопиять о побоях, следы которых давно сошли или, скорее всего, и вовсе отсутствовали – в такой ситуации становились более весомыми показания «своих» свидетелей. С другой стороны, вполне возможно, что Наумов осмелел потому, что прекрасно относившийся к Аршаулову полицмейстер М.И. Соколовский именно в это время оказался в опале и фактически уже не исполнял своих обязанностей, а значит, Аршаулов был как-то уязвим.

Начнём с прошения Фёдора Панфиловича Наумова. А он, в свою очередь, тоже начинает издалека.

«В декабре месяце 1891 года бывшим приставом 2-й, а ныне 5-й части г. Томска Аршауловым в сообществе его знакомых темных личностей, как-то: ссыльнопоселенца Таубера, ныне бежавшего куда-то за границу, мариинского мещанина из ссыльных Перетца Львова, ныне находящегося в Томском исправительном арестантском отделении, и неизвестных мне по фамилии (?) Гутман (Сухарка) и Усова, проживающих в настоящее время в г. Томске и занимающихся картежной игрой, захвачен был в азартную картежную игру, и разными мошенническими, как оказалось впоследствии (?), проделками поименованных лиц, был, наверное, обыгран на сумму более 2000 рублей, вследствие чего мной возбуждено было уголовное дело, и Аршаулов по распоряжению начальства был отправлен в отставку. Находясь в отставке, а также бывши змеиногорским приставом, куда он впоследствии получил назначение, г. Аршаулов, конечно, не имел возможности излить своего чувства ненависти ко мне, но когда же он был переведен в Томск, то в первый же месяц своего пребывания разразился своим негодованием ко мне, где и показал свое право, как начальник.

«Вот обстоятельство настоящего дела: в конце июня или начале июля месяца 1894 года, числа не помню, я явился для

гулянья в загородный сад «Алтай», где был дежурным приставом г. Аршаулов, который, признав меня почему-то пьяным, хотя я даже не подавал никаких признаков опьянения, не допустил в таковой, и на мою просьбу в самой вежливой форме о допущении в сад разразился полным негодованием и сделал распоряжение чрез бывшего помощника пристава 2-й части, а ныне земского заседателя Змеиногорского округа Шеремета и околоточного надзирателя Большанина об арестовании меня, как важного преступника, и отправлении в каталажную камеру 1-й части, где и посажен был наравне с последним пьяницей. Мне хорошо известно, что приводившие в исполнение распоряжение пристава гг. Шеремет и Большанин предлагали ему меня, как известного человека, состоявшего больше 20 лет в купеческом г. Томска сословии, отправить домой, так как со мной были провожатые и своя лошадь, но пристав, как я уже имел честь выше объяснить, ввиду неприязненных ко мне отношений старался отомстить мне и приказал городовым на извозчике вести в каталажку, каковые во время дороги били меня, оставив следы расправы и по настоящее время сломание пальца, что могут подтвердить свидетели, каковых я могу указать, когда явится в том надобность.

Находя действия в отношении меня пристава Аршаулова пристрастными и противозаконными, я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Превосходительство [Губернатора] сделать распоряжение о производстве по означенному делу дознание через чиновника особых поручений, состоящего в распоряжении Вашего Превосходительства и в дальнейшем поступить по усмотрению Вашего Превосходительства. 1895 года августа 28 дня. Томский купец Фёдор Наумов» (текст – писарский, подпись – Наумов).

Приходится признать, что у Аршаулова была веская причина ненавидеть Наумова и ухватиться за первый подвернувшийся-

ся повод для мести. Но очевидно и то (как увидим далее), что на самом деле он, прислушиваясь к внутреннему голосу, повел себя сдержанно, и если и досталась купцу Наумову пара лишних, как бы «между прочим» тумачков, то это сделали «паковавшие», используя современный полицейский сленг, купца подчиненные Аршаулова, и может быть по его просьбе. Подробность же о «сломанном пальце» – весьма сомнительна: за год Наумов мог сломать его где угодно и как угодно, общепризнанно будучи буйным во хмелю и скандальным человеком.

Конечно, преамбула конфликта, изложенная Наумовым, звучит эффектно: ему мстит полицейский чиновник, который некогда в сговоре с темными личностями Таубером, Перетцом Львовым, Гутманом-Сухаркой и Усовым (ссылные, уголовные, евреи), некогда обжулил его, честного русского купца, случайно, видимо, и по детской наивности севшего за один с ними игорный стол... (вообще же, для нас пресловутый антисемитизм Петра Петровича заиграл новыми гранями: евреев не любит декларативно, а как вздумалось поиграть, находятся среди них специфические приятели. И ведь не оставляет мысль о том, что недосказанность грязной игры еще не говорит о том, что её не было...).

Но, настоящее дело рассыпалось. Аршаулов держался от Наумова на расстоянии. Свидетели не помогли Наумову. Купец Якушев: «При аресте не был, но слышал от Наумова и Орловой, что побили». Околоточный Большанин: «Наумов был очень пьян, отказывался ехать домой, толкал полицейских. Буянил по дороге. Никто его не бил, и приказа бить не было». (А если бы и был, Большанин, конечно, не сознался бы). Помощник пристава Шеремет: «Наумов был пьян, обещал вести себя хорошо, но, зная хорошо Наумова, я не был уверен в его обещании. Грубил, буянил. Его везли сначала домой, но он брыкался, вырывался и лез в сад. Тогда его увезли в участок для вытрезвления: квартира Наумова очень далеко от сада, пришлось бы три версты

везти его через главные улицы, с его дикими выходками пьяного купца. Аршаулов вел себя правильно». Учитель Воронцов: «При арестовании не присутствовал. Будто бы были знаки от кровоподтеков – не видел». Извозчик Вешняк: «Наумов был очень пьян; не видел, везя его, чтобы кто-то его ударил – он вырывался, они его, само собой, придерживали (то есть могли и поддать «невзначай»)). Аршаулов: «Наумов клеветает про карты – он проиграл честно. В саду вел себя отвратительно. Я мог бы привлечь его к ответственности (но не стал)».

И только вдова статского советника Любовь Орлова говорила об ином: «... Наумов в то время был немного выпивши... полиция его в сад не пускала, он протестовал. Аршаулов велел его арестовать. При мне его связали и положили на телегу (?) к извозчику... Старший городовой начал Наумова бить; я стала вступаться за Наумова, и Аршаулов ударил меня в грудь так сильно, что я упала без чувств... Наумова Аршаулов при мне не бил...».

Но было установлено, что Орлова врет, что она заинтересованный свидетель, поскольку состоит с Наумовым в интимной связи. Новый полицмейстер А.А. Зеленский дал о ней следующий отзыв: «Жалобщица Орлова поведения неодобрительного и нетрезвого образа жизни. Шатается пьяная по гостинице «Сибирское подворье»... и живет, при взрослой дочери и двух сыновьях – малолетних, с Наумовым».

В итоге от имени Его Императорского Величества указ: «Оставить без последствий». Насколько объективным было проведенное следствие? Думается, достаточно объективным – в противном случае поднялась бы на дыбы томская общественность, и пресса, если не томская, то уж точно региональная, непременно отозвалась бы на этот инцидент с большим удовольствием. А этого не было.

В качестве эпилога (из книги «200 лет на страже порядка», цитируемые строки принадлежат И.В. Черновой): «В июле 1896

содержатель сада «Алтай», открытого для гуляний публики, купец Наумов (*то есть через год после описываемых событий он арендовал этот злосчастный для него сад – В.К., А.Я.*) устроил в своем заведении пьяный дебош и беспорядок и нанес оскорбление околоточному надзирателю, направленному туда специально для поддержания порядка. Реакция А.А. Зеленского последовала незамедлительно. Он, доложив об инциденте губернатору, добился лишения Наумова права поздней торговли (до 2 ч. ночи). Приставу же Заисточного участка Аршаулову было приказано впредь Наумову такового свидетельства не выдавать и строго проконтролировать, чтобы торговля в саду «Алтай» не продолжалась после 12 ч. ночи»¹⁵.

Злосчастное увлечение карточной игрой, как видим, едва не стоило Аршаулову карьеры, едва не поломало ему жизнь, однако же нам стал известен еще один эпизод из той же оперы, относящийся уже к 1900 г., когда губернатором был А.А. Ломачевский, а полицмейстером – Н.Н. Халтурин (высоко ценивший Аршаулова, наказывавший его за проступки довольно строго, но оставлявший его вместо себя, когда болел и отсутствовал и, в конечном счете, рекомендовавший его на место полицмейстера, уходя в отставку). И хорошо, если этот эпизод единственный, в чем, зная порывистую натуру Аршаулова, можно усомниться... Но, может быть, последний в ряду.

В новогодние праздники, 4 января 1900 г., томский прокурор конфиденциально сообщал губернатору следующее (через голову полицмейстера – так!): «На основании 260 статьи Устава... считаю долгом сообщить Вашему превосходительству, что в Томском общественном собрании открыто происходят азартные игры в карты, причем в начале текущего года в устройстве в собрании азартной игры участвовал и играл весьма успеш-

¹⁵ Ларьков, Н.С. 200 лет на страже порядка: очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. / Н.С. Ларьков, И.В. Чернова, А.В. Войтович. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. – С. 85.

но пристав 5-й части г. Томска Аршаулов. Проступок Аршаулова предусматривается 46 статьей Устава о наказаниях»...

То есть, «как волка не корми...». Если бы на месте губернатора оставался незабвенный Г.А. Тобизен, можно себе представить, что ожидало бы Аршаулова. А.А. Ломачевский, ценя Аршаулова, понимал, что прямое официальное реагирование на подвиги Аршаулова чревато для того крупными неприятностями, поскольку к началу нового столетия правила внутреннего распорядка в полиции серьезно ужесточились. Терять такого работника не хотелось, но и терпеть его фокусы было нельзя. И губернатор принял официально «асимметричное» решение (почти наверняка сопроводив его, что было характерно для практики А.А. Ломачевского, устной выволочкой.)

«Постановление. Мною усмотрено, что пристав 5-й части коллежский ассессор Петр Аршаулов крайне небрежно относится к исполнению своих служебных обязанностей, благодаря чему в заведуемом им участке замечаются упущения и беспорядки, как по распорядительной части, так и по делопроизводству.

В связи с этим я, давно принимая во внимание неисполнение Аршауловым неоднократных указаний начальства относительно устранения вышеупомянутых упущений, – постановляю: Аршаулова... подвергнуть аресту при губернском управлении на трое суток с 5 февраля 1900 г., о чем дать знать томскому полицмейстеру».

Наказание, казалось бы, мягкое – но позорное, беспрецедентное, достойное квартального, околоточного, надебоширившего, что-то подтибрившего...

Здесь хочется предположить, что Аршаулов дал губернатору слово не садиться за зеленый стол и в дальнейшем был верен своему слову. То нам неизвестно, но в 1903 г. П.П. Аршаулов был назначен полицмейстером Томска и умер, можно сказать, на трудовом посту, на вершине карьеры.

Аршаулов не прожил и пятидесяти лет. Энергичный, полный жизненных сил, он запомнился современникам как человек, погруженный в лихорадку работы, нередко круглосуточной, как человек движения, поступка, яркого жеста. Балканская война дала ему превосходную физическую и моральную закалку, и этот ресурс боевой молодости долго, почти до самой кончины, позволял ему справляться с переработками, с бессонницей, с массой отрицательных эмоций, неизбежно, ежедневно сопровождавших труд полицейского. Он брался за все, холерически отеснял («Я – сам!») в конкретике дела и городского, и околоточного – от жестокого убийства целых семей (что, к счастью, тогда было редким эксцессом) до рутинных побоев и элементарной недобросовестности обывателя, от кражи на 20 тысяч рублей «ювелирки» у братьев Ненашевых до хищения банальных свиных окороков. Он был не просто «Томский Шерлок Холмс» – он был «вездесущий томский пристав Аршаулов».

В криминализированном, неблагоустроенном, пожароопасно-деревянном, заливаемом наводнениями Томске он, что называется, «ходил под Богом». Но любопытно, что наименьшую угрозу жизни и здоровью несли ему его бескомпромиссные отношения с уголовным миром. Как ни странно, нам неизвестны случаи покушений, в той или иной форме, на Аршаулова ни со стороны «душегубов», под ногами которых благодаря приставу «горела земля», ни, затем, со стороны радикалов-революционеров, впрочем, щедро поливавших его грязью в 1903–1904 гг. (см. ниже). Задержания преступников проходили без сучка, без задоринки; ни пуля, ни нож не касались авторитетного пристава.

А вот работа в ледяной паводковой воде во время томских наводнений, а только крупных их было на веку Аршаулова не менее десятка, сказалась на его здоровье существенно. В 1897 году он подает следующее прошение: «Состоя приста-

вом с 1883 года, я почти ежегодно принимал участие в спасении людей при наводнениях, от чего получил сильнейший ревматизм. В виду этого прошу двухмесячный отпуск для поездки на озеро Карачи Каинского округа».

Чрезвычайно опасной была тогда и работа на пожарах. Она была настолько тяжела, «адова», что психика пожарных не выдерживала нечеловеческой нагрузки. А.Н. Жеравина в своей книге «Томск второй половины XIX в.», опираясь на рапорт именно Аршаулова, приводит крайний пример: от впечатлений огнеборства сошел с ума пожарный Соловьев, беспричинно убивший ночью в казарме ломом одного и ранивший двух коллег. И сам Аршаулов однажды (как минимум) пострадал, «когда на него упала горящая крыша здания. Из огня и дыма его вытащили обгоревшим, он проболел два месяца»¹⁶.

И был случай, конечно, из ряда вон, когда беду едва не навлекла сама форма полицейского. 20 января 1899 года, во время спектакля в театре Королева, в губернаторскую ложу пробрался сумасшедший, объявивший себя затем «обер-полицмейстером», и уселся рядом с настоящим полицмейстером, то есть с Н.Н. Халтуриным. Вызвали Аршаулова (как пристава участка, на территории которого находился театр) с городовым – безумец выхватил у городского шашку и покусился убить Аршаулова, но был обезоружен и скручен.

Смерть подстерегла Петра Петровича в конце 1904 г. Этот год (начало русско-японской войны; резкий рост политической активности радикалов, вовлекающий в бунтовщину студентов и старших гимназистов) был беспрецедентно тяжелым в профессиональной и человеческой биографии Аршаулова – он, опытный полицейский, с трудом справлялся с наведением порядка в городе; его, вчера любимца города, объявляли в листовках вором, держимордой, негодяем; он, очевидно, нередко бывал просто в отчаянии, заваленный работой и переживающий не-

¹⁶ Жеравина, А.Н. Указ. соч. – С. 122–123.

скончаемый стресс. И его могучий организм не выдержал: на сей раз перенести тяжелую болезнь (грипп) на ногах он не смог.

«Удостоверение. Дано сие для предоставления по начальству на предмет ходатайства о выдаче пенсии в следующем: томский полицмейстер Петр Аршаулов, 47 лет, около 1 декабря 1904 г. заболел гриппом и, вопреки совету, пробыл дома всего пять дней, мотивируя необходимостью нести служебные обязанности, не терпевшие проволочки. Поэтому 20 декабря 1904 г. болезнь осложнилась явлениями ясно выраженного дольчатого воспаления на почве гриппа, установленного микроскопическим исследованием, каковая болезнь проистекала неблагоприятно вследствие истощения (переутомления нервной системы), выразившегося в неустойчивой деятельности сердца, резкой бессоннице, одышке, психическим возбуждением вследствие раздражения мозга и неуступчивости болезни должным лечебным мероприятиям. Вследствие изложенных осложнений со стороны нервной системы, Аршаулов не мог перенести сказанного процесса и умер при явлениях шока и общего паралича нервной системы.

Томский участковый врач Томской им. Ивана Некрасова больницы Соколов. 13 февраля 1905 г.)».

И, тем не менее, не лишены серьезных оснований мнения тех исследователей истории нашего города, что считают: выкарабкайся Аршаулов из болезни, проживи еще год – и город мог бы избежать страшного погрома, разразившегося в октябре 1905 года.

4

Аршаулов был монархистом, добросовестным «службой царю». Тем обиднее, что после его преждевременной кончины ни государство, ни город Томск не озаботились толком судьбой его семьи, его детей.

Но естественно, что до поры до времени политическая составляющая в его работе была ничтожной. На то предназна-

лись жандармы, которые благодаря распространенному среди придушенных текучкой полицейских мнению представляли собой «лодырей», «чистоплюев», «бонвиванов-пенкоснимателей». «Политические» появлялись в поле зрения полиции постольку, поскольку совершали уголовные деяния – такое случалось очень редко. До 90-х гг. они ответственно (нередко и впадая в уныние, см. отзыв Чехова в одном из писем «Из Сибири») трудились, иногда и в казенных учреждениях, и ценили возможность хоть как-то заработать; многие, очень многие из них занимались просветительской деятельностью, связывались с газетами; с головой уходили в изучение истории, географии, этнографии, археологии, фауны и флоры, общей статистики края, в который забросила их судьба (чем в принципе не будут заниматься приходящие им на смену радикалы с их таинственными кошельками. После октябрьского переворота 1917 г. многие из этих «ботаников-археологов-патриотов Сибири» будут отправлены радикалами на тот свет. Какому-нибудь купцу Смирнову, не из последних, или даже полицмейстеру Н.Н. Халтурину разрешат самим умереть от голодной старости, но такие как А.В. Адрианов или даже, казалось бы, безобидный М.Б. Шатилов были обречены).

Во второй половине 1890-х, со смертью Александра III, ситуация с «политическими» усложнилась, и жандармы, безусловно, прозевали подспудное нарастание революционизма, опоздали, не успели за ним. Полиции же это пока касалось очень мало: по-прежнему в её задачи входил только негласный надзор за политическими ссыльными и неблагонадежными личностями из своих, из томичей. И относилась она к выполнению этих своих обязанностей спустя рукава. И Аршаулов не был здесь исключением, за что неоднократно получал взыскания. В ГАТО сохранились документы на этот счет. Из них мы узнаем, что на территории пятой части проживало, например, в 1898 году девять поднадзорных, которым посвящены регулярные, но чрезвычайно формальные рапорты-отписки Аршаулова, явно переложив-

шего эту работу на околоточных. Среди этих людей встречаются очень известные тогда и в ближайшем будущем: правительственный агроном Иосиф Окулич, студент Казанского университета Борис Масловский, сбежавший из-под носа околоточно-го фельдшер Иван Тюрин, дворянин Александр Шипицын, выехавший с женой на озеро Шира, и сам Петр Макушин.

«Секретно. Имею честь донести Вашему Высокоблагородию, что состоящий под негласным надзором надворный советник Почетный гражданин Петр Иванович Макушин выехал в С.-Петербург 26 апреля 1898 г. Пристав пятого участка гор. Томска Аршаулов (подпись)».

Перебрав десятки таких рапортчиков, мы так и не нашли в них сколько-нибудь содержательной информации, ни одного факта, свидетельствующего об опасных контактах поднадзорных, об их коварных помышлениях и т.п.

Новый век принес новые песни. Готов или не готов был к ним Аршаулов и его коллеги, но политика сама пришла к ним. Уже в 1901 году Томск был переведен на режим «Положения усиленной охраны», как губернский город, где проживало избыточно много политических и уголовных ссыльных, где имелось нестойкое, «зараженное крамольными идеями» студенчество.

Согласно «Положению», в городе категорически запрещались уличные шествия-демонстрации, сборища-сходки и т.п. Они становились общеуголовными деяниями и, следовательно, ими должна была заниматься полиция. Взваливая на себя такую, как быстро выяснилось, тяжелейшую обузу, полицейские, наверное, вспоминали недавние еще годы своей службы как некий «золотой век». И открытие в Томске в 1903 г. охранного отделения, в дополнение к жандармскому, нисколько не облегчило этого бремени, ибо и мера эта была недостаточной, и нелепая конкуренция (как повсюду) охранки и жандармов серьезно вредила делу.

Аршаулов-пристав «прославился» уже в связи с событиями в Томске 18–20 февраля 1903 г. В одном из бюллетеней неле-

гального комитета Томских студенческих организаций он выступает как гонитель студентов, собиравший по всему Заисточью кулачных бойцов, «башибузуков» для усмирения (избиения) студентов с согласия губернатора С.А. Вяземского и полицмейстера Н.Н. Халтурина¹⁷. События в Томске стали известны всей России благодаря публикациям в ленинской «Искре».

Полтора полицмейстерских года П.П. Аршаулова стали для него жизнью на вулкане. Он, в соответствии со своими служебными обязанностями и, несомненно, согласно велениям души, успешно и умело разгоняет демонстрации, пытается опереться на встречные инициативы томских обывателей, встревоженных революционным брожением – а положение между тем резко ухудшается с началом русско-японской войны, изначально бездарной и деморализующей сторонников традиционномонархического порядка вещей (и то ли еще будет в 1905 году, после Аршаулова, когда Кровавое воскресенье запустит маховик Первой русской революции!).

Люди из РСДРП были выдающимися, блистательными агитаторами, мастерски умевшими опереться на бесспорную правду, чтобы окружить её самой черной неправдой, тут же превращающейся в голимую правду и для желающих в это верить, сочувствующих, для тех, чью душу греет всякое злое слово большевиков о власть предержащих. Листовки большевиков (нам известны две из них, посвященные П.П. Аршаулову) представляют собой яркие образцы инвективной риторики, и вчерашний любимец города тонет в этой риторике, где предвзятость соревнуется с прямой ложью.

Вот листовка «Полицейский патриотизм» начала осени 1904 г., в извлечениях: «<...> На днях Томск сделался свидетелем этой подлой разнузданности. Типичный полицейский прохвост Аршаулов, не менее типичный архиерей Макарий, этот

¹⁷ История Томского политехнического института в документах. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. – Т. 1: 1896–1917 гг. – С. 41–42.

церковный будочник самодержавия, знаменитый купец Алексей Кухтерин, от пьянства и разгула юных лет перешедший в добровольцы кулачного режима Николая II – вот главные музыканты разыгранного концерта. Собрав толпу уличных мальчишек, подпоив несколько десятков голытьбы, угоняемой на убой в голодные и холодные степи Маньчжурии, Аршаулов провел их по улицам города: «скромно» замешавшиеся в толпе переодетые городовые и околоточные кричали «ура», мальчишки и пьяные подхватывали его. Получался безобразный гул, долженствующий спасти дом Романовых и карман капиталистов. Макарий пел молебен в соборе перед толпой отживших старух, а в городской думе купцы во главе с Кухтериным и городским головой Алексеем Макушиным (братом известного эксплуататора Петра Макушина) повергли к ногам монарха свои холопские чувства и выносили на улицу для вящего возбуждения черни портреты царя и царицы. [Далее в листовке с особенной злобой изобличаются профессора университета, выступившие против радикализма.] <...>

После этих ученых пресмыкающихся кажется совсем невинным такая продажная сволочь, как Аршаулов, гладивший на улице какого-то мальчишку и приговаривающий: «Пой, мальчик, пой!» Из глаз прелюбодея сочились слезы. Мальчишка пел, разумеется, «Боже, царя храни». Эта грубая продажная полицейская тварь совсем бледнеет перед подлостью ученых мерзавцев, призывающих своих питомцев к насилию и холуйству, как сделал это на своей лекции профессор университета Тихов. Недаром же некоторые ученики достойных учителей публично демонстрируют свою патриотическую гнусность и тупость до пьяного пения гимна в ресторанах (студент Ермолаев) <...>»¹⁸

Комментарии здесь излишни; заметим только, что Аршаулов оказался в хорошей компании. Жаль только, что в по-

¹⁸ Извлечения публикуются по изданию: Быков, В.И. Николай Большой: [о Н.Н. Баранском]. – [Иркутск]: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. – С. 45–46. – (Замечательные люди в Сибири).

следующем году Алексей Макушин проявит малодушие, пойдет на поводу у разжигателей гражданской розни и станет одним из виновников октябрьского Погрома (и, однако, вынужден будет спасти свою жизнь, а дом его будет разграблен).

В ноябре 1904 г. Аршаулов будет удостоен, так сказать, персональной листовки от социал-демократов под заглавием «Царский слуга или вор» (автор – В.А. Гутовский; текст листовки см. в приложении к нашей книге). Здесь Аршаулов предстает перед нами как «колесико» громадной репрессивной машины самодержавия, «типичный царский слуга». Он нужен «машине»: «Пусть он вор, но я не могу его сместить. Он необходим», – якобы говорил о нём губернатор. (И кому – большевикам?!).

«Сколько ненависти, сколько гнева, сколько слез вызвало на своем веку это деяние вора из воров...» – восклицается в листовке.

«Ноу-хау», использованное в этой листовке, связано со списком из четырнадцати пунктов разного рода конкретных преступлений Аршаулова, от фальсификации завещания до присвоения копеечного содержимого из бильярдной кружки, от «нагревания рук с выселяемых евреев» до прихичивания у арестантов денег.

Все эти обвинения огульны, какие-то из этих «пунктов» могли иметь место в действительности, но совсем не обязательно связаны лично с Аршауловым – доказательств у большевиков нет, и вряд ли они существовали. Но как эффектно выглядит этот список, все более убедительный по мере перечисления грехов!

И эти листовки сыграли свою роль. Томичи, как любые обыватели Российской империи, небезосновательно не доверяли полиции – и теперь и Аршаулов становился притчей во языцех, героем злых толков, по которому мог пройти и «неподражаемый куплетист» Лидин-Яковлев: «В Томске здесь почи-

ще доки, знают за день уж вперед. У кого украдут, сколько и где пустят в оборот». «Аршаулов, взбешенный этими куплетами, хлопотал перед начальником губернии о высылке злополучного артиста из города, но дело ограничилось одним дисциплинарным взысканием» (из рубрики «Томские мемуары былого» томской вечерней газеты «Сибирский свет» за 1917 год; информация была разыскана А.Б. Казачковым)¹⁹.

...Ясно одно: большевики видели в Аршаулове серьезного противника и стремились дискредитировать его, как умели, всеми возможными способами.

Но ясно и другое: Аршаулов не мог, не умел оставаться равнодушным к такой «критике», остро переживал, выходил из себя («взбешенный»). Приходится согласиться, что, когда большевики ставили себе в заслугу преждевременную смерть полицмейстера («довели его до шока»), они, в какой-то весомой степени, были правы.

5

Реально существовавшие люди, так или иначе оставившие след в истории, неизбежно попадают в поле зрения литературы и нередко при жизни.

1) Они могут становиться прототипами литературных персонажей, в общем процессе складывания, собирания образа — здесь их «личный вклад» может оказаться как значительным, до узнавания, так и неочевидным, до растворения в синтезирующей логике автора. Все зависит от авторского замысла, он царь и Бог и берет, что хочет, и тщетно и некорректно обвинять его в том, что он изобразил предугаданного нами человека «похожим» или «непохожим на него», что герой его «лучше» или «хуже», чем его прототип.

¹⁹ Казачков, А. Поэт и полицейский // Томский вестник. — 1995. — 25 нояб. — С. 5. Предположительно автором публикации был редактор-издатель газеты В.В. Невский, писавший также под псевдонимами Дедушка Левантин, Могучь.

2) В исторической же художественной прозе или поэзии автор, как правило, выводит такого человека под его собственным именем, и он теперь исторический герой, исторический персонаж, и автору он важен лично, как субъект истории и как объект художественного исследования – автор оценивает героя как историк и моралист. Здесь мы вправе предъявлять автору претензии по поводу достоверности изображения героя, справедливости по отношению к нему, опираясь на известные нам факты и руководствуясь принятыми идеологемами. Однако и автор вправе спорить с нами, если у него хватает аргументов, настаивая на своей версии прочтения героя, исходя из своих идеологических и нравственных предпосылок.

Эти споры о правде и произволе бесконечны (если только речь не идет об очевидной апологетике или явной клевете). Они опосредуются устойчивыми мифами, часто самого дурного свойства, но глубоко укорененными в сознании поколений.

И над нами – авторами и их оппонентами – довлеет переменный ток противоречивого исторического самосознания: меняются «цвета» времени, закономерны переоценки, резкие повороты, «смены вех».

Чего стоит одна литературная история Наполеона со всеми её перипетиями и парадоксами!

Но, в любом случае, на авторе груз ответственности, прокурор он своему герою или адвокат, за свое слово о данном человеке.

(Бывают крайние варианты: автор, в зоне фельетонного контакта с действительностью, желает посчитаться со своим современником, опорочить его. В зависимости от степени своей храбрости или безнаказанности он выводит «врага» под чужим именем, под узнаваемо-переделанным, даже под своим собственным – он рассчитывает на профанное узнавание героя. И редко удерживается от того, чтобы не усугубить (не досочинить) реальные или мнимые пороки своего героя. Такого рода примерами (иногда имеющими право на существование как акт борьбы за справедливость) полна современная русская литература последнего двадцатилетия.

В целом же это скверная литература. Уже и не литература, а спекуляция на её авторитете, смесь ругани с доносом – за этими текстами в подавляющем большинстве примеров стоит удовлетворение личных и мелочных интересов автора, вульгарное сведение счетов.)

Петр Аршаулов, конечно, не Наполеон, но свою литературную историю он имеет, пусть и очень скромную, ограниченную местными пределами. Зато переменный ток исторического самосознания в ней очевиден, даже до разительного в поступательной цепочке аршауловских силуэтов, возникавших под пером разных авторов от 1880-х гг. до наших дней.

1. Во второй половине 1880-х, переступив тридцатилетие, Аршаулов явился несомненным прототипом образа пристава Спасского в романе известного писателя К.М. Станюковича «В места не столь отдаленные». Станюкович отбывал ссылку в Томске, его роман-фельетон допечатывался в газете «Сибирский вестник» уже в его отсутствие. С одной стороны, это достаточно сырое и несовершенное создание автора «Морских рассказов» претендует на обобщенное типизированное изображение жизни глухого сибирского городка, с другой – современникам была очевидна «непереваренность», иногда и откровенная фотографичность романного материала. Они узнавали губернаторов И.И. Красовского или А.И. Лакса, или газетчика В.П. Картамышева в героях романа, теряясь в догадках по поводу тех или иных подробностей: придумал их автор (и в каких целях – «типизации» или простого опорочивания) – или узнал, подсмотрел их за реальными людьми зорким «эксклюзивным» взглядом?

Поэтому и мы не в состоянии разделить в образе пристава Спасского корпус реальных фактов и их «художественный» конвой. Но то, что Аршаулов – ближайший и, наверное, единственный прототип этого героя, бесспорно.

Приставу Спасскому посвящена глава 17 романа (см.: Станюкович К.М. В места не столь отдаленные. Новосибирск, Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1964, с. 144–157).

Речь в главе идет о розыске и поимке преступника, совершившего жестокое убийство с ограблением (за которым встает реальное громкое дело об убийстве купца Кана в 1886 г., расследованное Аршауловым).

Действие начинается с констатации факта преступления: на месте его свершения собираются местные чиновники. Они растеряны, но тут является «молодой частный пристав». И Невежин, главный герой романа, из ссыльных, сторонним оком наблюдающий за происходящим, «сразу догадался, что среди этих господ нет ни одного опытного в розысках человека, и только разве вот этот молодой, юркий частный пристав еще может что-то сделать. Недаром он пользовался репутацией хорошего сыщика». (Кто, как не Аршаулов?).

И действительно, Спасский, азартный и находчивый профессионал, почти немедленно догадывается, кто преступник, где его искать, и с помощью вышколенных подчиненных арестовывает «Келасури» на заимке, причем без лишнего риска. Герой изображается с симпатией, с сочувствием; образ его несколько нравственно осложняется, когда он, после поимки негодяя, в беседе с Невежиным говорит, что взятки брать можно, но делать это надо «благородно» – когда это благодарность богатого клиента, дающего вознаграждение по собственной инициативе. Вроде бы... нехорошо, но симпатии к обаятельному, энергичному герою это не отменяет. И потом: брал ли-таки подарки (взятки?) сам Аршаулов, говорил ли на эту тему со Станюковичем? В общем, в романе, наряду с новым честнягой-губернатором [*т.е.* – *А.И. Лакс* – *В.К.*, *А.Я.*], этот персонаж скорее положительный. Станюкович непредвзят, идеологический ригоризм не довлеет у него над гуманистической широтой взгляда.

2. Второй и последний прижизненный контакт с литературой состоялся у Аршаулова 25 марта 1890 г. на страницах газеты «Сибирский вестник», где была, как мы упоминали, на-

печатана сатирико-нравоописательная поэма о Томске, без названия и без указания авторства. Художественные её достоинства ниже средних, томские нравы пробираются в ней основательно, но указываются и «светлые пятна» (здесь, в Томске, имеются и «Дон-Кихоты»). И характерно, что Аршаулову здесь посвящается непропорционально большой пассаж комплиментарного, с полузаметными щипками, свойства. Он здесь не называется по имени, но это по-своему сознательный, возвышающе-риторический прием: кто ж не догадается в Томске, о ком идет речь!?

... Часто кражи здесь бывают,
Многих воры навещают,
Но по совести берут –
Полисмен наш очень крут.
Всех мошенников он знает,
В каталажки запирает,
Суд-расправу сам чинит
И квартальных не щадит.
Пристав с длинными усами
Под сенными небесами
Тоже женщин уважает,
Их своей красой пленяет!
С ним невыгодно сражаться:
Он все тайны разгадает,
Коль нагайкой отваляет,
В кабинете – глаз на глаз²⁰.

²⁰ Автором поэмы «Томск» (её полное название), как удалось выяснить томским историкам и музейщикам, является известный сибирский литератор Владимир Павлович Булыгин (1862–1908). Поэма, рукописный список которой хранится в фонде И.Е. Лясоцкого в Томском областном краеведческом музее им. М.Б. Шагилова, впервые была опубликована в томском краеведческом альманахе «Сибирская старина» в статье Я.А. Яковлева «Жил-был поэт...», посвященной жизни и творчеству В.П. Булыгина (с. 4–11, текст поэмы: с. 7–11).

«Суд-расправу сам чинит», «нагайкой отвалает» – подробности, конечно, «градобоевского» репертуара (но и детский лепет по сравнению с милицейско-полицейской практикой наших дней). Здесь это подано как извечное торжество стремления русского молодца к правде над буквой закона. Герой ведь печется о деле, а не о личной выгоде. На Руси без этого не обойтись. Да и контроль за такими проделками достаточно надежный, и когда Аршаулов переступал границы необходимого, его, как и других, за это наказывали. Так что тут не без острастки, но молодец, Аршаулов!

3. Мелькнув в межеумочной прессе 1917 г., Аршаулов был надежно забыт историками и газетчиками на следующие 50 лет. Пока, к 50-летию Октябрьской революции, не напечатал в газете «Красное знамя» большую заметку писатель Е.В. Осокин (под псевдонимом «Е. Попов»). Принадлежность псевдонима была указана В.А. Лойшей. Заметка называлась «Смерть полицмейстера». По форме это документальное повествование, по сути – отчаянная и бессовестная беллетристика. Здесь советские исторические клише и соответствующая им фразеология представлены во всей их густоте и беспардонности.

Аршаулов изображен, и очень смачно (конечно, Осокин знаком был с текстами листовок 1904 г., но далеко превзошел их в эмоционально-живописном отношении), как законченный негодяй и хвостун, скончавшийся «не по воле Божьей», а от «обалдения», в которое привела его избалованная листовка. Осокин цитирует эпиграмму в его адрес, якобы читанную Чеховым в газете, но на самом деле насвежо придуманную Осокиным; рассказывает о том, как Аршаулов бахвалится скороспелой дружбой с Чеховым (где это взял Осокин?); удостоивается титулов «держиморда, взяточник, вор, развратник».

Хорош пассаж: «Томские купцы Кухтерин, Гадалов, Королев и другие ежемесячно платили Аршаулову «дань», давали, как тогда говорили, «барашка в бумажке». Торгаши рангом пониже до-

ставляют ему на квартиру бесплатно мясо, масло, дичь, свиные окорока и обязательно полуторааршинных осетров».

Конечно же, Аршаулов был изображен лжесвидетелем, покрывателем темных дел. «Однажды, врет Осокин, Аршаулов чрезмерно увлекся и почти открыто получил взятку с владелицы публичного дома». За что был пожурен, врет далее Осокин, и был приговорен к... «церковному покаянию».

Еще добротный, характерный в методологическом плане пассаж: «Ночи проводил за карточным столом в общественном собрании [*увы, преувеличенная, но, правда. Но дальше... – В.К., А.Я.*]. Если выигрывал, то, возвратясь домой, писал стишки об одуванчиках и резеде. [*Но как убедительно это конкретное: «одуванчики и резеда»! Нам «стишки» Аршаулова неизвестны – В.К., А.Я.*]. Если проигрывал – ехал в полицейский участок допрашивать с «пристрастием» арестованных» (!).

Бедный Петр Петрович! Мы не стали бы уделять этому пасквилю серьезного внимания, если бы за невежественным враньем Осокина не вставала всеобъемлющая, тотальная историографическая традиция, разрешающая по отношению ко всем «не нашим» любое искажение фактов, любое шельмование, любую «полезную придумку». «Исходно-де «не могло быть» в дореволюционной России порядочных, дельных чиновников, тем более полицейских. Ладно, там военные-патриоты, Кутузовы, Суворовы, да и те «вопреки», и среди них масса «опутанных предрассудками» и т.п. Хотя, разумеется, пафос школы академика И.И. Минца выразился в сочинении Осокина в предельно-гротесковом виде, когда предвзятость и безответственность достигают своего абсолюта.

4. Больше повезет Аршаулову в романе Б.И. Тучина «Хроники Томского университета»²¹. Строится здание университета. Эпизодический Аршаулов еще помощник пристава (1884 г.). Случается пожар. «Против ожидания машина (пожар-

²¹ Тучин, Б.И. Хроники Томского университета. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970. – С. 56–57.

ная) появилась скоро. С ней помощник пристава Аршаулов, отчаянно веселый мордобоец... Аршаулов, хрустя сапогами, избежал по доске – кого-то в зубы, кого-то в дыхало. Старосту уволокли в участок».

Эпизод вымышленный. «Мордобоец». Могло ли такое случиться на самом деле? Зная Аршаулова, ответим честно: могло. Исчерпывается ли такой характеристикой реальная личность Аршаулова? Нет, далеко не исчерпывается. И кулаками он размахивал не всякий раз – иначе и до пристава бы не дослужился. И староста, уволоченный в участок (Почему в участок? А не в больницу? С какой стати?) – явный перебор²².

Мимолетное обращение к фигуре Аршаулова дышит избирательной предвзятостью, опорой на «штамп», но не противоречит фрагментарной правде жизни.

Поводы для этого Аршаулов действительно давал.

5. В романе Т.А. Каленовой «Университетская роща» (Томск, Красное знамя, 2003, т. 1) Аршаулов появляется в главе «Татьянин день» (с. 193–194, 201–202, затем упоминается на с. 254). Изображен он здесь снисходительно-сатирически, как незадачливый и недалекий держиморда. К сожалению, Тамара Александровна отдала дань эпохальной предвзятости (для чего ей вовсе необязательно было знакомиться с текстом Е.В. Осокина). Сначала в главе повествуется о том, как при открытии знаменитого всероссийского студенческого праздника (на который, как отмечает сам автор, полиции предписывалось смотреть сквозь пальцы; так и смотрели еще в 1897–1898 гг.!) Аршаулов, в нарушение традиции, из желания выслужиться и ненависти к инакомыслию, как унтер Пришибеев, «парящим коршуном навис над оживленным фойе, зорко высматривая «недозволенность», чем вызывает иронию у про-

²² Однако, по воспоминаниям бывшего томского губернатора В.И. Мерцалова, для строительства зданий университета активно использовались арстанты Томского тюремного замка. Возможно, именно этим обстоятельством и вызван этот эпизод в романе.

фессоров П.Н. Крылова и С.И. Коржинского. Уже это сомнительно. Пришибеевская стилистика вообще не сочетается с Аршауловым ни в умственном, ни в речевом отношении. В 90-ые годы он еще вполне равнодушен к «политике», и не стоит путать его с жандармом. Присутствовать на открытии праздника он должен был, да и наверняка пришел бы в Университет по своей воле, охотно – Томск не баловал горожан развлечениями. А вот дальше Университет оставался под присмотром околоточного и пары городских – все-таки студенты будут выпивать, могут подражаться, похулиганить; глаз нужен, но только для того, чтобы, в случае чего, отвести подгулявшего в близкое общежитие (нынешний БИН, т.е. одно из зданий Томского университета) или отвезти его на съемную квартиру. В каталажку для протрезвления в Татьянин день студентов забирать запрещалось. (И уж скорее, пользуясь праздничным поводом, Петр Петрович сел бы за винт).

Поэтому то, что пишется в главе далее, неправдоподобно вдвойне и обидно-накладно для и без того небезупречной репутации Аршаулова.

Но, по заданной логике, держиморда во всем держиморда. Оказывается, Аршаулов, совсем не по чину, остается в университетской роще бдеть за студенческим весельем: ходит, подслушивает, опускаясь до уровня последнего презренного шпика, никак, конечно, незамаскированный – и вот, когда стужаются сумерки, его настигает возмездие. Студенты («Валяй его, ребята! Лупят!») колотят его и запихивают в сугроб.

От существенных побоев его спасают те же Крылов и Коржинский.

«А-а, это опять вы, господин пристав? – не удержался от иронии Коржинский, помогая приставу выбраться из сугроба.

– Б-благодарю вас, господин профессор, – мрачно ответил Аршаулов. – Разбежались мерзавцы! Но я все равно дознаюсь...» [*Кто бил – или кто «заговорщик?» – В.К., А.Я.*]

Конечно, полицейский пристав тогда ни в Татьянин день, ни в какой-либо другой не мог вести за студентами политической слежки (коль уж он, см. выше, и за настоящими смутьянами ленился присматривать). Да еще так глупо – Аршаулов-то!?

Конечно, студенты не могли бить пристава даже в конце 90-х (и неизвестны нам такие сенсационные случаи, а обошлось бы такое баловство им слишком дорого и громко).

Мы имеем дело с чисто инерционным подходом к историческому герою, на лоб которого, не глядя, в советскую эпоху поставили печать о выбраковке.

И эта инерция сказывается даже в обрисовке внешнего облика Аршаулова, когда его социальная неприглядность продолжается в неприглядности физической.

«Аршаулов выхватил папаху, втопанную в снег, нахлобучил на лысую, со скошенным, как скворечник, затылком голову и пообещал: – Ничего... Они у меня еще вспомнят Татьянин день! Ничего...».

И откуда же прекрасный прозаик и добрейшей человек Т.А. Каленова взяла такие подробности, про лысину и затылок? Нам они неизвестны. (В 1890 г. Аршаулов женщин «красой своей пленяет», неужто успел так подурнеть? А ведь его иконография, как нам известно, отсутствует!) Откуда? ОТТУДА.

б. В последний раз фамилия Аршаулов прозвучит в романе Б.Н. Климычева «Прощаль» (Начало века, Томск, 2007, № 1–3). События в этом романе в основном происходят накануне 1917 г. и частично после прихода к власти «красных».

В числе значительных героев романа Мария Петровна Аршаулова, Долгоруков и их сын Владимир [*в действительности же сына звали Фёдором; он имел среднее образование, учился на бухгалтера, в 1930 г. был арестован «за антисоветскую деятельность»*, дальнейшая его судьба неизвестна – В.К., А.Я.], изображенные сочувственно (кажется, что так – Климычеву свойственно этическое безразличие к героям). В ходе повество-

вания, в очевидно вставном эпизоде появляется сын Аршаулова, Петр же, околоточный, который, в частности, сообщает за чем-то случайным собеседникам, что отец его был писателем (что, впрочем, могло быть). А затем упоминается, в справочном порядке, и сам Петр Петрович, умерший к данному моменту повествования десятью годами прежде. Справка о нём корректна, уважительна, непредвзята. Сведения в ней, в общем, типовые, и пафос справки – Аршаулов легендарная, заметная личность.

Сообщается любопытная деталь (достоверность которой мы так и не смогли ни подтвердить, ни опровергнуть): Аршаулов будто имел привычку расписываться шпорой (?) на коже извозчичьего экипажа. Если это – правда, то эта привычка – дурная, вульгарная, ибо безнаказанно и обидно портилось чужое имущество. Мелочь, но хотелось бы, чтобы эта мелочь оказалась плодом фантазии маститого писателя.

В целом, выходит, что Аршаулов интересовал литераторов советского периода как любопытная, выразительная и характерная (для кого в чем), но фоновая фигура ушедшей эпохи. Что по-своему логично: он не титан, не светоч, грешный человек – и не первый в ряду современников. И многозначительно, что за «аршауловскую нить» берутся очень разные писатели. Он словно неотменим.

Проблема же в другом, в том, что он далеко не последний в этом ряду, и его жизнь, его судьба, в сущности, трагическая, говорят об его времени, о национальных особенностях русского человека той поры, во многом не менее красноречиво, чем биографии Григория Потанина или Евграфа Королева.

Это важно понять. Поэтому мы уверены, что сомасштабного слова о Петре Петровиче Аршаулове еще не сказано.

П.П. Аршаулов как писатель

Начнём с цитаты из книги А.Н. Жеравиной: «Море огня бушевало, крики спасавших свое имущество, команды брандмейстеров – все это сливалось в один гул. По крышам, объатым пламенем в густом дыму..., мелькали каски пожарных, языки огня и дыма охватывали работавших, от жары трещали головы, от едкого дыма резало глаза. Пожарные работали в самой гуще огня, редко обливаемые водой... Кто выскакивал из пламени, кого ударило доской или отвалившимся бревном... Это был сущий ад. А пожарные продолжали работать, исполняя свой долг до «самоотвержения, несмотря на получаемое ими маленькое содержание, рискуя ежеминутно отправиться к праотцам и забывая совсем себя, они надеялись, что если умрут, то семьи их будут обеспечены городом, что жизнь их застрахована от всяких случайностей...»¹.

Эти строки вышли из-под пера Петра Петровича Аршаулова, но перед нами не газетный очерк и не образец его эпистолярного наследия. Они извлечены А.Н. Жеравиной из служебного рапорта П.П. Аршаулова полицмейстеру (того самого, в котором он докладывает о страшном преступлении сошедшего с ума пожарного Соловьева, см. выше). Без всякой на то служебной надобности, «органически», Аршаулов превращает свой опыт в текст повышенно экспрессивный, почти в поэму о томском пожаре, но в то же время и в психологическое исследование состояния души несчастного пожарного.

Один из старых томичей вспоминал: «Как теперь, представляю его себе, видный мужчина с аршинными усами стоит

¹ Жеравина, А.Н. Томск второй половины XIX – начала XX вв.: (по материалам дореволюционной печати). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 122.

в театральной позе в коляске, которую мчат пара лихих бегунцов на пожар, коляска окружена эскортом конных пожарников; словом, картина напоминала бег на арене римского патриция во время конских ристалищ в Колизее»².

Заметим, что и впоследствии Аршаулов «не стеснялся» быть красноречивым в официальных текстах. Также определенными литературными достоинствами обладал и его первый приказ на посту томского полицмейстера, разумеется, подтверждавший в Аршаулове опытнейшего профессионала-полицейского. Приказ полностью был напечатан в газете «Сибирский вестник» (1903, 22 мая (№ 107), с. 2–3; текст см. в приложении).

И надо думать, что его увлечение литературным трудом, столь вынужденно недолгое было обусловлено не одним желанием интеллигентного человека «быть с веком наравне», не столько честолюбиво-тщеславными соображениями, сколько естественным желанием поделиться своим уникальным жизненным опытом – опытом человека из тех немногих, кто хорошо знал изнанку жизни и ежедневно сталкивался с её экстремальными проявлениями, с её яркими неоднозначными подробностями, сокрытыми от глаз обыденного россиянина.

И не надо думать, что обращение Аршаулова к литературе было спровоцировано приездом Чехова – большая часть известных нам его произведений (если не все) была написана до приезда Антона Павловича, и о том, что Чехов приедет в Томск, Аршаулов и не мог подозревать, тем более, что первая публикация П.П. Аршаулова в газете «Сибирский вестник» датируется 26 января 1890 года.

Его записки о Балканской войне «От Гельсингфорса до Константинополя» – добросовестный и правдивый источник разнообразных сведений о ней. Важно, что это не мемуары видного военачальника, а воспоминания-хроника подпоручика, и

² Старый воробей. Томские мемуары былого // Сибирский свет (Томск). – 1917. – 15 февр. (№ 36). – С. 4.

мы знакомимся с этой славной кампанией на взводном, ротном, батальонном уровне, познавая её через драгоценные частности, не отвлекаясь от ландшафта и вглядываясь в лица людей, встреченных автором на военных перепутьях. Здесь своя глубокая, неприкрашенная и непосредственная правда о той войне.

В отличие от Отечественной войны 1812 г. с её продолжением в заграничных походах 1813–1814 гг., породившей целое море из тысяч и тысяч мемуарных текстов (за ними – дневники, переписка...), в отличие даже от горькой памяти Крымской войны, Балканская война 1877–1878 гг. оставила после себя довольно лаконичный, ограниченный мемуарный корпус, в котором тексты, исходящие от рядовых её сознательных участников, совсем немногочисленны. Тем выше ценность тоненькой аршауловской брошюры, что отметила и редакция газеты «Сибирский вестник» в номере от 26 января в начале публикации воспоминаний Аршаулова: «Помещаем эти записки одного из участников последней турецкой кампании 1877–1878 гг., предполагая, что у нас в Сибири найдется немало лиц, интересующихся этой кровавой эпопеей, неоспоримо имеющей мировое значение, так как она послужила к началу освобождения славян»³.

Аршаулов в ней зарекомендовал себя как наблюдательный и находчивый повествователь, у которого все в порядке и с красным словцом, и с умением передать читателю атмосферу, фронтовую и бивуачную, заразить читателя своими эмоциями, впечатлениями. За стилистикой текста отчетливо встает стилистика человека, его характер, его идеалы, его жизненный опыт. Он смел, даже безогляден, до прямолинейного, в оценках и характеристиках, словно бравирует своей армейской категоричностью, что может вызвать у иного читателя неприязнь к автору. Но когда мы сопоставляем текст этих записок с данными служебных формуляров Аршаулова, мы вдруг с уважительным удивлением обнаруживаем, что он не посчитал нужным сам рассказать нам

³ Сибирский вестник. – 1890. – 26 янв. (№ 12). – С. 2.

о своих личных подвигах и наградах за них, умолчал, постеснялся как-то выделять себя на фоне большой войны с её героями и немалыми жертвами.

Вот так расставлены им приоритеты – он офицер русской армии, верный её этическому кодексу, сын Отечества. Воспоминания публиковались дважды в течение 1890 г. – в начале на страницах газеты «Сибирский вестник», впоследствии без всяких изменений в виде брошюры были отпечатаны в типографии В.В. Михайлова и П.И. Макушина.

Мы публикуем в нашем издании два аршауловских рассказа – «Два преступления» и «Дорого яичко к Христову дню» (автобиографическая основа последнего раскрыта И.В. Черновой)⁴. Эти вещи слабы, но они типичные образцы малой беллетристики 80-х гг., «провинциализированной» до шаблонности, ходульности, что здесь частично искупается сердечной, гуманистической установкой. Это, конечно, «литературщина», как сказал бы А.П. Казаркин, но, по крайней мере, добросовестная.

Автобиографичностью, как мы предполагаем, пронизан рассказ Аршаулова «Бунт», посвященный эпизоду жизни из среды золотодобытчиков. Как известно, его отец П.И. Аршаулов владел золотыми промыслами на Алтае. Здесь же выведен образ хозяина – «мужчина лет 60, высокий, красивый, здоровый старик» и его сына, баловня отца и будущего наследника. Возможно, на написание «Бунта» его натолкнули детские и юношеские воспоминания.

Иное дело – криминальные очерки Петра Аршаулова [*они также включены в нашу книгу – В.К., А.Я.*]. Они тоже типичные образчики, но типичные образчики мощной, богатой и разнообразной очерковой традиции, обретающей в те годы (от В.Г. Короленко

⁴ Здесь следует отметить, что И.В. Чернова в 2010 г. вновь обратилась к жизни и деятельности П.П. Аршаулова, рассказав на страницах томского краеведческого альманаха «Сибирская старина» об его участии в Балканской войне 1877–1878 гг. (Чернова, И. Взятие Плевны // Сибирская старина, 2010, № 26, с. 5–7).

до В. Дорошевича) второе дыхание. Особые перспективы и особое обаяние имел очерковый жанр в Сибири, в нём явственно еще «колумбово» начало, он дышит свежестью первого взгляда, одушевлен сибирским патриотизмом. Самое привлекательное, самое знаменательное на полосах сибирских газет – очерки, очерки-расследования, очерки-путешествия, очерки-дневники.

Аршаулов пишет о том, что знает очень хорошо, досконально, понимая, что никто другой таким знанием не обладает, что он носитель уникальной информации. Замечательно, что его профессиональная увлеченность материалом сопровождается выходом к ценностным установкам большой русской литературы. И он обретает свой слог, свою, только ему присущую манеру повествования: его проза ритмична, крепко сбита, точна.

«Фатима», драма в трех действиях из кавказской жизни 50-х годов, имеет, на наш взгляд, сугубо историко-литературный интерес – как первое драматическое произведение, созданное в Томске. Это безоговорочная творческая неудача Аршаулова. Скорей всего, это первый его литературный опыт, вряд ли вызвавший восторги у тех, кому довелось с ним познакомиться (повторим: очень хорошо, что Аршаулов не решился читать эту драму Чехову. Кстати неясно – почему? Предположим, что усталый Чехов убоился, что чтение будет слишком продолжительным («драма!»), и согласился на что-то менее объемное). Понятно, что «Фатима» была особенно дорога автору, он был к ней совершенно не критичен – почему и издал все-таки её отдельным изданием.

По сути, драма – очередной, дико анахронический и сверхбанальный парафраз байронически-пушкинского сюжета («Кавказский пленник номер 1000»), достойный разве что включения в знаменательный справочник В.М. Жирмунского – в приложение к его монографии «Байрон и Пушкин», где собраны сведения о подражаниях-вариациях на этот сюжет, каковых оказалось фантастически много. Следствие затянувшейся эпохи кавказских войн.

Фабула бесхитростна: оказавшись в доме черкесского князя Гамза-бека, раненый русский князь Хорсанов влюбляется (и любим взаимно) в его дочь Фатиму. Чудо, но в условиях строгого кавказского дома любовь их приобретает самый полномасштабный характер. Вероломно нарушая горский кодекс о госте, страстный князь пытается бежать с Фатимой, покорной своему чувству, но их ловят, князь закалывается, «разрывая веревки и выхватив у джигита кинжал», Фатима сходит с ума. Хохочет, бредит, танцует, принимает за князя дерево! (и сердится, что дерево остается безучастным к её призывам) и бросается в пропасть.

Драма заканчивается предсказуемым восклицанием Гамза-бека:

«О горе мне, несчастному отцу!» (Занавес).

Действия в драме практически нет, она состоит из патетических монологов и взвинченных диалогов. Стилистические клише господствуют. Драма написана разностопными ямбами, почти вызывающе неказистыми, со множеством ошибок в просодии. Такую драму мог написать гимназист Чечевицын из чеховского рассказа «Мальчики». Вы можете не читать «Фатиму» – в ней нет ничего ни аршауловского, ни томского – мы публикуем её из соображений научной историко-литературной добросовестности.

Драма «Фатима», также как и воспоминания «От Гельсингфорса до Константинополя», была издана в виде книги в типолитографии В.В. Михайлова и П.И. Макушина. Обе брошюры были изданы ограниченным тиражом, скорее всего 100–200 экземпляров, в продажу не поступали, а распространялись самим автором. В каталогах книжных магазинов П.И. Макушина и каталогах дореволюционных томских библиотек они не упоминаются. В настоящее время известно, что военные воспоминания Аршаулова хранятся только в Научной библиотеке Томского государственного университета, а «Фатима» – в Российской государственной библиотеке, Российской национальной библиотеке и Библиотеке Академии наук РФ.

Мы (дай Бог, пока) не нашли никаких следов продолжения Аршауловым литературной работы в последнее десятилетие его жизни. Архив его, если он и был, не сохранился, газеты молчат: с 1891 г. писатель Аршаулов канул в вечность. Увы, вероятнее всего, входящий в возраст, перегруженный работой, воспитывающий троих детей Петр Петрович отошел от изящной словесности (не встретив, видимо, и сочувствия у читающей публики), в лучшем случае останавливаясь на стадии замыслов и набросков к ним. Обычное, привычное: задушила грустная действительность его творческие порывы.

Но то, что им создано, в лучших проявлениях достойно нашего прочтения и сейчас, через 120 лет после первого выхода в свет. В конце концов, это содержательнее, полезнее чтения бойких детективных романов отставных милиционеров постсоветской эпохи.

Библиография

(Архивные материалы, сочинения
П.П. Аршаулова и литература о нём)

Архивы

Государственный архив Томской области (ГАТО).

Ф. 3. Оп. 12. Д. 332. Документы о рассмотрении жалобы Ф.П. Наумова на противоправные действия пристава 5 части г. Томска Аршаулова (1895–1897 гг.).

Ф. 3. Оп. 12. Д. 1793. Формулярный список о службе провинциального секретаря, полицейского пристава 2 части г. Томска П.П. Аршаулова (1891 г.).

Ф. 3. Оп. 12. Д. 1794. Формулярный список о службе провинциального секретаря, полицейского пристава 2 части г. Томска П.П. Аршаулова (1892 г.).

Ф. 3. Оп. 12. Д. 1795. Формулярный список о службе подпоручика, полицейского пристава 2 части г. Томска П.П. Аршаулова (1895 г.).

Ф. 3. Оп. 12. Д. 1796. Формулярный список о службе титулярного советника, полицейского пристава 5 участка г. Томска П.П. Аршаулова (1897 г.).

Ф. 3. Оп. 12. Д. 1797. Формулярный список о службе коллежского секретаря, полицейского пристава 5 участка г. Томска П.П. Аршаулова (1896 г.).

Ф. 3. Оп. 12. Д. 2601. Формулярные списки о службе: [...], титулярного советника, полицейского пристава 5 участка г. Томска П.П. Аршаулова (1897 г.).

Ф. 233. Оп. 2. Д. 2907. Постановления Томской городской думы о назначении стипендии на воспитание сына П.П. Аршаулову (1906 г.).

Ф. 233. Оп. 3. Д. 140. Переписка с Главным штабом военного министерства о принадлежности П.И. Аршаулова к потомственному почетному гражданству (1874 г.).

Ф. 233. Оп. 4. Д. 510. Документы о сдаче в аренду земельного участка М.П. Аршауловой по ул. Всеволодо-Евграфовской (1901–1910 г.).

Ф. 233. Оп. 4. Д. 1254. Документы об утверждении плана на строительство дома М.П. Аршауловой по ул. Тверской (1907–1908 гг.).

Сочинения П.П. Аршаулова

От Гельсингфорса до Константинополя: воспоминания 1877–1878 годов о турецкой кампании / 17-го пехотного Архангелогородского Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича подпоручика Петра Аршаулова. – Томск: Тип. М.Ф. Картамышевой, 1890. – 45, [3] с.

Заглавие в тексте – От Гельсингфорса до Константинополя: (воспоминания о турецкой кампании 1877–1878 гг. русского офицера).

Фатима: из кавказской жизни 50 годов: драма в 3-х д. / П.П. Аршаулов. – Томск: Типолитография Михайлова и Макушина, 1890 (на обл.: 1891) – [2], 31 с.

Произведение было посвящено Ю. Е. Гри-вой.

Цензорное дозволение: СПб., 17 декабря 1890 г.

От Гельсингфорса до Константинополя: (воспоминания о турецкой кампании 1877–1878 годов русского офицера) / подпоручик Петр Аршаулов // Сибирский вестник (Томск). – 1890. – 26 янв. (№ 12). – С. 2–3; 2 февр. (№ 15). – С. 1; 9 февр. (№ 18). – С. 1; 16 февр. (№ 20). – С. 1; 23 февр. (№ 23). – С. 1; 2 марта (№ 26). – С. 1; 9 марта (№ 29). – С. 1.

В № 12 включен комментарий редакции по поводу публикации воспоминаний.

Два преступления: (эскиз из мира действительности) // Сибирский вестник (Томск). – 1890. – 16 марта (№ 32). – С. 2–3.

Произведение было посвящено супруге томского полицмейстера А.Д. Некрасовой.

Дорого яичко к Христову дню: (быль) / Петр Аршаулов // Сибирский вестник (Томск). – 1890. – 1 апр. (№ 38). – С. 2–3.

Произведение было посвящено А.Я. Боровиковой [*в тексте – А. Я. Б.*].

Бунт: (очерк из сибирской приисковой жизни) // Сибирский вестник (Томск). – 1890. – 2 мая (№ 49). – С. 2–3; 4 мая (№ 50). – С. 2–3.

Из жизни сибирского темного люда: (рассказы Петра Аршаулова) // Сибирский вестник (Томск). – 1890. – № 53, 65, 73.

Содержание: I. Чайные грабители. – 13 мая (№ 53). – С. 2–4. – Подписано: Томск, 5 мая 1890 г.; II. Крючники-грабители. – 10 июня (№ 65). – С. 2–3. – Подписано: [Томск], 1890 г. 7 июня; III. Коловоротчики. – 29 июня (№ 73). – С. 2–3.

О П.П. Аршаулове

Адрес-календарь лиц, состоящих на государственной и общественной службе в Томской губернии: (составлен 10-го дек. 1883 г.): прил. к «Памятной книжке Томской губернии на 1884 г.». – Томск: Губ. тип., 1885. – С. 14.

Местная хроника // Сибирский вестник (Томск). – 1903. – 21 мая (№ 106). – С. 2.

Назначения: [из рубр. «Местная хроника»] // Сибирский вестник (Томск). – 1903. – 3 авг. (№ 168). – С. 3.

[Извещение о смерти П.П. Аршаулова] // Сибирская жизнь (Томск). – 1904. – 29 дек.; Сибирский вестник (Томск). – 1904. – 30 дек.

[Извещение о похоронах П.П. Аршаулова] // Сибирский вестник (Томск). – 1904. – 31 дек.

Указано, что вынос тела состоится из его дома по адресу – Большая Подгорная ул., № 83.

Старый воробей. Томские мемуары былого // Сибирский свет (Томск). – 1917. – 15 февр. (№ 36). – С. 4.

Баранский, Н. (Николай Большой). В рядах Сибирского соц.-дем. союза: (воспоминания о подпольной работе 1897–1908 гг.). – Новониколаевск: Гос. изд-во. Сиб. отд-ние, 1923. – С. 25.

Из содерж.: [Гутовский, В.А.]. Царский слуга или вор: [листовка]. – С. 80–81.

Попов, Е. Смерть полицмейстера / Е. Попов [псевд. писателя Е. Осокина] // Красное знамя (Томск). – 1967. – 7 апр. – С. 4.

Быков, В.И. Николай Большой: [о Н.Н. Баранском]. – [Иркутск]: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. – С. 45–46.

Из бюллетеня комитета Томских студенческих организаций о революционных событиях в Томске 18–20 февраля 1903 г.: [документ хранится в Государственном архиве Томской обл.] // История Томского политехнического института в документах. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. – Т. 1: 1896–1917 гг. – С. 41–42.

Казачков, А. Поэт и полицейский: [о Г.А. Вяткине и П.П. Аршаулове] // Томский вестник. – 1995. – 25 нояб. – С. 5: ил.

О драматическом дебюте Г.А. Вяткина – пьесе «Бескрылые», поставленной в Томске 16 января 1904 г. и взаимоотношениях поэта с томским полицмейстером.

Разумова, Н.Е. В Томске проездом: (А.П. Чехов) // Русские писатели в Томске: [сб. очерков]. – Томск: Водолей, 1996. – С. 168;

То же // Чехов и Томск: [сб.] / ТОУНБ им. А.С. Пушкина; [сост. Э.К. Майданюк]. – Томск: [Ветер], 2010. – С. 13.

[Чернова, И.В.]. Аршаулов Петр Петрович // Ларьков, Н.С. Полицмейстеры, комиссары, начальники: руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв. / Н.С. Ларьков, И.В. Чернова; [авт. текста об П.П. Аршаулове – И.В. Чернова]. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – С. 82–87: ил.

Также П.П. Аршаулов упоминается на с. 68, 81.

Томский некрополь: списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах, 1827–1939 / сост. и ред. Н.М. Дмитриенко. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 93.

[Чернова, И.В.]. Аршаулов Петр Петрович: [из прил. «Краткие биографические сведения о руководителях органов внутренних дел Томской области (губернии)»] // Ларьков, Н.С. 200 лет на страже порядка: очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. / Н.С. Ларьков, И.В. Чернова, А.В. Войтович. – Томск: [Красное знамя.], 2002. – С. 499–500.

Также о П.П. Аршаулове см. с. 88, 90–91, 97.

Петр Аршаулов: офицер, полицмейстер, писатель // Всё для вас. – 2003. – 5 февр. (№ 345). – С. 10.

Адрианов, А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: письма Г.Н. Потанину / сост., публ. Н.В. Васенькина; [ред. Н.В. Серебренников]. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – С. 109. – (Серия «Сибирский архив»; Т. 3).

Чехов, А.П. Письма № 819, 834 // Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.; Письма: в 12 т. – Воспроизводится по изд.: М.: Наука, 1976. – М.: Наука, 2009. – Т. 4: Январь 1890 – февраль 1892. – С. 89, 91, 92, 109.

Жеравина, А.Н. Томск второй половины XIX – начала XX вв.: (по материалам дореволюционной печати) / А.Н. Жеравина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 121–123, 150–153, 162–164.

О П.И. Аршаулове, с. 139, 140.

О Е.М. Аршауловой, с. 296.

Костин, В.М. Два метеора // Чехов и Томск: [сб.] / ТОУНБ им. А.С. Пушкина; [сост. Э.К. Майданюк]. – Томск: [Ветер], 2010. – С. 72–73.

Майданюк, Э.К. Город и его обитатели // Чехов и Томск: [сб.] / ТОУНБ им. А.С. Пушкина; [сост. Э.К. Майданюк]. – Томск: [Ветер], 2010. – С. 107–110.

Траксель, Л.С. Томские знакомства А.П. Чехова. Аршаулов Петр Петрович: [из библиогр. указ. «А.П. Чехов и Томск»] // Чехов и Томск: [сб.] / ТОУНБ им. А.С. Пушкина; [сост. Э.К. Майданюк]. – Томск: [Ветер], 2010. – С. 182–183.

Чернова, И. Взятие Плевны // Сибирская старина: краевед. альманах: [воен. спецвып.]. – Томск, 2010. – № 26. – С. 5–7: ил.

В публикации в т.ч. приводится краткое изложение воспоминаний П.П. Аршаулова «От Гельсингфорса до Константинополя», опубликованных в 1890 г.

Образ П.П. Аршаулова в художественной литературе

Станюкович, К.М. В места не столь отдаленные: [роман / вступ. ст. А. Пугачева; подгот. текста и примеч.

А.В. Вансловой]. – Новосибирск: [Зап.-Сиб. кн. изд-во], 1964. – С. 144–157. – (Библиотека сибирского романа).

[Булыгин, В.П.]. Характеристика в стихах: [публ. отрывка сатир. поэмы «Томск»] // Сибирский вестник (Томск). – 1890. – 25 марта (№ 36). – С. 3. – Авт. не указан;

То же: [впервые опубл. полностью / предоставлена к печати сотр. Том. обл. краевед. музея О.П. Галановой, коммент. сотр. музея Е.А. Андреевой] // Сибирская старина: краевед. альманах. – Томск, 2005. – № 23. – С. 7–11. – Загл.: Томск.

Поэма опубликована в статье Я.А. Яковлева «Жил-был поэт...», посвященной жизни и творчеству В.П. Булыгина (1862–1908) (с. 4–11).

О П.П. Аршаулове, с. 9, 11.

Долгоруков, В.А. [псевд. - Всеволод Сибирский]. Стихотворения. – Издание второе М.П. Долгоруковой. – Томск: Типография Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – VI, 522 с.

9 стихотворений из раздела «Эрос» посвящены М.П. Долгоруковой (урожд. Аршауловой), супруге автора.

Тучин, Б.И. Хроники Томского университета. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970. – С. 56–57.

Каленова, Т.А. Университетская роща: роман. – Томск: Красное знамя, 2003. – Т. 1. – С. 193–194, 201, 202, 254.

Климьчев, Б.Н. Прощаль: роман // Сибирские огни. – 2004. – № 9–10;

То же // Начало века. – 2007. – № 1–3.

Автор упоминает сына П.П. Аршаулова и родную сестру М.П. Аршаулову, вышедшую замуж за издателя и литератора князя В.А. Долгорукова.

Составитель **А.В. Яковенко**

Часть II

Исторические документы

Приказ в. и. д. полицмейстера П.П. Аршаулова

Назначенным на днях к исправлению должности Томского полицмейстера приставом 5 участка П.П. Аршауловым отдан следующий приказ по полиции:

19-го сего мая по распоряжению Его Сиятельства Губернатора, Князя С. А. Вяземского, я вступил во временное исправление должности Томского полицмейстера. Эту должность, как бы она не была кратковременная, я желаю нести по долгу совести и присяги, твердо уповая и надеясь, что временно подведомственные мне чины полиции всеми силами будут содействовать мне во всем, что касается долга службы, не щадя своих трудов, не теряя энергии. Мы, полиция – одна семья. Что бы не случилось в городе, что бы не произошло в том или другом участке, все, как один человек, должны помогать друг другу, а не ссылаться на то, что это не мой участок.

Один в поле не воин – и не мыслимо следить за всем без хороших помощников. Г.г. приставов я знаю с самой хорошей стороны и уверен, что они искренно помогут мне нести тяжелую обязанность полицмейстера. У полиции всегда масса врагов. Постараемся хотя часть их привлечь на свою сторону, стоя всегда на законной и гуманной почве.

Прежде всего я постараюсь обратить внимание на общественную безопасность. В Томске 65000 жителей. Жизнь здесь кипит ключом. Здесь есть то, чего нет в других городах – это ссыльные; весь этот элемент, из ссыльных, и не из ссыльных, ютится в кирпичных сараях, на пристанях, в домах терпимости, около трактиров, столовых, харчевен, квасных лавок и проч.

Это – шулера, уличные картежники, подбрасыватели кошельков, пачешники и прочий люд, часто готовый придушить за копейку. На них следует обратить ваше особенное внимание.

Затем прошу сейчас же предупредить нищих, чтобы они немедленно выезжали из города: тех же, которые останутся и будут продолжать собирать милостыню, неукоснительно привлекать к ответственности. Людей, не имеющих права проживания в городе, выехать, беспаспортных присылать в полицию. Необходимо также обратить внимание на прислугу, которая, часто проживая под подложными паспортами, обкрадывает хозяев.

Водовозы и извозчики... от них нужно желать много лучшего. За первыми следует следить в санитарном отношении, а относительно вторых наблюдать, чтобы выезд у них соответствовал имеющимся на этот счет постановлениям городской Думы, а также следует следить и за их нравственными качествами и поведением.

Прошу, далее, г.г. приставов следить за строгим исполнением противопожарных правил: чтобы взвозы, колодцы, подъезды к воде (на Белозерье, Ереневском озере и т. д.) были в порядке, в каждом дворе были бы лестницы и бочка с водой. Г.г. Брандмейстеров Томской Пожарной Команды и Унтер-Брандмейстера Вольной Пожарной Команды прошу внушить пожарным служителям, чтобы на пожарах между ними отнюдь не было пререканий по какому бы то ни было поводу. Все должны действовать единодушно, всецело отдаваясь святому долгу спасения ближнего. Ответственное лицо и руководитель на пожарах есть полицмейстер, которому должны подчиняться и исполнять его законные требования все присутствующие и работающие на пожарах. Праздное любопытство воспрещает закон (ст. 306 Уст. о пресс. и пред. прест.). Ближайшими и ответственными моими помощниками на пожарах являются Брандмейстер и Унтер-Брандмейстер, которым обязаны подчиняться беспрекословно подведомственные им чины.

Наблюдать, чтобы улицы подметались или поливались водой, а также – не было ухабов. Дворы должны содержаться в чистоте и все обязательные постановления по санитарной части должны жителями исполняться неукоснительно. Прошу чаще осматривать съестные и квасные лавки и вообще все заведения, продающие пищевые продукты.

Прошу воспретить на улицах всякие игры: в мячи, городки и проч., а также музыку и пение. Отнюдь не позволять никому нарушать общественное спокойствие и безопасность, предупреждать всякие скопления на улицах публики, вежливо прося разойтись, а в случае непослушания виновных привлекать к ответственности. Следить за нахалами, делающими на улицах грязные предложения женщинам, и по первой же жалобе привлекать к ответственности.

Особенно прошу со всеми быть вежливыми, никогда не возвышать голоса, отнюдь никогда не прибегать к кулачной расправе и всякие наказания предоставить суду.

Предлагаю г.г. приставам обязать околоточных надзирателей и старших городских при каждом удобном случае знакомить городских с обязанностями полицейской службы, разъяснять им существующие инструкции и правила и проверять их знания. Малограмотных городских ставить на посты по возможности ближе к участкам, дабы, они могли быть на глазах.

Подтвердить городovým, что они обязаны отдавать честь установленным порядком лишь г. Начальнику губернии, становясь во фронт, чинам губернской администрации, своему непосредственному начальству, становясь во фронт, лицам, носящим военные погоны, а также Председателю Окружного Суда, Прокурору и его Товарищу по гор. Томску, которых каждый городской обязан знать в лицо, отдавать честь, прикладывая руку к козырьку, остальным чиновникам чести не отдавать, за исключением случаев, когда чиновник подходит к городóвому просить содействия или разговаривает с ним. Городóвой должен немедленно исполнять законные

требования, а в случае невозможности исполнить – предлагать обращаться в участок к дежурному по участку, который должен отлучаться оттуда лишь в случае крайней необходимости.

При сопровождении арестованных по улицам, городовые никому, даже своему непосредственному начальству, не должны отдавать чести, дабы всё их внимание было сосредоточено на арестованных.

Прошу также обратить серьезное внимание на малолетних воришек, которых у нас не мало. Прошу наблюсти, чтобы такие были водворены установленным порядком в исправительную колонию. Строго следить за мальчиками-разносчиками газет, из среды которых, как мне достоверно известно, вышло не мало малолетних преступников¹.

Прошу г.г. приставов вменить в обязанность всем городовым утром в 7 часов докладывать старшим городовым о всём, что ими замечено в городе за сутки. При объездах мной по городу каждый городской может меня остановить и докладывать, если им что-либо замечено, стоя на посту. Дежурным околоточным – утром отбирать от старшего объездного книжки ночных объездных и о всех замечаниях в 8 часов утра докладывать г. Приставу для соответствующих распоряжений. Старший объездной должен подробно расспрашивать объездных обо всем замеченном за ночное дежурство и докладывать дежурному околоточному.

Г.г. околоточным надзирателям являться к утреннему рапорту для доклада приставу и получения приказаний в 8 с пол. часов; к вечернему рапорту являться в участок в 6 часов вечера.

Г.г. приставов прошу являться с утренним рапортом в 9 часов утра. О всяком происшествии, насколько бы оно маловажно не было, давать мне знать по телефону, или запиской, дабы

¹ Более подробно о детской преступности в Томске см. монографию доктора исторических наук, профессора ТГУ А.Н. Жеравиной «Томск второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам дореволюционной печати)» (Томск, Изд-во Том. ун-та, 2010).

в каждый данный момент я был в курсе дела и знал о всем, что делается в городе.

Г.г. околоточных надзирателей обязываю немедленно по записи бумаг регистратором принимать их и иметь в своем портфеле, дабы возможно было исполнять их при всяком удобном случае.

Настоящий мой приказ г. Брандмейстера и Унтер-Брандмейстера прошу объявить по вверенным им пожарным депо. Старшим городovým участков и полиции раздать по экземпляру каждому грамотному городovому: неграмотным прочесть, что возлагаю на обязанность старших городových.

Источник публикации: Сибирский вестник (Томск). – 1903. – 22 мая (№ 107). – С. 2–3.

**Сибирский союз – комитет Российской социал-
демократической партии**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

[Листовка] № 61

Царский слуга или вор

Да, царский слуга – значит вор. Это знает и должен знать каждый «гражданин» земли русской. Вор – его имущества, вор – его труда, вор – здоровья, вор – самой жизни.

Разве истинный слуга Его величества может быть честным человеком? Никогда. В самом деле, – что такое царское самодержавие? Разве это не куча разбойников, сплотившихся вокруг престола, будто бы установленного богом, столпившиеся вокруг Высочайшего недоумка, будто бы помазанника божья, кучка, обвешанная орденами, осыпанная золотом, выдавленным из тела и крови бесправного народа?!

Царское самодержавие – это огромная тяжеловесная машина, построенная на невежестве и темноте многомиллионного народа.

Подати, налоги на товары и всяческие иные поборы – вот та «хитрая механика», которая составляет суть самодержавной машины. Царские законы, собранные в многочисленные томы, торжественно закрепляют это безграничное и наглое грабительство.

Но так действуют на верхах: царь, министры и большие чиновники. Они грабят, грабят беспощадно, но «вежливо», «на основании закона», – незаметно для глаз непросвещенного народа. А, как известно, «не пойманный не вор!».

Но зато, чем ниже спускается чиновничья лестница, тем истинный характер «воровской машины» становится откровеннее. Тут же не церемонятся, тут прямо хватают за горло. «Хитрая механика» – для верхов; для низов уже достаточно кулака, каталжки и тюремного застенка. Мелкие чиновники, полицейские

чины, жандармы высшие и низшие, отбросив всякую «хитрую механику», грабят просто, явно, как на большой дороге, нарушая даже царские законы. И этот грабительский шум, и треск последних колесиков самодержавной машины заглушает и затемняет в народном сознании главную работу больших колес.

Взгляните, напр., как шумит и трещит одно из таких «колесиков» в нашем Томске. Сколько ненависти, сколько гнева, сколько слез вызвало на своем веку это малое «колесико», именуемое Аршауловым?! Народное внимание, прикованное к деяниям этого вора из воров, видит только его, слышит только его разбои, не задумываясь, что за спиной этого жулика стоит губернатор, за губернатором министры, а за министрами сам царь. Те заемей руками мелких чиновничьих и полицейских сошек, несчастный народ, ненавидит только их, не понимая, что это винтики целой машины, называемой «царской монархией».

Полицмейстер Аршаулов – типичный царский слуга. «Воровская машина» или царское самодержавие не может без них обойтись. Когда за многочисленные подвиги в 5 участке, по указаниям прокурора, его хотели сместить, – ныне возвышенный царскою милостью томский губернатор не допустил обидеть верное «колесико» воровской машины.

Пусть он вор, – сказал губернатор, – но я не могу его сместить. Он необходим... Между тем г. губернатору хорошо было известно:

1) Как Аршаулов украл деньги, собранные им с купцов на праздник пожарных 18-го апр. 1904 г.

2) Как Аршаулов обложил 10 проц. сбором выдачу удостоверений пострадавшим от пожара страхователям.

3) Как за разрешение музыки в домах терпимости он берет 25–50 руб. в свой карман, пообещав отдавать их в Красный крест.

4) Как за приличное вознаграждение он позволяет селиться в домах терпимости несовершеннолетним.

5) Как, будучи уже полицмейстером, но, продолжая жить в 5 участке, все денежные суммы, идущие через участок, он удерживал себе, давая отчет лишь только в тех, которые должны были пройти через другие учреждения.

6) Как повешенные при губернаторе Ломачевском кружки у бильярдных, в которые отчислялись 10 проц. с дохода, дали лишь одни копейки в пользу Татьянинского приюта для сирот-переселенцев.

7) Как исчезли деньги, растроченные околоточ. надзирателем Кожичем и возвращенные им Аршаулову через надзирателя Тихонова.

8) Как отбираемые у арестованных ценные вещи (подохранное имущество) исчезли в карманах Аршаулова в бытность его приставом? (Книг, в которые вносятся эти вещи, при ревизии 5 участка не оказалось. У артельщика Егорова, арестованного за растрату у Терещенки 53 т., исчезли в участке бриллиантовые и золотые вещи).

9) Как за молчание о краденых лошадях у Карыма Хамитова, поставляющего в армию лошадей, Аршаулов получил 500 руб.

10) Как при ревизии 5 уч. нашлось 50 кошельков, отобранных у арестантов, но, увы, без денег, которые испарились.

11) Как из 5 уч. во время большого пожара за Истоком исчезла масса ценных вещей, сданных на хранение.

12) Как во время Плевенского гонения на евреев Аршаулов нагревал (и до сих пор нагревает) руки с высылаемых.

13) Как с лиц, приговоренных мировыми судьями к аресту или денежному штрафу, Аршаулов брал штраф, а в книгах представлял отбытие ареста в каторжных камерах.

14) Как г. Аршаулов заставил умирающую Давидович подписать завещание в пользу жены своей Александры Яковлевны, подставив свидетелями переодетого околоточного Соболева и его брата. Дело, сходное с известным делом свящ. Сидонского... (Факт сей может подтвердить Елизавета Переберина, Кондратьевская, 27).

15) Как Аршаулова...

Но... Не довольно ли?! При желании, фактов можно раскопать еще больше, еще отвратительнее... И все это ныне повышенный губернатор знал и должен был знать. Но, ведь, известно: «рука руку моет»... «Воровской машине», именуемой царским самодержавием, именно такие слуги и необходимы.

Сколько преступлений, сколько гадостей наделало это малое «колесико» большой машины! А таких «колесиков» настроены тысячи по России... И только потому, что эти мелкие сошки злодействуют близко, тут и есть, на глазах народа, только потому народ давно раскусил их и ненавидит всей душой. Тот же огромный механизм, под управлением которого «работают» эти многочисленные колеса, не сразу открывается перед народом. – Царь, его семья, сотни приживальщиков, министры и правительство, составляющие сердцевину этой человекоистребительной машины, долго бывают скрыты от взоров темного народа.

Но бывают моменты в жизни самодержавия, когда сколь оно не силится прикрыть свою наготу, пелена, скрывающая его преступления, спадает поневоле, и народ видит, что все мелкие колесики, высасывающие из него жизнь, тесно связаны с большим колесом – царем и его правительством. Именно такой момент переживает теперь Россия. Война, затеянная царским правительством, раскрыла карты чиновничьего самовластья. Бесцеремонно бросает оно в могилу десятки тысяч народных жизней в жертву своему карману. Сотни миллионов рублей, ограбленных с полуголодного народа, растрачиваются на войну, ненавистную всему народу... Грабеж наглый, кровавый, потрясающий! Здесь некогда хитрить и прикрываться; сам царь и его министры стоят во главе этого великого расхищения средств и жизней подневольного народа. Теперь каждый видит «сердцевину» этого грабительского механизма... И сознание его просветляется.

Мелкие колесики и тут старательно помогают... Народному просвещению... Мутная вода военных действий – масленица для жадных хищников царского самодержавия. Словно черное воронье, слетались они на Восток, и рвут, и тащут последние крохи изо рта усталого голодного солдата. Воруя у раненых, у помирающих, у босых и больных солдат, наделяя войска гнилою обувью и вонючим мясом. И хотя царю и его правительству, каждый день побиваемому японцами, не выгоден этот грабеж на Востоке, ибо измученные солдаты не могут сражаться, но нечего делать – «что посеял, то и пожнешь», «воровская машина не может народить честных людей»...

Мир, мир, во что бы то ни стало! Но мир будет лишь тогда, когда вместе с борцами за социализм – с русским рабочим классом – вы смело броситесь на царскую монархию, разрушите эту грабительскую машину и на развалинах её провозгласите «да здравствует республика!»

И когда царские слуги будут торговаться с вами и сулить народу свободу при царе, вспомните Аршаулова и знайте:

Царский слуга – значит вор!

Томский комитет

Российской Социал-Демократической Рабочей партии.

Ноябрь 1904 г.

Автор – В.А. Гутовский¹

Воспроизводится по изданию: Баранский, Н. (Николай Большой). В рядах Сибирского соц.-дем. союза: (воспоминания о подпольной работе 1897–1908 гг.). – Новониколаевск: Гос. изд-во. Сиб. отд-ние, 1923. – С. 25.

¹ В ряде источников Викентий Аницетович Гутовский (1875 – 23.12.1918, Омск) указывается, как лидер сибирского меньшевизма; псевдонимы: Газ; Евгений Маевский.

Литературные произведения П.П. Аршаулова

От Гельсингфорса до Константинополя (Воспоминания о турецкой кампании 1877–1878 годов русского офицера)

Не мудрствуя лукаво, опиши минувшего заветные сказанья.
А. Пушкин

Наш славный боевой Архангелогородский Его Императорского Высочества, Великого князя Владимира Александровича¹ полк стяжал себе славу в кампанию 1877–1878 гг. не только своими боевыми действиями, но также и тысячными жертвами за царя и родину. Он комплектовался несколько раз, так как турки после каждого боя выколачивали из наших рядов не одну сотню героев храбрецов, хотя и мы, в свою очередь, не оставались у них в долгу, – недаром прозвали нас турки красногловыми шайтанами*.

Лихие командиры полка Шлитер и Розенбаум были убиты, ровно как и несколько десятков офицеров. Но, несмотря на страшный урон, и на то, что падали наши лучшие силы, – полк дышал всегда отвагой и бесшабашною военною удалью, начиная от командира и до последнего солдата. Он пережил не одну трудную минуту: дрался при взятии Никополя, Гривицкого редута, участвовал при осаде и взятии Плевны², был при разбитии всей армии Сулеймана-паши под Филиппополем у деревни Чифлик, где с кровавого боя взял несколько турецких орудий. В нем-то мне – юному офицеру, только что со школьной скамьи – суждено было иметь честь и счастье служить...

* Архангелогородцы носят красный околыш

С тех пор прошло почти 12 лет. Много забылось, много воды утекло, да и старых товарищей осталось в полку, я думаю, не много... Но мне кажется, что и им, как мне, будет отрадно вспомнить былое время, когда все мы с радостью шли на бой за святое дело освобождения славян, воскресить в своей памяти всё пережитое – и тяжелое, и грустное, и радостное, и счастливое! С этим сознанием я берусь за перо, и да простит мне читатель и да не осудит меня за мой простой безыскусственный рассказ о всём виденном и испытанном: я писал прямо всё, что чувствовал, что видел, чем жил!..

Глава I

Я только что кончил курс в Гельсингфорском юнкерском училище и служил портупей-юнкером в Беломорском полку, пришло приказание всех портупей-юнкеров, окончивших курс по второму разряду, отправить в Петербург, в главный штаб для перевода в действующую армию. Это меня несказанно обрадовало, и я через день после получения телеграммы, получив из полка маршрут и прогонные деньги, уже был на станции железной дороги. С добрый час прождал я первого звонка; наконец, поезд подошел, я сел в вагон и мысленно сказал себе: «Прощай, Финляндия, прощай, угрюмая страна! Бог знает, придется ли тебя еще увидеть!».

Мысли мои бродили повсюду: то вспоминал о родных, живших тогда в далекой Сибири, то в грезах переносился на войну, и мне казалось, что вот-вот, она кончится, и я приеду слишком поздно; то опять возвращался в Финляндию, к моему милому Гельсингфорсу, к его бушующему морю...

Наконец и Петербург. Здесь, не успел я еще оглянуться, как на первых порах был обманут извозчиком, который, по незнанию мной местности, долго возил меня по городу и привез в какую-то скверную гостиницу недалеко от вокзала, за что и со-

драл 3 рубля. Заняв номер, чуть ли не под небесами, я осмотрел комнату, в которой всюду по углам оказалась паутина, а в деревянной кровати клопов было не меньше, чем косточек в винной ягоде, – зато всё это удовольствие стоило полтинник, причем половой уверял, что это лучший номер, какой только можно получить у них за такую мизерную сумму.

Я отправился к начальству: сперва в канцелярию коменданта, а потом в главный штаб. В главном штабе приемная была полна народом: тут – плачущая мать провожала своего сына на войну, там – георгиевский кавалер без ноги, на костылях; у стола какая-то бедная вдова упрашивает со слезами на глазах важного штабного писаря, чтобы тот скорее подsunул для подписи адъютанту нужную для неё бумагу. Здесь проходит туз с моноклем на глазу, сомнительной нации, – не то итальянец, не то один из «насих герцев»; его осанка дышит самодовольством, на всех он смотрит свысока: «дескать, знай наших, у нас в кармане есть!». А вот, тоже с моноклем в глазу, ковыряя в зубах зубочисткой, какой-то маменькин сынок, одетый в полный парадный офицерский мундир, новый с иголки, крутит чуть-чуть пробивающиеся усики и разговаривает с каким-то статским, перебрасываясь с ним постоянно французскими фразами...

В штабе все суется... копошатся, куда-то торопятся, и когда я обратился к солдату-писарю, сказав ему «ты», – он смерил меня с головы до ног таким олимпийским взглядом, что я даже испугался и чуть-чуть не сказал ему: «Ваше превосходительство».

Проходив без всякого толку в штабе пять или шесть дней, я уже отчаивался попасть когда-либо на войну; поэтому решил ехать прямо в действующую армию и явиться на главную квартиру.

На вокзале Николаевской железной дороги была положительно давка: ехали, по большей части, всё молодые люди к призыву. Здесь же вертелись Ицки, Мовши, Герцы, Шмерцы,

как видно, несколько месяцев пившие уксус, чтобы казаться худыми и тощими, и думавшие этим избавиться от солдатчины. А вот, упитанный купчик хвастается такому же, что «тятенька их-с купили им фитанцию за восемнадцать тысяч!».

К кассе пробраться не было никакой возможности, и в заключение кассир объявил, что билетов нет, что через два – три часа пойдет новый поезд. Услышав такой сюрприз, публика пришла в неистовство. Меня же подгоняло нетерпение скорее добраться до места, и, когда раздался первый звонок, и публика хлынула на платформу, я, пользуясь всеобщей суматохой, взвалил свой маленький чемоданчик на плечо и преспокойно взобрался в вагон. Став в дверях, я не обращал никакого внимания на упрашивавшего меня уйти кондуктора и твердил ему, что, во что бы то ни стало, а поеду на этом поезде; тот махнул рукой и ушел от меня...

Наконец, третий звонок, и поезд двинулся. Я вошел в вагон, если можно так сказать, сверху донизу набитый евреями. Специфический запах чесноку, луку, селедки давал чувствовать, хотя нервы мои и были довольно крепки. Кое-как мне пришлось найти место на скамейке.

– Ми, казется, ваш жнаем! – приставал ко мне какой-то еврей, – ви гельсингфорского вучилища, на война едети?

– Отвяжитесь. Тут дохнуть нельзя, а вы лезете с разговорами!

– Ви в действующия армия еджае, – все приставал он ко мне, – и ми тозе, к гашпадину Горвец! Ми тоже готовы проливать швоя кровь, как и ви!

– Ну да, – я думаю, – скорее будете пить её, чем проливать; да уйдите вы, – надоели!..

Поезд двигался быстро. Воздух делался все более и более спертым; цибуля, лук – всё смешалось в один какой-то общий запах. Наступила ночь. Нужно провести самому такую ночь в еврейском вагоне, чтобы иметь представление о ней. Я немно-

го вздремнул, но представьте: проснувшись, я увидел на своих коленях еврейку. Невольно я дал ей толчок, она стремглав полетела на колени противу-сидящего еврея, который при этом поднял невыразимый гвалт. Это было единственное развлечение на пути до Москвы.

Когда я очутился в Белокаменной, в которой я родился и провел невозвратное детство, а после бывал только проездом, мне сделалось невыносимо грустно, что, быть может, последний раз вижу я мать городов русских. Я пробыл здесь сутки у богатой родни, но все мои тетушки и бабушки, награждая меня благожеланиями и благословениями, совершенно от скряжничества как бы позабыли, что существует на свете презренный металл.

По дороге к Киеву вагоны тоже были переполнены, но мне пришлось очутиться в совершенно иной сфере: я попал в вагон к чисто русским мужикам. Какой-то из них обратился ко мне с вопросом:

- Ты, болезный, чай, на войну едешь?
- Да, на войну, голубчик!
- С Богом, сердечный, да ты побольше басурмана лупи!

Вот и Киев с своими скалами, живописным мостом и каменным вокзалом. Поезд стоял всего два часа, и осмотреть город мне не удалось; едва успел запастись чаем и сахаром, – на войне, как мне сказали, эти продукты стоят громадных денег. Взял я билет до Кишинева, и, представьте мой ужас, очутился опять в еврейском вагоне: это все ехали на театр военных действий хищные птицы русской армии, с надеждой где-нибудь устроить какой-либо гешефт.

Кишинев показался мне грязным городом, где евреи были везде: и хозяин сквернейшей гостиницы, где попотчевали жаре-

ной индейкой, которая, я твердо уверен, была в действительности ворона, и фактор, любезно встретивший меня на крыльце гостиницы с предложением услуг, преимущественно, по части прекрасного пола, – все были евреи и евреи!

От Кишинева до Ясс дорога кипела жизнью. При проезде чрез описывающую дугу Телеутскую насыпь мне представилась трогательная картинка: внизу копошатся, как муравьи, рабочие – возят песок... а в стороне от дороги крестик над свежей могилой, – кто-то сложил свои косточки... Ехать дальше было нельзя. Незадолго здесь случилось крушение железнодорожного поезда, – к нам подошел с другой стороны встречный поезд, на котором мы и приехали в Яссы.

Здесь, на яском вокзале, уже видны были признаки войны: сестры милосердия; раненые на костылях, только что прибывшие из-под Плевны; фуры Красного Креста. «Постой, голубушка», – мысленно сказал я, остановясь перед одной из них. «Может быть, и я попаду в тебя, – так окажи тогда гостеприимство, родная!».

Из Ясс, по узкоколейной, румынской железной дороге, в вагоне, где ехали большею частью сестры милосердия, я прибыл в Бухарест. Здесь мне пришлось пробыть двое суток. Тут уже кипела жизнь войны вполне. В гостиницу меня привез на очень хороших лошадях извозчик, русский – скопец.

Скопцов много в Румынии³; все они живут очень зажиточно, занимаясь по большей части извозным промыслом.

В гостинице я спросил обед: мне подали ½ бутылки местного вина, чистый черепаший бульон, маленький кусочек рыбки, ½ яйца с зеленью и белым хлебом, и какое-то сладкое, – все это в таких микроскопических дозах, что, съевши всё, я был положительно голоден и сказал подававшему мне лакею, который говорил по-французски: «Je vous en prie, donnez moi encore un diner!». Тот взглянул на меня изумленным взглядом, но подал; я съел и снова остался голодным, но уже не мог позволить себе

съесть третьего обеда, так как мой аппетит был мне не по карману. Я пошел бродить по городу и зашел на вокзал. В это время, как раз, пришел поезд, – привезли раненых. Трогательная и вместе с тем тяжелая картина представилась мне: из окон вагонов виднелись бледные лица страдальцев, а добрые сестры милосердия бегали из вагона в вагон, услужливо предлагая кому чаю, кому водки, кому сигар. Потолкавшись на вокзале, я отправился к коменданту, который советовал мне поторопиться с отъездом.

С первым же поездом я отправился в Журжево. Этот небольшой городок, почти накануне бомбардированный турками, напоминал решето, – так он был весь избит. С трудом наняв быков, я поехал в главную квартиру, расположенную вблизи Систова, в Горном Студене. Испытывая не очень приятную езду на быках, я добрался, наконец, до главной квартиры. Здесь сам, в Бозе почивший, Император жил в простой избе, как самый обыкновенный смертный.

Приехал я в штаб; бумаг моих еще не было прислано из Петербурга, – не знали куда я назначен главным штабом; но на мои просьбы куда-нибудь прикомандировать меня, обратили внимание и назначили в Серпуховской полк, куда я немедленно и отправился.

Прибыв в полк и являсь к командиру, я был назначен в одну из рот и поместился в офицерской палатке... Утром, на другой день после моего поступления, чуть свет раздалась тревога: турки прорывались на Ловчу. Я несказанно обрадовался, что, наконец, попаду в огонь (для храбрости при этом стаканчик спирту и никогда этого стаканчика не забуду: он иссушил мне горло. Мы целый день пробыли без воды, во рту все пересохло, от жары лопались губы).

Полк двинулся вперед. Турки прорывались через нашу цепь; пушечная пальба учащалась; нас осыпали пулями и гранатами; артиллерийский бой кипел; два зарядных турецких ящика с страшным треском взлетели на воздух; цепь вела ружейную

перестрелку. Турки налегали, но им не уступали ни пяди земли. Нам пришел приказ двинуться в атаку. Момент – и с громовым «ура!» полк кинулся вперед. Начался страшный рукопашный бой; дрогнули, не выдержали турки и бросились бежать; наши их преследовали. Скоро ударили отбой, и мы возвратились на свои позиции.

Здесь я мысленно благодарил Бога, что первое дело, первый бой, в котором довелось мне участвовать, кончился так счастливо. Целую неделю я жил с Серпуховским полком, участвовал в его действиях, но на меня, прикомандированного временно, смотрели, как на чужого. Неожиданный случай все изменил. Как-то мне попался на глаза один из моих товарищей, который, к несказанному моему удивлению, был одет в офицерский мундир.

– Разве тебя уже произвели? – спросил я его.

– Да, как же, нас всех, да и ты произведен и назначен в Архангелогородский полк. Тебя уже там ждут давно. Вольно же тебе было так торопиться и не дожидаться нас!

Немедленно я отправился к своему командиру, рассказал ему все и просил позволения съездить навести справки в Архангелогородский полк. Он разрешил мне. Я съездил, узнал, что товарищ сказал мне правду, и на другой же день я был уже прапорщиком Архангелогородского Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича полка.

Глава II

С 12 сентября 1877 года началась скучная и однообразная жизнь в землянке, которую мы выстроили с товарищем во время обложения Плевны, близ Гривицкого редута⁴.

Ежедневный грохот осадных орудий, тысячи выстрелов нашей полевой и осадной артиллерии – все это было одно-

образно и тянулось изо дня в день. Не было ни одного серьезного дела для нашего полка, которое бы настоящим образом поволновало нашу кровь. Полк находился тогда в резерве. Бывали подчас и такие дни, что не слышно было ни пальбы, ни выстрелов с неприятельской стороны, и тогда мы спали спокойно.

А иногда, во время сна, слышишь, что началась страшная канонада, – ты вскакиваешь, хватаешься за оружие, которое всегда под боком, и, протерев глаза, не слышишь выстрелов или чего-нибудь подобного. Посмотришь на товарища и видишь – он мирно спит самым сладким, беспробудным сном. Рассмеешься над собой, положишь оружие, и мирно заснешь, как ни в чем не бывало. Вечерком собирался кружок товарищей – посидеть, поболтать, выпить винца, которое приобреталось за баснословные деньги у жида-маркитанта Ицки Мордуховича; а больше разгонили скуку за картами, за неизменной военной игрою – штосом⁵.

Однажды в такой-то вечер, говор, смех, веселье и даже, если так можно выразиться, маленький разгул царил в землянке – величиною не более, как две квадратные сажени. Тут денег не жалели. «Все равно убьют, с собой не возьмешь!» – рассуждал всякий. Но, в общем, был в выигрыше, конечно, маркитант, который нас снабжал всевозможными гнилыми консервами, сардинками и полусгнившей колбасой, а о вине нечего и говорить: это была какая-то бурдомага⁶. А молодежи что? Лишь было бы ей весело! Хотя с душевным прискорбием я должен упомянуть, что не раз мы Ицку бивали нагайками, что, однако, нисколько не мешало ему наживать гешефты.

Внезапно, как снег на голову, пришло приказание усилить боевую линию и вмиг все засуетилось. Мы все обрадовались, что будем ближе к Плевне, – значит, скоро будет дело... Всё дрогнуло, закопошилось, и не прошло 10–15 минут после отдачи приказа, как обозы уже были запряжены, походных палаток как не бывало, роты выстроены побатальонно... Наш ли-

хой командир, полковник Пантелеев⁷ скомандовал, и мы двинулись, соблюдая все военные предосторожности; каждый осенил себя крестным знаменем, и многие, как и я, вероятно, подумали, что будет там, под этой роковою Плевной.

Нас остановили вблизи деревни Гривицы⁸, где мы пробыли много два дня, делая пустячные рекогносцировки с маленькими перестрелками, не причинявшими нам никакого урона. На третий день приехал адъютант, – кем посланный не помню, – и передал нашему командиру приказание немедленно отправиться в передовую линию и занять позицию у деревни Этрополь.

В этот памятный для меня день, я был назначен адъютантом 1-го батальона к батальонному командиру – добрейшему и милейшему майору М.⁹, который дней за пять до этого получил майорский чин и командование этим батальоном. Майор М. терпеть не мог лошадей, а верховую езду в особенности, и стоило большого труда для бедного батальонного командира сесть в седло, да и – не во гнев ему будет сказано! – посадка его на лошади была ужасно комична и возбуждала всеобщий смех.

Снявшись с лагеря и дойдя до деревни Этрополь, мы заняли позиции, и полку пришлось расположиться в самом Этрополе. Нам с майором досталась прекрасная избушка с земляным полом, с такими же земляными нарами и даже с печкой, в чем ощущалась крайняя необходимость. Я немедленно приступил к устройству моей походной канцелярии, которая состояла из одного писаря и нескольких книг – входящих и исходящих реестров. Пустая винная бочка заменяла стол.

Таким образом, мы поместились с большим комфортом. Начались обыкновенные расстановки цепей. Пошли всевозможные приказания и предписания. Мы сменяли цепь – не помню уже какого полка.

Небольшая деревенька Этрополь расположена на возвышенном месте, откуда представляется роскошная панорама на реку Вид¹⁰ и мост через неё, на гладкую равнину, на наши траншеи,

находившиеся на правом фланге от нас, где были гренадеры (мы же находились на левом фланге). С правого фланга шла дорога на Софию, на так называемое софийское шоссе, а за ним расположился гренадерский штаб, куда ежедневно ездил я за приказами.

И приходилось ездить туда иногда ночью одному, по малознакомой дороге, а возвращаться – голодному, измерзшему. Часто, бывало, по незнанию местности, околесишь десятки верст и только тогда доберешься до своего полка.

После такой однообразной, скучной стоянки, нам было объявлено от командира, что есть основание полагать, что турки должны прорваться из Плевны, именно на наш фланг или же в центр, чтобы попасть на софийскую дорогу. Нам приказывалось скорее лечь на месте, если турки прорвутся на наш левый фланг, но не уступать ни пяди земли.

Такого сюрприза мы не ожидали. Все были убеждены, что нас обрекли на верную жертву, но на жертву необходимую, и с лихорадочным жаром ждали боя, надеясь на Бога и на наше оружие.

– «Выдержим! всех не перебьют!». И ни на ком не было видно грусти – ни на офицере, ни на солдате. Загорелые лица выражали какую-то решимость, как бы говоря: «чему быть, того не миновать».

В эту великую минуту не одна тысяча вспомнила о том, что, быть может, никогда уже не придется увидеть солнце родины и родные поля!

Всё это, однако, ничуть не мешало нашей молодежи вечером порядком закусить бараньего шашлыка с нашими родными, черными сухарями, напиться чайку, да еще, по приглашению одного *фендрика* (так назывались в полку прапорщики), сыграть в штос, где мои последние пять золотых были поставлены ребром...

С первых действий, как я попал в огонь, я никогда не боялся быть убитым; но сердце замирало от одной мысли, что будет, если искалечат все эти молодые годы!? Вот чего я боялся, но «Бог милостив!» превозмогало всё...

Вечером, 27 ноября, я получил приказание от батальонного командира, чуть свет съездить в передовую нашу цепь – отвести приказание командиру роты. 28 ноября, с рассветом, раздалась тревога, – предстояло жаркое дело. Три или четыре гранаты с турецкой стороны, влетевшие в деревню, поздравили нас с добрым утром, но из деликатности ни одна не разорвалась – или от дурного пороха или его экономии, так как его туда не положили англичане (которые снабжали турок орудиями и снарядами). Наша артиллерия не заставила себя долго ждать и отправилась к неприятелю несколько таких же гостинцев.

По линии пальба начала усиливаться. Я вскочил в седло и выехал на возвышенность. Было еще довольно темно. Батальоны выводили из деревни, чтобы не давать цели неприятелю. Турки же усердно начали бомбардировать её. Командир распорядился усилить цепь и все ждали, что, вот-вот, турки начнут прорываться: но куда? – это не было известно.

Ружейная пальба усилилась, неумолкаемый грохот орудий, масса гранат начали осыпать нас. Было очевидно, что бой начался, но где именно, нам, опять-таки, не было известно. Полковник Пантелеев подозвал меня и приказал поехать и разузнать, что, как и где происходит. Я ударил мою Крошку (лошадь) несколько раз нагайкой и марш-марш – поскакал по линии.

Начало светать. Гренадеры были на правом фланге; мы же стояли версты три-четыре по фронту и от турецкого берега, пожалуй, гораздо дальше. Я проскакал версты полторы: пули ежеминутно жужжали, как мухи, около моих ушей, тут и там разрывались гранаты. Чем более я подвигался вперед, тем сильнее и сильнее свистели пули. Я, то и дело, подгонял лошадь. Вот я поднялся на возвышенность, и глазам моим представилась боевая картина: турки наседали на наших grenадер. С каменного Виддинского моста и каруцного, поставленного турками за ночь, переходили турецкие батальоны. Мне было ясно, что турки хотят опрокинуть grenадер.

Немедля ни секунды, я повернул лошадь обратно и помчался доложить о виденном командиру полка. Обратно ружейный огонь был слабее, – зато гранаты так и свистели в воздухе над моей головой... Наконец, я был вне выстрелов, и невольно подумал, что, видно, для меня турки не отлили еще пули.

Я доложил обо всем виденном командиру полка и узнал, что вся наша артиллерия была уже на позиции и немилосердно громила турецкие колонны, прикрываемая одной ротой нашего батальона. Остальной полк весь лежал в стороне от деревни за маленьким прикрытием, в полной готовности ежеминутно ворваться в бой. Кажется, какой-то полк или бригада были во второй линии за нами. Я выехал на конец деревни. Уже совсем рассветло, и мне представилась величественная картина, раз увидеть которую, – и она никогда не изгладится из памяти...

Через реку Вид раскинулся и белел каменный мост, отличающийся своею прочностью и, кажется, своею древностью; рядом с ним низенький, узенький мостик, построенный из болгарских каруц, – через оба моста переходили турецкие войска, кавалерия переправлялась вплавь. Вся эта масса неприятелей на нашем берегу строилась побатальонно и напирала на наших гранадер... Что-то дрогнуло у нас: турки наседали на наши траншеи, казалось – вот-вот, секунда, и они нас опрокинут. У всех, вероятно, промелькнуло в душе: «Господи, спаси!»...

А турки, словно пчелы, целым роем вылетающие из улья, все наполняли и наполняли обширную Виддинскую равнину. Грохот орудий, ружейные выстрелы, как с турецкой, так и с нашей стороны, слились и походили на какой-то смерч, когда сойдутся две враждующие между собой стихии.

Действительно, в этот памятный день – это был бой двух стихий, но которая возьмет?! Наша взяла: турки дрогнули, к гранадерам подошло подкрепление, неприятель, видимо, начал отступать; нам пришлось приказание ударить в их фланг, и мы бегом двинулись к дрогнувшему неприятелю. Я не преувеличу, если

скажу: пусть вообразит себе читатель тысячу барабанщиков, которые били бы мелкую дробь, и это только можно сравнить с грохотом и свистом пуль, а выстрелы из орудий, через каждую секунду или еще скорее, напоминали турецкий барабан, в который били бы несколько реже. Под такую-то картечную, гранатную, шрапнельную и пульную музыку – русские цепи и полки, стреляя и коля немилосердно, гнали турок обратно к Плевне, как стадо испуганных лошадей.

Мы с майором и двумя солдатами впереди батальона, шагах в 30, бежали вперед. В это время между нами с адским свистом упала турецкая граната. Мы прилегли к земле все, как один человек. Секунда, – и она лопнула, а все осколки разлетелись вверх; нас же обдало только землею, не причинив никому ни малейшего вреда. Не приляг мы в этот момент к земле, и нас бы не существовало. Соскочив и на бегу перекрестившись, мы побежали дальше; а один солдатик закричал: «ваше б-ие! граната не наша!».

Наши цепи наступали, смыкаясь, все плотнее и плотнее; на правом фланге раздалось «ура!», и белый флаг взвился на турецкой стороне. Пальба стала затихать, хотя кое-где еще слышались одиночные выстрелы. Гренадеры были уже вблизи моста: к Виддинскому же мосту подбежал генерал Ганецкий¹¹ со своим штабом. Меня разбирало любопытство посмотреть, что делается там, за мостом, кроме того, мне хотелось приобрести лошадь и магазинное оружие, из которого нас забрасывали турки, как горохом.

Спросив позволения у командира полка и получив его, я сел верхом и, переехав Виддинский мост, увидел генерала Ганецкого, стоявшего около какого-то паши, которому перевязывали ногу. Это был, как я узнал, сам гази Осман-паша, окруженный пашами и несколькими офицерами. А невдалеке складывали оружие турецкие войска, с каким-то остервенением бросая его в кучу. На смуглых их лицах выражалась ненависть к русским.

Вскоре подъехал, кажется, и Скобелев¹². Я выбрал себе из груды оружия кавалерийскую магазинку и револьвер, которого у меня до взятия Плевны не было, – я пользовался всегда оружием первого убитого солдата, так как оно оказывалось понадежнее револьвера.

Увлекаемый любопытством увидеть Плевну, я поехал по дороге к ней: везде попадались и наши турки, вели пленных, валялись изломанные орудия, разбитые ящики, брошенные на произвол судьбы лошади, тела убитых с искаженными лицами, с раздробленными черепами, с пробитыми желудками. Наконец, я добрался до Плевны, где в памяти у меня остался один православный храм, в котором турки устроили склад патронов и пороху. Давно я не видал православного храма с его золотыми крестами, и с чувством радости я сотворил молитву. Я подъехал к какому-то дому, прося напиться воды; но братушка вынес мне вина в тыквенной баклаге, и я с удовольствием утолил жажду.

Пробыв с полчаса в Плевне, я поехал обратно. По дороге увидел роскошного турецкого оседланного жеребца, мирно пощипывавшего травку.

Убит ли был его хозяин или взят в плен, не знаю; но я осторожно подъехал, схватил его за повод и повел за собой, так как сильно нуждался в лошади.

С трофеями, взятыми без боя, я воротился в лагерь.

Стянулись почти все войска, которые были под Плевной и расположились бивуаком около Виддинского моста. Наступила темная, осенняя, холодная ночь. Проголодавшиеся и иззябшие солдаты начали собирать хворост, ломать каруцы для дров. Запылал огонек: один, другой, третий, зажглись костры, тысячи костров, и пошли, как из земли, вырастать огненные языки в разных местах огромной Виддинской равнины. Повсюду наши солдаты – кто грелся, кто варил в котелке своей неприхотливый ужин; тут же группы пленных турок грелись у огня. Они, казалось, вполне примирились с своим положением: их смуглые

лица, черные глаза, орлиные носы напоминали хищных птиц с обрезанными крыльями. Все, видно, с удовольствием отдыхали после бурно проведенного дня.

Кое-где в группах появились песенники, плясуны под балалайку, и русская залихватская песня раскатилась по долине и горам. Шум от говора, ржанье лошадей, песни – всё это сливалось в один какой-то общий гул.

Глазам представлялась чудная картина, озаренная тысячью огней: ведь, более ста тысяч человек расположилось бивуаком здесь...

Вдруг раздался взрыв, – секунда, другой, и всё замерло; а потом сразу всё пришло в движение: поскакали адъютанты, ординарцы. Общее мнение было, что турки заложили мины и теперь их взрывают; но всё объяснилось очень просто: группа солдатиков слишком близко разложила огонь около зарядного турецкого порохового ящика со сломанным колесом; искра, наверное, залетела в мешок; произошел взрыв, стоивший жизни нескольким солдатам, за неосторожность.

Я пробовал заснуть, но мне не спалось. Нервы были разбиты до крайности. Я сел на лошадь и поехал по равнине – отчасти с тою целью, чтобы немного поразмяться. Было холодно, и я сильно промерз. Подъехав к одному из громадных костров, я увидел сидящих на корточках пленных турок. Они заслоняли лица руками, защищаясь, таким образом, от невыносимого жара. Тут же с ними перемешались и наши солдатики, с любопытством осматривая их, своих бывших противников, которые изъяснялись с ними на каком-то непонятном для них языке.

Но наши солдатики предобродушно разговаривали с турками, и те своеобразно улыбались, оскаливая свои белые, как жемчуг, зубы, но такая улыбка скорее походила на собачью, ког-

да хозяин, желая пошутить, бросит собаке табаку в нос. По-видимому, и наши, и турки отлично понимали друг друга, или так, по крайней мере, хотели казаться понимающими.

Из любопытства я спросил одного из солдатиков, кажется, гренадера:

– Понимаешь ли ты, что он говорит тебе, да и о чем вы говорите?

– Да мы насчет, знаете, ваше благородие, своих харчей, а он – своих, насчет больше амуниции, насчет магазины...

– Да ты его разве понимаешь?

– Еще бы! – отвечал солдатик самодовольно.

– А он тебя?

– Где ему, эфиопу! – также самодовольно отвечал солдатик.

Я невольно расхохотался и поехал дальше. Вижу: большой костер, окруженный группами солдат в одних кепи, но в адамовых костюмах. Подъезжаю ближе, и вижу сцену оригинальную, хотя для меня и не новую: солдатик возьмет рубашку, скрутит её в жгут, а затем моментально на костер, и держит над ним; рубашка раскручивается, а из неё, как спелые вишни вылетают насекомые.

Как солдатам, так и нам доставалось порядочно от этих насекомых, да и правду сказать – мы по целым месяцам не омывали свое тело и не переменяли белья; вымыть его было некогда, а если и мыли, то в холодной воде.

Я ехал всё дальше и дальше и пристально всматривался в пленных. Боже! Какое смешение наций! Тут были и турки, и армяне, курды, арабы, черкесы, и с зверскими лицами башибузуки!

Долго и долго стоял гул и шум над всей громадной Виддинской равниной; но, мало по малу, всё стало стихать, и крепкий сон овладевал и победителями, и побежденными.

Объехав довольно большое пространство, почти везде бывав, перекинувшись кой-где словечком с товарищами дру-

гих полков, я, усталый и порядком проголодавшийся, еле нашел своих. Разыскав своего денщика, я был несказанно обрадован тем обстоятельством, что увидел, как он жарил на шомполе гуся, да какого еще славного гуся, хотя и без соли, так как её нигде было достать.

Не видавши более месяца ни одной птицы за обедом, я с жадностью набросился на неё и начал есть сырою, с кровью, присовокупив в качестве приправы белую турецкую галету и стакан доброй водки. О, если бы товарищи узнали о такой роскошной моей трапезе, у многих, вероятно, потекли бы слюнки! В это время ко мне подошел дежурный по полку и я, зная, что он, наверное, такой же голодный, как и я, предложил ему отужинать со мною, на что он с величайшим удовольствием согласился.

Русская натура любит выпить и с горя, и с радости: мы осушили целую бутылку водки, так что мой денщик сказал:

– Ваше б-дие, на завтра водки нет!

– Так может быть, нас завтра и в живых не будет!

Так окончился знаменитый день 28 ноября, день падения Плевны, твердыни турецкого оплота. Легче стало у всех на душе, и спокойно спали мы в эту ночь.

Глава III

Не изменяет ли мне память, но только помню хорошо, что если не на другой день после взятия Плевны, то кажется, вскоре получили мы приказ из главной квартиры подготовиться к смотру, который должен был нам сделать, ныне в Бозе почивший, Государь Император Александр Николаевич¹³.

Все начали, выражаясь военным языком, подтягиваться: пошли осмотры солдат: у кого подошвы отвалились от чрезвычайной ходьбы – подшивались, подвязывались веревочками; у кого подгорели шинели – нашивались заплаты, подчищались

пугови; приводили в порядок ружья, одним словом – полк, насколько это было можно, приводил себя в приличный вид. Мы не имели в запасе никакой лишней амуниции; одни лица только бодры, светлы и радостны при мысли видеть обожаемого Монарха. Что же касается до одежды и обуви, то, если бы в мирное время полковой командир встретил такого несчастного оборванного солдата, тогда всем, начиная от батальонного командира и кончая ефрейтором, пришлось бы отсидеть не одну неделю под арестом, не говоря уже о том солдатике, который попался начальству на глаза в такой рваной одежде; а тут – шутка ли? – смотр самого Государя! Да что делать, – на то война, а на войне одежда не рвется, а горит на человеке.

Настал назначенный час. Полк выстроился развернутым фронтом, раздалось: «Стоять вольно!» и пошло чиханье, сморканье, кашлянье; прискакал адъютант, объясняя, что скоро приедет Государь, и разом все смолкло. Начальство, какое только было, быстро, в последний раз осмотрело нас, затем – раздалась команда: «Смирно!».

Показалась коляска Государя.

«На плечо!» «Слушай, на караул!!» Барабаны забили, и заиграла музыка. Государь вышел из коляски, принял все рапорты по команде, поздоровался с полком. Раздалось громкое, единодушное «ура!».

Государь Император подал руку командиру полка, тот с благоговением её поцеловал.

Затем, Монарх пошел по направлению к фронту, приподнимая руку к козырьку.

Тут со мной случился казус. Турецкий жеребец, недавно мной приобретенный, как я сказал выше, не стоял на месте и ежеминутно выскакивал из фронта и причинял беспокойство батальонному командиру, с которым я был рядом. Вдруг моя лошадь рванулась вперед... Государь был в двух шагах от меня по правую руку. Мое сердце екнуло хуже, чем если-б в него попали

турецкие пули. Я с силой осадил лошадь, которая почти поднялась на дыбы, но, все-таки, стала во фронт рядом с лошадью батальонного командира.

Кротко взглянул на меня своим добрым взглядом Государь и прошел дальше; но зато во взгляде полкового командира выразилось всё, а это всё предвещало, по крайней мере, недельный арест или хуже.

Государь поблагодарил солдат за службу, за прежние бои и за взятие Плевны. Раздалась команда: «Господа офицеры!».

Мы вышли из фронта и выстроились в шеренгу. Государь подошел к нам и в милостивых выражениях благодарил за понесенные труды, в которых участвовали Архангелогородцы.

Когда государь уехал, первую нахлобучку я получил по полной команде, начиная чуть не от главнокомандующего и кончая батальонным командиром; но, так как Государь остался доволен, и лица всех сияли, то я отделался только одними выговорами...

Вскоре, затем, получилось приказание двигаться нам форсированным маршем в отряд генерала Гурко¹⁴; Гурко же откомандировал нас прикрывать движение через Балканы, причем мы вошли в состав отряда генерала Вельяминова.

В снегах Балкан – чего, чего только мы не натерпелись! Солдаты с трудом доставали себе хворост, чтобы развести костер; но скоро было строго настроено запрещено зажигать огни, иначе мы могли обнаружить туркам наше движение. Двое суток провели мы без тепла, мерзли все без исключения и только наблюдали, чтобы кому не заснуть. Дремота одолевала, в особенности в морозный день страшно клонило ко сну. Генерал Вельяминов пришел. Турки оставили свои позиции, и 19 декабря мы взобрались к Балканскому перевалу на Араб-Конак, после чего, перейдя перевал, расположились в деревне Стриге.

Я занял роскошное помещение – в свинячьем хлеву. Эту неприступную позицию я захватил чуть не с бою, и тут-то, после нескольких дней скитаний в снегу, под открытым небом, я считал себя едва ли не самым счастливым человеком в мире.

Когда я запер двери, в хлеву настолько сделалось тепло, что я позволил себе маленькую роскошь – снял сапоги и, положив себе под голову гуттаперчевую духовую, никогда не покидавшую меня, подушку, заснул сном праведника. До меня не достигали – ни ветер, ни непогода; я чувствовал себя, как бы в роскошном дворце. Жаль было только одного, что не подтянулись наши обозы, а с ними не было и нашего пресловутого маркиганта Ицки. Все же мои запасы были истощены: чаю нет, сахара нет, а водки и табаку уже и в помине не было...

Отдохнув часа 3–4 и подкрепив свои силы, но, не подкрепив желудка пищей, я отправился на рекогносцировку по деревне – в надежде купить чего-нибудь съестного или, по крайней мере, водки. Поход мой увенчался полным успехом: у одного болгарина я купил за один золотой бутылку ракии, но съестного и хлеба достать нигде не мог, и когда возвратился в свой хлев, то нашел около него нескольких моих товарищей, которые пришли ко мне занять сахару и табаку, не зная того, что я сам сижу безо всего. Еще в Араб-Конаке я купил за рубль серебром у одного солдата чубук от трубки; этот чубук я разрезал пополам и, вынимая по капельке сок, перемешивал его пополам с сухими листьями и, сделав из бумаги чёртову ножку, вкладывал в неё толченые листья вместе с никотином. И, вот, бывало, когда затянешься импровизированным табаком, небо покажется с овчинку. Всё это я с грустью должен был сообщить моим товарищам и рассказал также о моей рекогносцировке, и в утешение им, с любовью матери, показывающей гостям своего сына-первенца, я осторожно вынул из кармана моей шинели бутылку мутной жидкости. Все вскрикнули: «Ура, ракия!». Я снова с такой же предосторожностью спрятал бутылку в карман.

– Где купил? Скажи, голубчик! пойдёмте, господа, искать! – говорил фендрик, а за ним и все товарищи, но я их опечалил, сказав, что ракии больше нельзя достать ни за какие деньги, что и эта бутылка стоит один золотой.

– Ну, уступи, голубчик Петя, хоть полбутылочки нам, ну, возьми за неё 3, 4, 5, наконец, 6, золотых – что хочешь, но только уступи!

– Где ты, Ицко Мордухович? – мысленно подумал я, – будь ты здесь, о как бы завидовал ты мне и как бы ругал меня за то, что я отказываюсь от такого барыша!

Однако, на открытом воздухе холод давал себя чувствовать, в особенности, когда у нас на весь полк была одна только шинель на меху, и то – у старичка-майора.

Сжалившись над печальными лицами моих товарищей, я сказал, что угощу их по пол-резиновой чашке, которая всегда была в моей походной сумке, где у меня помещались лишь самые дорогие вещи: благословенный образ матери, перевязка для ран, деньги (которые испарялись моментально, как эфир), чарка для вина, а также и для воды, маленький фильтр, да табак (когда он был). Товарищи не заставили себя просить, и все зашли ко мне, в мой хлев, где мы и поместились на корточках, предварительно зажегши стеариновый огарок, чтоб было светло.

Такая роскошная находка, как бутылка водки, не могла составить тайны, и не прошло десяти минут, как в мою квартиру пришло еще несколько человек. Я предложил разделить нашу трапезу и другим товарищам, которые с завистью заглядывали в двери хлева; к тому же один из них принес, откуда-то добытый, довольно объемистый кусок сала. Как же было не пригласить такого гостя! Появились на сцену, хотя в очень малом количестве, наши черные, русские сухари, и я с грустью смотрел, как убывала у меня из бутылки живительная влага. Но этот вечер никогда не изгладится у меня из памяти, никогда не повторится он! Здесь всех соединяла дружба – святая, искренняя; здесь не было ни ссор, ни зависти – здесь были товарищи!

Наконец, после долгого томительного ожидания, подтянулись наши обозы, явился Ицко со своей, запряженной двумя тощими клячами, повозкой, и мы вздохнули свободнее, и пошла опять веселая жизнь, как будто мы ничего тяжелого и не переживали.....

Карманные часы лежат на барабане. Нам кажется, что стрелка двигается чрезвычайно медленно и что в часе не 60, а 600 минут... Вот, уже близко, осталась одна последняя минута, чтоб стрелка показала двенадцать. Такая минута настала; мы все крикнули «ура!», чокнулись стаканами, а за неимением их, теми же бутылками, которые были с шампанским, купленным у Ицки в счет нового 1878 года...

Прощай, наш старый год, со всем пережитым!.. Пошли пожеланья друг другу: кому получить чин, кому орден, а были и такие пожелания, что кто-либо из нас был даже и военным министром... Пожеланиям не было конца, и только тогда разошлись мы, когда у Ицки не было уже никакого вина. Так мы встретили новый 1878 год – в веселье, шумном разговоре о прошедшем и в мечтах о будущем.

3-го января 1878 года мы уже находились в отряде графа Шувалова и форсированным маршем дошли до города Татар-Басарджика. Нужно только удивляться той силе солдатских ног, с которой мы делали громадные переходы, доходившие до 50 верст в день, а 10–15–20 верст были для нас так же незаметны, как прогулка по Невскому.

Наконец, начались и дела. 3 и 4-го января мы участвовали в делах у деревни Дерменбуре и, кажется, Калиот; причем эти деревни брали с сильного боя и грудью выбили из них турок, а также и с занятых ими позиций. 4 января мы были уже не

в далеком расстоянии от Филиппополя. Стояла довольно холодная погода, когда нам пришлось переходить через реку Марицу. Река в этом месте довольно глубока, и поэтому в помощь для переправы на другую сторону нам был прислан кавалерийский полк.

По два солдатика садились на лошадь, и, таким образом, переправлялись мы; причем, конечно, дело не обошлось без комических сцен: наши солдатики или от непривычки ездить на лошадях, или от головокружения, часто падали в воду, откуда их сейчас же вытаскивали, или же сами они шли по горло в холодной воде. Голодные и измокшие, да еще все время ведя перестрелку, мы провели так целую ночь. Солдатики откуда-то раздобылись баранами и начали их жарить под неприятельским огнем, и ели баранину полусырую, без соли, с малым количеством сухарей.

На рассвете двинули нас к Чифлику, где засел Сулейман-паша со всею своей армией. Началась перестрелка. Пули летали, как мухи, ядра и гранаты свистали то и дело; над колоннами разрывались шрапнели; показались носилки с ранеными. Мы находились как раз в середине против центра армии Сулеймана. Пришли донесения: того офицера ранили в ногу, того убили, а пули всё летят и летят, как бы с остервенением ища новых и новых жертв. Все чувствовали, что дело должно быть жаркое. Наши стрелки залегли на равнине, армия же Сулеймана-паши была на горах. В цепи шла усиленная перестрелка, мы готовы были броситься вперед. Я стоял, прислонившись к дереву, в которое ежеминутно попадала пуля за пулей, только и были слышны глухие удары звука, когда они впивались в дерево. В такие-то минуты, когда повсюду видна одна смерть и нет ничего больше, – в такие минуты только одного и хочется: *вперед!*..

А сердце в это время делается так апатично ко всему окружающему – к этому виду раненых, мертвых тел, что совершенно забываешь себя, и не знаешь – человек ты в эту минуту,

или разъяренный зверь, выпущенный на свободу. Я вижу – нас с фланга обскакивает турецкая кавалерия. Я тотчас побежал дать знать об этом командиру полка, который находился с полком за прикрытием. Когда я бежал, какая-то шальная пуля ударила меня в бурку – в плечо с такую силою, как будто бы я получил удар ножом, и тем на шаг вперед подогнала меня. Как надо предполагать, она была на излете, иначе плечо мое было бы прострелено. Я доложил обо всём виденном командиру полка; он тотчас же распорядился рассыпать роту в цепь и прикрыть наш фланг.

Несколько удачных выстрелов с нашей стороны из рассыпанной цепи по скакавшему неприятелю нанесли ему значительный урон, а одна пуля, по-видимому, выбила из турецких рядов самого начальника кавалерии, так как турки, подхватив его, помчались назад, оставив нескольких всадников, убитых нашими пулями, на месте.

Лежание наше кончилось, – пришел приказ двинуться в атаку; поднялся полк; раздалась команда; цепь бросилась вперед, – за нею полк, пробегая около 200–300 сажень без отдыха, без передышки; несколько минут отдыха мы проводили, лежа под неприятельским огнем. Потом снова бегом. А турки всё стреляют и стреляют, и всё с большим и большим ожесточением; тут некогда было нам стрелять, а лишь бы перебежать скорее пространство, отделяющее нас от турок. Но оно всё ближе и ближе, – вот осталось каких-нибудь 100 сажень, ружья наперевес: «Ура!»... И вся линия бросилась в гору, в атаку. Закипел бой не на жизнь, а на смерть. Еще «ура!» – и в руках нашего 1-го батальона неприятельская батарея. Турки побежали, мы хотели их преследовать, но сумерки нас остановили. Здесь была разбита вся армия Сулеймана-паши. Мы заняли без боя Филиппополь, так как турки бежали.

Не помню, сколько мы простояли в Филиппополе; но нас двинули дальше – к Адрианополю. Кавалерия генерала

Струкова, пролетев от Филиппополя к Адрианополю, показала себя: всюду валялись тела убитых турок, по сторонам дороги брошены были каруцы с разным домашним скарбом, убитый скот... Особых дел по пути нам не случилось иметь, и мы благополучно дошли до Адрианополя – большого турецкого города, раскинутого на реке Марице, и вошли в него, как в побежденный город.

Настала дневка. Все думали, что, вот-вот, нас двинут дальше под исторический священный Константинополь, в который все рвались, чтобы сразиться в последний раз с исконными врагами христианства; но не суждено было нам дойти до стен великого города, сорвать луну с мечети св. Софии и водрузить на ней христианский крест: нас остановили в Адрианополе, – было объявлено перемирие...

Глава IV

Объявленное перемирие продолжалось. Начались дипломатические переговоры, а нас разместили по квартирам, или, говоря попросту, каждый занял тот дом, который был пуст. Мне посчастливилось поселиться в каменном доме, с прекрасной домашней турецкой баней, вблизи знаменитой адрианопольской мечети Султан-Селим, около базара. Здесь-то, после стольких скитаний в снегах Балкан, разных свиных хлевах, в первый раз я расположился с комфортом.

Адрианополь, менее пострадавший от войны, чем другие города, живописно раскинулся на реке Марице, на равнине, и тонет в рощах тутовых деревьев и виноградниках. В окрестностях большие рисовые и кукурузные поля. Город населен греками, болгарами, турками и евреями, из которых последние почти все занимаются разменом золота. Турки, однако, слыша о приближении русских, за немногими исключениями, бежали в Константинополь.

Вскоре меня назначили помощником участкового начальника (должность чисто полицейская), дали несколько человек солдат и казаков. Всё наше отличие от других заключалось в том, что мы носили белую повязку с зеленым крестом. Но почему крест был придуман именно зеленый, а не другого какого-нибудь цвета, – решительно не понимаю, разве в честь зеленого знамени пророка...

Началась незнакомая мне полицейская служба. Каждый день приходилось делать обходы, разбирать мелкие дела, словом, оберегать мирных граждан от всяких случайностей. Город, мало по малу, оживлялся: один за другим стали открываться кабаки и всякого рода увеселительные места; начались базары, где турки продавали разное оружие восточного изделия, безделушки и, наконец, розовое масло в длинных, особой формы пузырьках, хотя, по большей части, в них было обыкновенное, простое гусиное сало, куда клалось в действительности всего несколько капель розового душистого масла. Но офицерство с жадностью набросилось на эти пузырьки, платя за них большие деньги и тем еще более потворствуя мошенничеству.

Однажды в темную, глухую ночь я делаю обход. Вдруг слышу чей-то знакомый мне голос. Припоминаю – где и когда я его слышал. Прислушиваюсь: разговаривают двое, и в одном узнаю голос моего законоучителя почтенного отца Вакха, которого не видал лет девять.

Да, это он! Голос его. Подхожу ближе, – спрашиваю: кто тут?

– Свои. Поручик К., гренадерского полка и священник того же полка.

– Вы, батюшка, не отец ли Вакх?

– Я. А вы кто?

– Я прапорщик Аршаулов.

– Какой?

– Томский!

– Петруша! – воскликнул отец Вакх и бросился целовать меня; тут же я получил от него нелестный отзыв:

– Ну, Петя, не ожидал, ей-ей, что из тебя могло бы выйти что-нибудь. Ты был такой лентяй, шалун и разбойник в гимназии, что отец твой положительно не знал, что с тобой делать. Душевно рад за тебя! Ты был в гимназии моим любимцем.

– Да, отец Вакх, – сказал я, – иногда гром бывает и не из тучи...

– Ну, ну, не остри! пойдём лучше ко мне на чашечку чая, поболтаем, – сказал отец Вакх.

Несказанно был я рад поболтать с своим бывшим законоучителем и прекрасно провел остатки ночи в доброй и веселой компании.

Дипломатия работает, а мы ждем у моря погоды. Вот-вот, Господь даст, нас двинут дальше – *туда*... к Константинополю. Но видно не суждено было осуществиться этому.

Перемирие тянется: не слышно грома пушек, свиста пуль, – всё замерло, затихло.

Неужели не увижу я Константинополя, – это всё равно, что быть в Риме и не видеть папы. Дай, думаю, попытаю, отпрошусь денька на четыре в Константинополь...

Железная дорога возит, кажется, исправно.

Проходит неделя, другая. Я взял, наконец, отпуск на 5 дней (неофициально) и сел в вагон железной дороги, наполненный турками, военными русскими.

На станциях повсюду толпы турок, бежавших из Адрианополя, но не знавших ничего о том, что их ожидает, –

пойдут ли русские вперед или назад. Передовые наши войска уже были в Сан-Стефано, предместье Константинополя. И скажи лишь слово тогда наш в Бозе почивший Император, и столица Турции была бы в руках наших храбрых войск...

Доехав благополучно, хотя и с большими неудобствами, до Сан-Стефано, нашей главной квартиры, я остановился там: Сан-Стефано буквально был набит русскими войсками. Масса офицеров и солдат всех родов оружия двигалась по улицам.

Осмотрев предместье, побывав в какой-то гостинице, я поехал дальше в Константинополь, на вокзале которого меня встретили комиссионеры-греки, выхваляя разные гостиницы и буквально раздирая меня на части. Но, наконец, я окончательно попал в лапы одного из них, и он меня чуть ли не на руках с моим маленьким багажом торжественно внес в экипаж и благополучно доставил в очень хорошую гостиницу, в Перу, содрал с меня за это 4 рубля золотом... Я особенно не протестовал против такой суммы, хорошо понимая, что в чужой монастырь нельзя соваться с своим уставом. Да и при том же грек уверял, что он берет с меня по таксе, хотя кем она была там установлена – Аллах только ведал!

Дорога шла больше в гору и вскоре на пути нам попалась кипарисовая роща.

Прибыв в гостиницу и переодевшись, я отправился осматривать город с его узкими, кривыми улицами, с массою собак, которых на улицах такое множество, что буквально нельзя пройти одного шага, чтоб не встретить их несколько, хотя собаки крайне смиренные и не хватают за икры прохожих.

Осматривал я по возможности больше Перу, населенную европейцами. На азиатскую же сторону мне отправляться не советовали, так как там я мог натолкнуться только на неприятность. Я взял извозчика, т. е. верховую лошадь; так как вследствие узкости улиц по ним только и можно ездить верхом, и тот же извозчик бежит с вами, когда вы едете.

Обозрев Перу, я выехал к морю, и тут мне представился чудный вид Константинополя, расположенного по берегам Босфора, с его двумя великолепными мостами.

Я осмотрел также и знаменитую мечеть София, с её величественным, как бы висящим в воздухе, куполом. Бывший христианский храм, переделанный в мечеть, так грандиозен, что нужно иметь уж чересчур художественное перо для описания этой византийской древности. Вообще, Константинополь произвел на меня чарующее впечатление своими дворцами на берегу Босфора, кипарисовыми рощами, минаретами, а в особенности – общим видом на Босфор, с бегущими по нему пароходами...

Но молодость не любит долго любоваться красотами природы; её тянет туда, где есть веселье, где есть прекрасные создания, а их много там – в Константинополе, и от соблазна не было никакой возможности устоять, особенно в 22 года

Утро я проводил в прогулках по городу, причем покупал ненужные безделушки, а вечер – в разных кафе-шантанах, которые усердно посещались почти всеми приезжающими в Константинополь. Раз даже я встретил знаменитого белого генерала Михаила Дмитриевича Скобелева в кругу офицеров, переодетого в штатское платье и распивавшего с ними шербет...

Здесь кстати сказать о турецких женщинах, – что чем они старше, тем больше закутывают лицо фатою; а молоденькие – кокетки – ухитряются обходить закон, и укутывают себя таким тонким газом, что чрез него видно все прелестное личико смуглянок. И всё это пролетело миражем. Я на вокзале и снова еду в Адрианополь...

...Кончилась война, – затихли её громы. Но и теперь, при воспоминании о ней, становится мне каждый раз жалко и до-

сально, что нам не привелось взять Константинополя и войти в него гордыми победителями...

Источник публикации:

Аршаулов, П. От Гельсингфорса до Константинополя: воспоминания 1877–1878 годов о турецкой кампании / 17-го пехотного Архангелогородского Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича подпоручика Петра Аршаулова. – Томск: Тип. М.Ф. Картамышевой, 1890. – 45, [3] с.: ил.

Заглавие в тексте – От Гельсингфорса до Константинополя: (воспоминания о турецкой кампании 1877–1878 гг. русского офицера).

Комментарии

¹ Полное название полка – 17-й пехотный Его Императорского Высочества Великого Князя Владимира Александровича Архангелогородский полк [ведет свою родословную либо с 1700 г., или с 1642 г.]. Полковой праздник праздновался 15 августа.

² Плевна – так до начала XX в. в России назывался болгарский город Плевен.

³ Это наблюдение подтверждается исторически (документально) – Румыния в 1870–1880-х гг. была одним из мест политической (религиозной) ссылки (диссидентства) бежавших из России сектантов – скопцов.

⁴ Редут располагался у деревни Гривицы.

⁵ Штос (штосс), или Фараон – азартная карточная игра вроде банка; выигрыш или проигрыш зависел от того, куда упала карта, налево или направо; исключительное значение имеет слепой случай. (Именно в неё играл Германн в повести А.С. Пушкина «Пиковая дама».)

⁶ Бурдомага – контаминация названий вин бордо и малага.

⁷ Пантелеев Александр Ильич (26.06.1838–04(17).01.1919)– русский военачальник и государственный деятель, полковник (с 30.08.1871), с 1877 г. командир полка (10.09.1877–17.02.1882), генерал-адъютант (21.11.1905), Иркутский военный генерал-губернатор (20.04.1900–13.05.1903), далее – член государственного Совета (13.05.1903–1916). Умер от голода в Петрограде.

⁸ Сам 9-й корпус входил в состав Дунайской армии.

⁹ В настоящее время – с. Гривица Плевенской области Республики Болгарии.

¹⁰ М. – предположительно, майор Митарновский.

¹¹ В настоящее время в литературе река называется Вит.

¹² Филиппополь – современное название города – Варна.

¹³ Вакх (Гурьев) (1830–1890) – протоиерей, духовный писатель, законоучитель Томской мужской гимназии в 1850-х гг.

¹⁴ Имеется в виду Фанагорийский пехотный полк, где служил отец Вакх. О своей походной жизни он оставил записки (см. издания «Записок о Русско-Турецкой войне»: 1) Русский архив. – 1880; отдельные издания. – М., 1883; М., 2007. – (Серия «Издания Государственной исторической публичной библиотеки»). Отец Вакх (Гурьев) в своих воспоминаниях рассказывает об одном из своих посещений Андрианополя, где упоминает одного из офицеров Архангелогородского полка, но, не называет фамилии.

Два преступления

(Эскиз из мира действительности)

Примиритесь же с музой моей!

Я не знаю иного напева...

Н. Некрасов

(Посвящается А. Д. Некрасовой)

I.

Вечер... На берегу широкой реки большого провинциального города – в том месте, где приютились лачуги бедняков, где жизнь проходит в нужде и горе, и где последние гроши иногда пропиваются в неизбежном, грязном кабаке, – между другими, ей подобными, находилась полуразрушенная изба.

Изба эта очень ветха, покосившаяся на одну сторону; узенькие окна с разбитыми стеклами заклеены во многих местах бумагой, полуразрушенная труба делает как бы реверанс перед прохожими, а сгнившая крыша напоминает частое решето, куда пробивается снег и, словно на отдых, ложится под защиту ветхого покрова. Полуразнесённый забор доказывает, что часть его ушла на топку в гостеприимную русскую печь. На дворе ни полена дров, да что полена – соломинку трудно отыскать... Когда была коровушка – было и сенцо, собранное на площадях, но, видно, за грехи прибрал Бог ее, а она была кормилицей шестерых обитателей избушки.

Войдем, – нет, лучше влезем в избу: так миниатюрен и низок в нее вход, что только, согнувшись можно туда попасть.

Вошли и – о ужас! нас обдало невыносимо смрадным паром, а в углу этой небольшой комнатки – не то труп, не то скелет, обтянутый человеческой кожей...

Все тело покрыто грязными лохмотьями, а сухие, желтые руки прижимают к иссохшей, тощей груди грудного ребенка. И как прильнул он к матери и как жадно сосет молоко!.. Невдалеке трое ребятишек, мал-мала меньше, обнявшись, валя-

ются в углу на грязной, изодранной рогоже. Нет даже признака скамьи или стула, – все давным-давно продано ради куска насущного хлеба. Второй день не топлено, а на улице почти 40° мороза.

Раздался вздох, глубокий, тяжелый вздох. Пауза – и снова вздох.

– Господи, прости меня Ты, грешную!

Проснулся и мальчуган, лет девяти, зевнул и слезливо за-просил:

– Мамка! я есть хочу.

– Молчи пострел! вчера дала тебе большой кусок хлеба, – сама из-за вас голодаю вторые сутки, все вам скормила.

– А-а-а-а! – заплакал грудной ребенок.

– Тебя что разбирает, постреленок? ведь, сосал грудь... Вправду молока-то совсем нет, да и откуда? Господи! когда же кончатся мои страдания! Хоть бы муж пришел, – авось что-нибудь заработал. С утра, ведь, ушел!

И, как бы в ответ, на дворе захрустел снег, дверь завизжала, и в избу вошел в лохмотьях мужчина, лет 40, с черной бородой и такими же черными глазами, покрытыми белой мутью от болезни и голоду, худой, испитой, словно пришелец с того света.

– Кто тут? – простонала женщина. – Это ты, Андрей?

– Я!

– Что поздно?

– Работы все искал, стоял у моста целый день: думал наняться в поденщину, но кто ни посмотрит на меня, либо не наймет, либо скажет: «Куда тебе в поденщики, да и 20 копеек ты не заработаешь за день, лучше бы шел на кладбище!». Проклятые! а того не знают, что с голоду умираю, да в больнице шесть месяцев пролежал, когда, работая, сорвался с крыши.

– Да нам не легче от того, Андрей!

– Да нам не легче от того, Андрей! Вон, посмотри: ребята сутки как не ели, да и у самой все брюхо светло, к тому же еще – больна да и грудной ребенок.

– Что поделаешь, жена! Завтра попытаю еще поискать работы. А тут жид с квартиры гонит, весь забор, говорит, сожгли, окаянные... впору хоть в петлю, или в омут головой!

* *

*

– Господи! хоть бы Христа ради, али украл уж где-нибудь хлеба, коль негде заработать.

– Молчи, дура! не смущай, и то дорогой думал... Эх, залезу-ка я на печку, а завтра, что Бог даст...

– Что на печку! Второй день не топим! Ишь, стужа какая!

– Ну, ладно!

* *

*

Но не спится Андрею: ворочается он с боку на бок, а в голове засела одна дума...

– Вишь, участь-то горькая, – думается ему, – что тут делать? Кусок бы хлеба, да где возьмешь?.. Сил нет терпеть. Разве и впрямь украсть?.. страшно, да и стыдно, – я честный человек... Чем же виноваты несчастные мои дети?.. Э, все равно: схожу в самом деле к жиду, собак там нет, живет один, не попытаться ли?.. Но чем сломать замок? Стой! кажется, в сенях валяется тупица... Господи! прости...

.....
– Куда ты Андрей?

– За делом!

И снова все смолкло. Сон взял своё. Чуть брезжит свет в замерзшее окно, кто-то торопливо бежит к избе, звучно хрустит снег под ногами, порывисто раскрылась дверь, и на пороге появился Андрей. Лицо сумрачно, глаза налиты кровью, страшно разит от него сивухой, а за плечами большой грязный мешок, чем-то туго набитый... А руки, руки – все в крови...

Порывисто сбросил он на пол мешок, зазвенело что-то при падении его, проснулись жена, проснулись и дети.

- Что тут зазвенело? Откуда ты, Андрей?
- Молчи, Анна! скажи – слава Богу! – конец нужде, конец страданьям... Безвинные мои ребята теперь не будут больше страдать: мы богаты, и накормлю вас, а ты поправишься. Бог даст. Довольно натерпелись горя и нужды, а грех мой... грех, я замолю...
- Где это ты взял? Украл?
- Украл!? нет, хуже... ну, да все равно: не твое дело. Вот, смотри: ситец для ребят, мех тебе на шубу, а в этом ящике все золото и серебро; видишь: тут все красненькие – тысяч на пять...
- Господи! в чем это у тебя руки, Андрей? ведь, это кровь!
- Я... я оцарапал их немного... Где вода?
- Воды не принесли ребята.
- Все равно: я вымою их снегом. А ты покуда спрячь все это куда-нибудь... да, вот, под пол: там, кажись, поднимается плаха... А что это там за шум на улице?
- Да кричат... Чу – кто-то будто свистнул.
- Пойду, посмотрю.
- Стой, ни шагу! Кто здесь живет? – раздался голос полицейского пристава, и 3–4 городских ворвались в смрадную избу.
- Здесь, здесь я... с моей семьей.
- Кто ты?
- Андрей Ненанов, здешний мещанин.
- Тебя видел городской, как ты бежал сюда с мешком. Откуда?
- Неправда, ваше благородие, я спал и только что проснулся, – хотел идти наниматься на работу.
- Да-а! А почему же у тебя в крови руки-то?
- Я оцарапал!
- Ну, покуда царапин не вижу, дело что-то не ладно! Да и на одежде у тебя кровь. Ребята! осмотрите комнату, да хорошенько.
- Здесь, ваше благородие, мешок, полон вещей.
- Тащи сюда!

– Он весь в крови, ваше благородие!

– Вываливай все на пол... Откуда это взял ты мех, золото, деньги?..

– Мой грех! простите: все равно узнали бы вы сегодня... Да, да, я от голода и ради страдания вот этих крошек, совершил убийство... Зарезал еврея-целовальника, моего хозяина. Вяжите меня! Прости мне, Господи!

.....

II.

Вечер. Роскошный каменный театр, выстроенный богатым купцом-кулаком, вблизи той же реки, но уже в центре города, горит огнями; а у подъезда, освещенного двумя матовыми фонарями, то и дело останавливаются кровные рысаки и из саней вылезают закутанные в дорогие шубы, тузы – аристократия города, или, лучше сказать, сливки общества. Немудрено! Сегодня поет дива нашей оперы.

В театре говор, шум, волнение. Идет подписка на тысячный подарок диве – уже собрано более 900 рублей.

Деятель коммерческой конторы Иван Иванович Острокопцев, человек лет сорока, красивый, высокий, стройный брюнет, во фраке, то и дело подбегает то к одному, то к другому с подписным листом.

– Подпишите! Как вам не стыдно, ведь, это жемчужина... Мы должны поощрять таланты! Какая честь, что она поет в нашем городе, – да ей в столице петь, а не у нас...

– Нет, я не привык бросать бешеные деньги. Довольно! я заплатил ей пять рублей за кресло, – и будет, увольте.

– Ох, какой вы нелюбезный!

* *

*

Звонок. Всё засуетилось, все, как угорелые, бросились к своим местам: кто в партер, кто в ложи. Капельмейстер, моло-

дой человек, поднял палочку, – всё замерло; занавес взвился, – и, с виду скромная, как институтка, но с кошачьей манерой, на сцену появилась дива... Раздался, не умолкавший в течение нескольких минут, гром аплодисментов, и дождь цветов посыпался на сцену. Расточая продажные улыбки направо и налево, дива очаровательно, чуждо, улыбнулась и Ивану Ивановичу, сидевшему в первом ряду. Тот, увидя эту улыбку, чуть не прыгнул от восторга на сцену. Первый акт кончился. Занавес опустился. Шумным вызовам дивы не было конца. Иван Иванович, раскрасневшийся, расталкивая публику направо и налево, летел за кулисы.

– Можно войти? – стучит он в дверь уборной.

– Entrez!

– Божественно! Бесподобно! Восхитительно! Позвольте расцеловать вас.

– Пожалуйста, без нежностей!.. я не люблю их, – вы знаете? А что, вы купили диадему, о которой я вас просила?

– Александрин, пощадите! Откуда же я возьму столько денег: ведь, она стоит десять тысяч, а я получаю всего пять!

– Мне нет дела, сколько она стоит. Мне она нравится и я не привыкла, чтобы мне в чем-нибудь отказывали... Если завтра к двум часа дня вы не привезете, двери мои будут навсегда для вас закрыты.

– О, как вы безжалостны! Вы знаете, как я вас люблю!

– Не замечаю что-то... Можете идти, мне надо переодеться... А propos – смотрите: без диадемы я вас не приму!

И жестом королевы она указала ему на дверь.

* *

*

– Что делать? – думал, возвращаясь домой, Иван Иванович. – Страсть овладела мной, за миг блаженства я готов заплатить ценою всей моей жизни. Где достать денег? Шутка ли: десять тысяч! Нет, во что бы-то ни стало, а я добьюсь её люб-

ви. Я возьму из кассы, а потом пополню... Ревизия у нас скоро будет. Ключ от кассы у меня да у хозяина... Решено: я позаимствую... Я не ворую... Глупость это! Я потихоньку пополню взятое, – выиграю в карты... Решено! я так и сделаю.

* *

*

Ровно в два часа, у подъезда лучшей гостиницы города, где жила дива, выпрыгнул из санок Иван Иванович. Быстро взбежав в бельэтаж и бросив шубу лакею, он постучал в дверь. Раздался мелодичный голос:

– Entrez!

– А я думала – вы не приедете!

– Божественная! я у ваших ног.

– А привезли диадему?

– Вот она!

– Как это мило с вашей стороны! Теперь я вижу, что вы меня действительно любите. Какая прелесть! Какая игра! Дайте, я вас поцелую.

– Я в восторге. У твоих ног я готов умереть... Я люблю тебя.

– И я... я вижу – вы стоите любви!

* *

*

– Частный пристав желает вас видеть, сударыня, – сказал, входя, лакей.

– Проси... Что ему нужно!.. Но ты бледен... Что с тобой?

– Честь имею представиться: частный пристав. Я собственно не к вам, а к ним... Я вас арестую!

– Как? Что? По какому праву?

– Вы изволили сегодня после закрытия конторы ходить в кассу, чего ранее не делали; вас видел сторож, сказал хозяину, а тот проверил кассу, и в ней не оказалось наличо десяти тысяч... И я получил приказание вас арестовать!

– Но... видите: ей дурно! Позвольте!
– Это до вас не касается! Извольте следовать за мной, а к
ней я пришлю горничную.

.....

Петр Аршаулов

Источник публикации: Два преступления: (эскиз из мира действительности) // Сибирский вестник (Томск). – 1890. – 16 марта (№ 32). – С. 2–3.

Произведение было посвящено супруге томского полицмейстера А.Д. Некрасовой – В.К., А.Я.

Дорого яичко к Христову дню

(быль)

(Посвящается дорогой А. Я. Б.)

*В жизни и лавры, и розы
Дорого стоят порой.*

Всеволод Сибирский

Полночь... Ярко горит лампада перед образом распятого Христа. Грустен, но дышит добротой и всепрощающей любовью к миру лик Спасителя. Его святое чело, несколько склоненное на бок и полуоткрытые, чудные, тёмнокарие, большие глаза с кротостью глядят на молодую девушку, лежащую на большой ореховой кровати, и на родную её мать, сидящую перед ней и уговаривающую дочь выйти замуж за нелюбимого дочерью человека, старого, хилого, седого сластолюбца.

Девушке всего 17 лет: она еще почти ребенок, только что кончила курс в одном из институтов, не знает света, жизни, людей; но чувствует она, что её сбывают с рук, как ненужную вещь, за которую хотят взять хорошую цену... И кто же? Родная мать, родной отец, промотавшийся в вихре светской жизни... Недоброе чует её юное сердечко... Чует оно, что её бросают в пропасть, а остановиться, – нет возможности... А она любит и любит всей пылкостью своего молодого неиспорченного сердца человека, за которого она готова умереть... Но существует преграда их счастью: он беден, незнатного рода... Да что ей до этого за дело!.. Но отец против брака её с бедняком...

– За что, за что же, – думается ей, – так безжалостны ко мне? – и глаза, полные слез, устремились на распятого Христа, и слеза за слезой невольно катятся по бледному лицу несчастной девушки.

– Хотя бы Ты защитил меня, Создатель, когда родная мать – и та против меня!.. И болезненный тяжелый вздох, как эхо, отдался в стенах роскошной спальни.

– Успокойся, дорогая, – сказала мать. – Ты глупа: не знаешь еще жизни, но, поверь, ты будешь с ним счастлива... Ты ради всех нас, ради нашей семьи, должна выйти за него замуж... Он богат, знатен и со временем ты его полюбишь. Если ты за него не выйдешь, – мы разорены, нас опишут за долги... От тебя зависит наше спасение. Не возражай, – я знаю, ты любишь Петра Павловича; но он тебе не пара, он беден, сын простого мещанина; хотя он кончил курс в университете, но что из этого?.. Что будет с тобой?.. бедности ты не вынесешь, и нас погубишь!..

– Мама! Пощади! я не могу любить никого, кроме Петра Павловича; я дала ему слово быть его женой, когда он кончал курс, и, кроме него, я не пойду ни за кого в мире.

– Ты знаешь, отец ни за что на свете не отдаст за бедняка, безродного, а он Петра Павловича ненавидит.

– Но за что... за что же, Боже мой? скажи, мама...

– За то, что мы его приютили, помогали, а он черство нас отблагодарил... Он совратил тебя, украл твое сердце; он даже права не имел на твою любовь... Ты ему не пара... ты – баронесса, помни... Выкинь из головы Петра Павловича. За него мы не отдадим тебя. А кого назначили, за того и выходи: мы знаем по опыту, что поживётся – слюбится. Да будь повежливее с женихом, а то ты с ним крайне нелюбезна.

И снова вздох... а слезы так и катятся ручьями из-под опущенных, покрасневших век.

– Что делать?.. Что будет со мной? – думалось ей. – Где-то теперь мой Петр, мой возлюбленный Пьер?.. отчего он не со мной? – и думы неслись в голове одна за другою. И вспомнился ей тот чудный майский день, когда она увидела Петра, познакомилась с ним, полюбила... Она тогда кончила курс института, он кончал университет... Чем более она вглядывалась в него, тем больше любила. Помнит она, как они клялись друг другу в верности, как она дала ему слово быть его женой. Отец, затем,

все узнал – и доступ в дом бедняку был прекращен. Теперь она не видела его с полгода: её все стерегут, хотят отдать за противного старикашку.

– Что толку, я богата, знатна, когда я его одного люблю?.. лучше бы мне умереть... И слезы снова катятся из глаз. Мать что-то говорит, но она не слышит. Только мрачные грезы наполняют её головку, сменяя одна другую. Она открыла глаза, взглянула в тот угол, где был образ распятого Спасителя; лампада ярче осветила лик Божественного Учителя.

– Господи! – простонала она. – Ты, творивший чудеса, спаси меня!.. Ей показалось, что голова Спасителя еще ниже опустилась на грудь, как бы тем самым говоря: «Я спасу тебя, дитя»...

...Что это со мной вдруг случилось, – подумала она, – я ничего не вижу, мне хочется еще взглянуть на Распятого, я не могу.

...Ей хочется сказать: «Уйди, мама, оставь меня одну» – уста не движутся, язык отказывается служить... Сердце перестает биться, кровь тише движется по жилам, все члены немеют... ей хочется закричать – нет сил... Она заснула – глубоким, тяжелым от нервного потрясения сном. Сном летаргическим, похожим с виду на страшную смерть.

* *

*

– Анята, ты заснула, устала, нездорова? Успокойся, нау-тро я позову доктора. Ты сегодня расстроилась, твои нервы расходились, да и руки похолодели... Дай, я тебя укурю... Господь с тобою... Ты спишь... тебе лучше.

Скоро 3 часа утра, а Анята все спит, и в той же позе, как заснула; её будили, но безуспешно. Наконец, пришла мать, подошла к кровати, взяла руку... Рука совсем холодная, по красивому лицу разлилась смертельная бледность...

– Анята, что с тобой?.. Проснись, вставай, ты чай еще не пила. Да, Господи, что с ней?!.. она совсем холодная, не ды-

шит... Не умерла ли?!.. Доктора, доктора скорей! Господи, да что же с ней случилось!..

Явился доктор-старичок, взглянул, подумав про себя: «Зачем я тут? Священник тут нужен»...

– Взгляните, доктор, что с ней? она в обмороке? Вчера она страшно волновалась, – сказала мать.

Доктор взял руку Анны – холодна; пощупал пульс – не бьется; взглянул на бледное, как мрамор, чистое лицо – оно безжизненно; приподнял веко – глаз тусклый, послушал сердце – не стучит. И что смотреть, когда мертва, но «так, для успокоения бедной матери», – подумал он.

– Все кончено! она умерла от нервного удара. Молитесь за неё.

Еще минуту постоял над Анютой доктор и медленно пошел к дверям...

Пришел отец со службы, вошел и был поражен как громом, увидя труп дочери. Мать бросилась к мужу на шею и залилась слезами.

– Жорж! это наш грех с тобой, это мы её погубили!

Отец не плакал, но сердце болезненно сжималось, он стал мрачен и как-то тупо смотрел на дочь. Что думал он, Бог знает, – чего было жаль ему? Жаль ли дочери, жаль ли того, что вся надежда поправить обстоятельства свои со смертью дочери рухнула, разлетелась прахом...

Все преклонили колена; пришел старик жених, заплакал, перекрестился; он понял, что главной причиной смерти был он.

– Вот ваша невеста, возьмите её. Мы все перед ней виноваты, – сказала мать...

Жених с трудом встал на колени перед Анютой, набожно перекрестился, и, целуя похолодевшую руку со слезами на глазах, сказал громко, не стыдясь:

– Я виноват перед тобой, Анюта, я сознаюсь – я пошлый сластолюбец, мне тебя хотелось приобрести, как вещь; я созна-

юсь – я для тебя не мог быть мужем, я стар... но прости, прости меня! У твоего смертного одра я приношу раскаяние. Клянусь, хоть чем-нибудь загладить мою вину перед тобою; я буду молиться за тебя, я дам большой вклад в монастырь за вечное поминовение твоей невинной души, я спасу от разорения твоего отца – только прости меня, молю...

И слезы искреннего раскаяния потекли из глаз старика... Общее рыдание раздалось в спальне. А она, как восковая, лежит недвижимо.

* *

*

Наконец, все более или менее успокоились, началась суэта по дому. Пришли две женщины, обмыли тело Анюты, одели в белый, как бы свадебный наряд, положили в зале на стол, украсив чудными цветами. Пришла монахиня-читальщица, пришел и гробовщик, почуявший хорошую добычу. Он смерил Анюту с головы до ног складным аршином так хладнокровно, как будто бы он мерил простую материю, которую хотел продать покупателю, и так же хладнокровно ушел делать поскорей последнее и вечное жилище для Анюты. Приехало духовенство служить панихиду; хор певчих в нарядных кунташах, отделанных золотом, запел «Вечную память»... А дни-то, дни-то какие!.. Бедняжка умерла в великую пятницу, когда конец всем страданиям Христа...

* *

*

Явился снова гробовщик, привез роскошный глазетовый белый гроб; её кладут в гроб, украшая свежими цветами... И как прелестна она, какую чудною красотой дышит лицо её. «Она, как живая!» – восклицают окружающие гроб.

Проходит пятница, настала и великая суббота; её хотят хоронить, а Анюта все спит непробудным, мертвым сном, ничего не чувствует, но всё слышит, что происходит вокруг неё, а сил

нет: ей хочется крикнуть – не может; Анюта слышит чтение по ней монахини, плачь матери, сожаления праздной толпы...

– Так это не сон, а страшная действительность: меня считают мертвой; мне страшно... что если похоронят живой!.. Это ужасно...

Мать не соглашается её хоронить сегодня, в субботу, а хочет в понедельник на Святой. Анюте делается как бы легче. Еще надежда есть, – два дня впереди: авось проснусь, – думается ей. Её сжимают стенки гроба, ей тесно, ей хочется растянуться – нет сил... Господи, спаси меня!.. И опять объяло её оцепенение, и она уже не слышит, что происходит вокруг...

* *

*

Настало Светлое Христово Воскресение, она услышала, где-то запели: «Христос Воскресе»; ей как бы стало легче на душе, и душа её наполнилась невыразимо радостным блаженством, – надежда на Христа её не покидает... Ей думается: «Да, Он воскрес, придет и воскресит меня по своей безграничной доброте».....

Кто-то порывисто подошел к гробу, нервно дыша, и сильный, грудной, нечеловеческий плач раздался над её гробом, и голос, голос знакомый, дорогой ей голос скорее прошипел, чем закричал:

– За что же вы погубили её!

...Да, это голос Петра! Как бы хотелось её выскочить из тесного гроба, броситься в объятия любимого ею человека, прильнуть к его груди, и если умереть – то на его руках... Увы! она не в силах... Замолкло его рыдание; он ближе подошел... Она начинает чувствовать его дыхание, его горячий поцелуй – один, другой, третий... Она ощущает, как слезами он омочил её холодное лицо.

– Да, – сказал он громко, – бедная страдалница, где я впервые христосуюсь с тобою в такой великий день!.. Это ужасно. За что тебя прежде времени погубили жестокие люди!...

Он глубоко задумался.

– Зачем мне теперь жизнь?.. Для чего потерял я все лучшие годы, учился, достиг своей цели, мог быть полезным. И всё прах и суета!.. Нет, не надо жить! я буду, милая, там же, с тобой; сперва провожу тебя до вечного жилища, а затем мы соединимся там, где нет ни плача, ни вздыхания...

– А мы могли бы быть с тобою счастливы. – Но жестокий твой отец...

И тупым, пристальным взглядом он впился в мраморное лицо Анюты... И тысячи мыслей бродили в его голове...

* *

*

Он стоит над гробом минуту, две... Скоро полчаса... Наконец, и целый час, и всё в одной и той же позе, и никто не смеет нарушить его покоя. Даже отец, – и тот, взглянув на него украдкой, подумал: «лучше бы я отдал за него Анюту!..». Всем жаль было смотреть на убитого горем молодого человека... Да, он и был близок к помешательству...

.....

* *

*

– Что за пустяки? нет, мне показалось, я взволнован... – И еще пристальнее и ближе стал смотреть на Анюту...

– Господи! да неужели я не ошибаюсь? – у ней показался румянец; да, точно... она пошевелила губами... Я ясно вижу... да и ноздри начали раздуваться. Ведь, это галлюцинация, не сон?..

– Я ясно слышу её вздох... да она в летаргии!.. Господи, спаси её!..

– Ко мне!.. сюда... скорей!.. Она жива... её нужно осторожно вынуть из гроба.

Приехал жених и с жалостью смотрел на молодого человека...

– Что же вы смотрите на меня? – я говорю, – она жива! Её нужно вынуть...

И, быстро выхватив её из гроба, с отеческой любовью, с трясущимися от волнения руками, он держал её на руках у своего сердца.

Всё замерло в немом ужасе. Монахиня в испуге бросила читать; Анюта лежит на его руках, тихо, чуть-чуть дыша. Секунда... Всё засуетилось.

– Возьмите от него, он сошел с ума... Вы видите...

Но все были поражены, никто не смел двинуться с места. Еще секунда – и глубокий сильный вздох раздался из груди очнувшейся Анюты, она полуоткрыла глаза. Все, как онемели...

– Анюта, это я – Петр. Не бойся, я отнесу тебя в твою комнату...

И быстрыми шагами он направился к дверям её спальни. Все бросились за ним. Бережно положил он её на кровать, sprыснул холодной водой... Она очнулась. Слезы радости текли по бледным щекам Петра...

– Господи! как долго я спала... какой страшный сон... И ты, Петр, здесь, сказала слабым голосом Анюта, у меня... со мною... Я не расстанусь с тобой, я клянусь быть твоей женой, – чуть-чуть протянула к нему руку, но движение руки было так слабо, что Петр и не заметил...

– Успокойся, Анюта, – сказала мать, – не волнуйся! – и слезы потекли у неё градом... Один отец был пасмурен и бледен.

К Петру подошел жених и добродушно, отечески подал ему свою морщинистую руку.

– Послушайте. Спасибо вам... Вы сняли с меня грех! Будьте моим сыном, а сыну я сделаю подарок, дорогой подарок к Христову дню: она будет ваша, а об остальном не беспокойтесь, – я все устрою...

Петр совсем растерялся; на минуту пристально смотрел он на старика, который ранее хотел похитить его счастье; затем,

бросился к нему в объятия и невольные слезы неописанной радости полились из глаз Петра.

Все безмолвно глядели друг на друга и на трогательную картину.

Одна Анюта еще не понимала, какое счастье дарует ей Христов день.

– Да, дорогой отец, позвольте так называть вас, – сказал Петр, обращаясь к старику, – вы подарили мне подарок, и верю вам, что будет он мой...

– Да, дорого яичко к Христову дню, – и снова они братски обнялись.

Петр Аршаулов

Источник публикации: Сибирский вестник (Томск). – 1890. – 1 апр. (№ 38). – С. 2–3.

Произведение было посвящено А.Я. Боровиковой [в тексте – А. Я. Б.].

Бунт

(Очерк из сибирской приисковой жизни)

Среди крутых высоких снеговых гор, покрытых густым хвойным, девственным лесом, местами хищнически вырубленным золотопромышленниками, протекает ключ, шириной не более трех сажень и с небольшим в сажень глубины.

Горы называются Покровские. Такое же название носит и ключ. Здесь разрабатывается золотоносный прииск П–В–ский, принадлежащий богатому золотопромышленнику, бывшему конюху на приисках, потом обратившемуся в отчаяннейшего спиртоноса и от этой профессии зашибавшего себе деньгу. Вот он, зная хорошо тайгу и скопив несколько тысяч, стал работать на П–м прииске – сперва золотничными работами, потом общими. В описываемое время на прииске команды было более 100 человек и, при богатом содержании золота, дела шли блестяще.

По правой стороне отлогов Покровских гор, в живописном беспорядке, разбросаны приисковые постройки, состоящие из деревянных казарм для рабочих, амбаров для продуктов и приисковых товаров, земляной кузницы, конюшен и хорошенького домика, хотя несколько вычурной архитектуры, предназначенного для жилья хозяина и приезжих гостей. Домик окружен садиком, с большими черемуховыми и рябиновыми деревьями. Черемуха в полном цвету и щедро наделяет воздух душистым, чудным ароматом.

У открытого окна хозяйского домика сидит молодой человек – глуповатый, но красивой наружности, сын и баловень отца и будущий его наследник. Он, по-видимому, с жадностью вдыхает в себя здоровый, приисковый таежный воздух, вместе с тем любясь восходящим солнцем и шаловливыми лучами его, играющими по снеговым вершинам Покровских гор.

Кое-где, по лужайке, пасутся лошади, коровы, пощипывая зеленую траву и по временам поднимая свои морды кверху,

как бы наслаждаясь окружающей природой. По ключику видны разрезы в горы, орты, груды золотоносного песка, приготовленные еще зимой для летней промывки, переброшенная через ключ, как ленточка, плотина, вода в которой с шумом журчит и бросает белые, как самый чистый бриллиант, капли на дно ключа. Там, вон, стоит большая промывальная машина; ручные тачки, сложенные грудой, таратайки, запряженные хорошими здоровыми лошадьми, предназначенные для возки золотоносных песков на машину. Скоро все примутся за работу. Рабочие, кучами, с инструментами, кирками, лопатами, ломami подходят к хозяйскому домику. Началась раскомандировка на работу; вышли приказчики, нарядчики, смотрители; рабочие выстроились. Пришла и приисковая власть, в лице усатого, николаевской службы стражника; вышел и хозяин, мужчина лет 60, высокий, красивый, здоровый старик, с умными, но плутовскими глазами; поздоровался с командой, и она двинулась на работу.

Но, вот, хозяин увидел, что один рабочий, с лопатой в руке, вернулся назад, отделяясь от группы других, и шел по направлению к нему. Хозяин приостановился. Рабочий был с виду невзрачный, с монгольским типом. Он подошел к золотопромышленнику, взглянул со злостью и с ненавистью на окно, из которого выглядывал сын хозяина, и дерзко, не снимая шапки, сказал:

– Вы чего не уймете вашего озорника? – и грязной, жилистой, в мозолях рукой он ткнул в пространство, в сторону окна, и чуть не задел по лицу старика.

– Ты бы снял шапку, когда говоришь с хозяином! – и седые брови старика еще более сдвинулись, и сердитый взгляд, как молния, мелькнул в его глазах.

– Что же! можно и снять... снимем! – и ленивою рукою, медленно, он снял свой кожаный картуз. – Намедни я поймал барчука со своей Катюхой. Я ей шкуру-то повытрес, – пусть спасибо скажет, что убрался сам подобру-поздорову; а то под горячую руку – и ему бы несдобровать!..

– Ах ты, негодяй! да как ты смеешь так разговаривать со мной? да я его, каналья, разве учил с твоею дочерью связываться?! – и русское словцо пошло по адресу к рабочему. – Марш на работу, каналья! Вот уж я тебе дам, – пусть придет с работы артель.

И, повернувшись к нему спиной, хозяин пошел к крыльцу дома.

Со злобой посмотрел вслед ему рабочий, постоял секунду и затем направился по направлению к разрезам, произнося сквозь зубы разные ругательства...

* *

*

Вечером, по окончании работ, хозяин приказал собрать команду. Все думали, зачем? Не водкой ли он расщедрился угостить, так как в тот день нашли самородок в один фунт весом? Команда собралась. Хозяин уже на крыльце. Пришел и стражник.

– Ребята! – сказал хозяин. – Вы мной довольны? – Команда недоумевала, куда он клонит речь; но чувствовала, что её собрали не зря, а на что-нибудь важное. Кто переминался с ноги на ногу, кто чесал затылок, кто тер грудь обеими руками... Все, очевидно, были в недоумении...

– Так разве чем недовольны, ребята? – повторил хозяин...

– Зачем же, Иван Парамоныч! кажись, всем довольны! – проговорили рабочие, – но осторожно, как бы боясь высказать что-нибудь лишнее. – Зря, кажись, не обиждаешь!

– Вот вы говорите: «довольно», – спасибо! А я-то вами недоволен: вы уж хозяину стали обиды чинить. Сегодня Тутусов дерзко со мной обошелся, наговорил мне дерзостей из-за своей девчонки: чуть к морде не полез; шапки даже не хотел ломать. Так я прошу артель поучить малость его, каналью!

Артель заволновалась. Прошло несколько минут в шумном споре. Наконец, решили, что Тутусов виноват – надо поучить его. А всё ученье или, лучше сказать, нравоученье заключалась

в том, что артель приговорила Тутусова наказать 15 ударами розог и приговор привести тут же в исполнение, через стражника.

За розгами дело не стало. Живо нарезали их, – благо близко тайга и этого добра сколько хочешь, и немедленно исполнили приговор даже с излишним усердием, так как, вместо 15 ударов, дали 20. А может быть, и потому, что сбились в счете...

* *

*

Тутусов поднялся с земли. Посмотрел на наказывавшего его стражника, потом на артель, плюнул в сторону и, как ни в чем не бывало, вмешался в толпу; но из толпы вышли два защитника, в лице двух сыновей Тутусова, и обратились к артели с речью.

– Топеряча артель хоша тятке присудила 15, – зачем же ему всыпали 20 ударов? Нешто эфто закон? что присуждено, всыпь по закону; а за что же больше – эвто уж не порядок, господин стражник!

– И то впрямь! – сказали рабочие. – Вы за что же зря делаете, чаво не следует? эвто не по закону! – и рабочие начали волноваться и шуметь.

– Ну, ладно! галдите еще, марш по казармам, – сердито сказал стражник, и рабочие группой двинулась туда, лишь братья Тутусовы шли отдельно.

– Ванюха?.. – сказал один из братьев.

– Ась...

– Что тятку отпороли за дело – это нешто, потому топеряча, значит, артель... А, вот, зачем «духи»* лишку всыпали – эвто негоже. Дай только приедет исправщик, прямо притензию произнесу, потому по закону можно, а сверх – для чего же!

– Вестимо! – сказал другой.

Рабочие почти все вошли в казармы, а братья медленно шли, как-то лениво переставляя ноги, и когда уже были почти

* Так называют приисковые рабочие всех вообще полицейских..

у казармы, один из них, Иван остановился, прислушался и, посмотрев в сторону тайги, сказал:

– Слышь, Гаврила!..

– Чаво?

– Нешто не слыхал, как две совы закричали вместе?

Гаврила стал прислушиваться...

Снова раздался жалобный, сильный крик сразу двух сов.

– И впрямь! – сказал Гаврюха. – Неушто спиртоносы?

– Вестимо, они! Видно, хорек с лягушкой (так звали спиртоносов) прискакали; давненько-таки не были...

– Ванюха! у тя деньги есть?..

– Нет. Золотишка в дуле поднакопил, золотников с 20, да самородочек – с десяток золотников.

– А у меня всего на вся – вчера в отвале сбондил – самородок, золотников 8 с лишком.

– Слушай, Гаврюха: не купить ли нам спиртику для артели, попоштовать её, да поговорить, чтоб произнести всей артелью жалобу на стражника? А то он и нас будет пороть зря, а исправник, чай, должен на эфтих днях приехать.

– Валяй! Чаво смотреть им в зубы!..

И оба они вошли в казармы. В казармах кто садился ужинать, кто ложился уже спать. Иные пили кирпичный чай; иные чинили разорванные сагири*, пробитые об острый камень в реке, некоторые чинили бродни.

Урядник в своей комнате благодушеествовал, предварительно осушив добрый стаканчик спирту и намереваясь снова повторить такой же прием живительной, дерущей рот влаги.

Стемнело... Братья, один за другим, вышли из казарм и направились к тому месту, откуда слышался крик сов, и, отойдя от жилья сажень на 100, один из них крикнул по-совиному. Ему ответили тем же криком из тайги.

– Э... близко!..

* Сапоги, в которых работают в воде рабочие.

* *

*

Знакомые спиртоносы ждали с нетерпением хорошей наживы. Две оседланных вьючных лошади стояли тут же невдалеке, пощипывая траву. Спиртоносов было двое, рослых, отчаянных, вооруженных магазинными ружьями, револьверами и острыми, как бритва, висевшими у пояса, ножами. Встреча братьев с спиртоносами была радушная. Расспросив их, что нового, на что будут покупать спирт – на деньги или золото, и, узнав, что у них имеется последнее, один из спиртоносов вынул из кармана маленькие весы и пошел с братьями в довольно глубокую яму, для того, чтобы там при огне свесить золото. Чуть заметный маленький огонек мерцал внутри ямы и не мог быть виден с прииска.

Свесив золото, спиртоносы дали братьям по три бараньих кожи, наполненных спиртом, вмещавших его в себе не менее, как 20 бутылок, за что и получили с братьев 30 золотников краденого золота.

– Посылайте ваших, да осторожней: еще ведра с два есть! – сказали спиртоносы.

* *

*

Когда братья вернулись в казармы, большинство рабочих там уже спали, а другие собирались ложиться. Тутусовы незаметно пробрались на свои места.

Несмотря на открытые окна в казармах, где помещалось человек сто, воздух от накуренной махорки, от сушки мокрых портянок и т.п. был ужасен; но рабочий свыкся с ним, не чувствует его влияния и после каторжной приисковой работы только и думает об отдыхе...

Мы все любим более или менее золото, но все ли знают, с каким трудом оно добывается, что каждый его золотник стоит много усилий, а иногда и жизни человека? О простудных и рев-

матических болезнях – и говорить нечего: они приобретаются на прииске скоро и легко...

Один из Тутусовых созвал нескольких своих приятелей, разбудив спящих из них, налил в небольшую деревянную чашечку спирта, выпил сам, закусив черным сухарем, и предложил товарищам. Те с жадностью глотнули его, и весть, что спиртоносы на прииске, быстро облетела казарму, хотя это держалось всегда под величайшим секретом от администрации.

Кое-где начали перешептываться, затем исчезать куда-то по одиночке и возвращаться навеселе.

Казармы пробудились, и в них началось сильное оживление. Пошли разговоры, сдержанный смех, шутки. Кто-то затянул песенку, послышалось крепкое русское родное словцо. В углу спавший непробудным сном староста тоже, наконец, проснулся, поднял голову и взглянул на рабочих.

– Чего это вас разбирает, чему обрадовались? Господи, да, ребята, кажись, выпили, должно, на прииск пробрались спиртоносы.

Он встал, надел бродни, накинул азам и пошел в комнату стражника. Тот, изрядно подзакусив, спал мертвым сном, пыхтя, как кузнечный мех, и по временам издавая звуки носом и хрюкая иногда, как годовалый поросенок.

С большим усилием стражник был разбужен.

– Вставайте, Иван Васильевич! Команда пьяна, на прииске спиртоносы! – сказал староста. Тот протер глаза и, поняв в чем дело, быстро оделся; надел шашку и револьвер и поспешил вместе со старостой к хозяину. Весь наличный состав приисковой администрации, вооруженный ружьями и револьверами, пошел разыскивать спиртоносов. Но их уже и след пропал. Поискали около леса – в тайге, да где найдешь? А из казарм шум, говор, смех доносятся все более до приисковой администрации. Бросились в казармы отбирать спирт у рабочих, но было поздно: он уже испарился, как эфир. Всего больше шумели и кричали братья Тутусовы.

Многие рабочие, не употреблявшие водки, хотели спать, – не дают; команда разгулялась, точно на праздник. Стражник стал унимать рабочих, чтоб те ложились спать, а братьям пригрозил холодной. Те огрызлись.

– Тебя бы самого, – сказал один из Тутусовых, – в холодную, чтоб драл по закону! – и толкнул стражника рукой от себя.

Власть оскорбилась, хотела взять Ивана со старостой и посадить в холодную.

– И впрямь, – сказал какой-то пьяный рабочий, подвигаясь к стражнику, – за что к нему пристаете, Иван Васильевич!

К ним подошли по большей части пьяненькие рабочие: кто из любопытства, а кто из желания не выдавать своих. Кружок около старосты и стражника все рос и рос. Шум, крик и брань начались невероятные, хотя из-за чего – никто не понимал. Рабочие галдели, как стражник ни старался уговорить их. Каждый старался перекричать другого. А тут еще один отчаянный, громадного роста рабочий бунтует.

– Стражник куражится, – сказал он, – его и самого бы в холодную.

– Его судить своим судом надо: зачем порет зря, а что там еще ходить по начальству, не стоит! – подтвердил другой.

– Судить, известно! – раздались голоса.

Масло было подлито в огонь.

– Судить, судить! – грянула толпа.

Стражник, видя невозможность справиться одному с толпой рабочих, хотел вырваться от них и уйти из казарм, но его удержали и в свалке оборвали даже у него погон.

Пришел хозяин уговаривать рабочих. Его выгнали из казармы вон. Вся администрация прииска растерялась. Рабочие бунтуют и бунтуют. Шум, крик всей команды. Наконец, рабочие порешили артелью: «за несправедливость стражника, выдержать его 4 дня без пищи и питья в холодной». Благоразумные и трезвые рабочие пробовали уговаривать

своих товарищей; но только получили за это изрядное количество тумачков.

– Ребята! волоки стражника в холодную, – гремели голоса, и его потащили, обезоружили и посадили, приставив к нему караул из рабочих и заперев холодную на замок, а ключ от неё взял к себе главный бунтовщик. Затем, все высыпали из казарм на улицу, за исключением человек 20-ти, не принимавших никакого участия в общем волнении.

Рабочие гудели. Власти на прииске не было – урядник был арестован. Страсти разгорелись. Натуры требовали водки еще и еще. А где ее было взять? Порешили арестовать хозяина с сыном. Арестовали их и поставили у комнаты каждого караул. Толпа рабочих хозяйничала на прииске. Отобрали ключи от материального и отправились в магазин, где хранился спирт в бочке и разный приисковый товар, а также съестные припасы. Таким образом, желанный спирт был добыт, и тут уже начался разгул, – разгул чисто приисковый. Из бочки пили спирт чарками, закусывая, чем кто хотел. Разложили костер, и он освещал фантастическим красноватым светом пьяную ватагу. Многие уже из рабочих свалились в лежку у бочки. Песни, шум – так и слышались в воздухе. Служащие разбежались в тайгу, а сам хозяин, пригорюнившись, сидел у письменного стола, арестованный рабочими.

* *

*

– Что-то будет? – думалось ему. – Команда сбунтовалась. Как дать знать исправнику?.. ведь, до него, почитай, больше 100 верст. У двери караул, хотя она и не заперта; у окон тоже. Что делать?

Но, вот, слышит хозяин, кто-то осторожно стукнул в окно. Он вздрогнул, стук легкий снова повторился. Приподнявшись и взглянув в окно, он увидел знакомое лицо любимого конюхачыгана, с черными, как смоль, глазами и, приотворив осторожно окно, спросил:

– Что, Роман, это ты?

– Садитесь на лошадь и скачите в город, да только тише. Ребята все пьяные; я и караульному поднес ковшик спирту.

И конюх держал уже под уздцы неоседланную здоровую, верховую приисковую лошадь. Долго не думая, хозяин взял из-под подушки револьвер, тихо и быстро выскочил из окна, прыгнул, как юноша, на лошадь и тихо поехал по направлению к городу. Лошадь, почуя седока, пошла полной *ходой*, т.е. особой побегой, которой так искусно могут обучить лошадь только приискатели. Сидя на подобной лошади, вы чувствуете себя так же спокойно, как в кресле, и по таежной дороге проехать 50–60 или даже 75 верст в сутки на такой лошади – сущие пустяки.

* *

*

Начинало чуть светать. Команда, утомленная и пьяная, мало помалу засыпала. Поставленные караулы, однако, сменялись правильно, через каждые 3 часа. Пьяные рабочие, как отравленные тараканы в кухне, валялись по лугу прииска; кто, впрочем, был еще в силах – упелся в казармы, и говор, и шум там долго не умолкали...

Но, вот, настал другой день, и он уже подошел к концу, а стражник все сидел в «холодной» без хлеба и воды и раздумывал: «А что, если рабочие дойдут до того, что учинят над ним еще более худшее насилие, – что тогда?» – и при этой мысли мороз пробежал по его спинному хребту.

Снова ночь, а рабочие все хозяйничают на прииске. В хозяйском погребе сломали замок, достали водки, бочонок ведер в 10, всевозможных вин, предназначенных хозяином для угощения своих гостей и начальства. И опять пошла попойка до утра...

На третий только день, как только начало светать, послышались колокольчики, и вдали показались телеги, запряженные парами. В первой ехал горный исправник, за ним в других 6

или 7 стражников. Ямщики то и дело подгоняли измученных, усталых от быстрой езды лошадей, покрытых сероватой пеной. Стражники, вооруженные револьверами и шашками, подъехав быстро к крыльцу приискового дома, выпрыгнули и помогли исправнику выйти из телеги.

Весть о приезде исправника быстро облетела прииск, и когда исправник приказал стражникам собрать народ, рабочие, уже гурьбой, полупьяненькие, с больными головами, выходили группами из казарм и шли, пошатываясь, к дому, ведя между собой оживленный разговор и решаясь оказывать возможно больше сопротивления и зря не давать друг друга в обиду.

Исправник вошел в знакомый ему дом владельца прииска, а за ним последовали два усача стражника. Прогнав караул, поставленный внутри и снаружи дома рабочими, он освободил чуть живого хозяйского сына. Тот бросился к нему на шею с искренней благодарностью за спасение, быть может, от истязания и даже смерти.

Откуда ни возьмись, появились и служащие, прятавшиеся на это время в лесу, полуголодные, питавшиеся без малого трое суток одной волчьей колбóй. Рабочие группами толковали между собой.

– Смотри, ребята, не выдавать!

– Вестимо, уж как чаво, то пусть всем!

Стражник доложил исправнику, что команда собралась; тот, приосанившись и поправив Станислава на шее, гордо вышел на крыльцо. Все замолкли и хотя несколько, как бы лениво, стали снимать шапки. Исправник поздоровался. Команда ему ответила.

– Что вы наделали, ребята? – строго спросил исправник. – Знаете ли только вы, какой страшной ответственности вы подвергаете себя за бунт и за лишение стражника свободы?

Начался тихий говор между рабочими; они переминались с ноги на ногу и что-то тихо говорили между собой.

– Смирно! – закричал исправник. Все смолкли.

– Где ключ, которым заперт стражник? подайте мне его тотчас сюда.

Но артель сначала отказалась выдать ключ. Раздалось несколько голосов из рабочих:

– Мы постановили артелью, ваше высокоблагородие, выдерживать стражника на хлебе и воде четыре дня, и ключа не дадим!

– Да я вам, глупый вы народ, говорю, что вы не имеете права так поступать: это противозаконно.

– А это не противозаконно: лишних нам всыпать в...!

– Вы должны были жаловаться мне; я произвел бы следствие, и виновный ответил бы по всей строгости закона. А теперь все кругом виноваты. Сопротивляетесь даже мне; мало того – вы арестовали незаконно стражника, вы разокрали имущество хозяина. Вы даже в настоящее время осмеливаетесь мне не выдавать ключ. Если вы его не отдадите, я прикажу сломать замок и выпущу стражника без вас. Вы вашим сопротивлением усугубляете вашу вину: ведь, это бунт, а бунты караются жестоко законом. – При этом, обратившись к писарю, велел ему достать книгу (т.е. закон).

– Вот я вычитаю вам закон, – чему вы подвергаетесь за сопротивление властям. Читайте статьи такие-то! – сказал исправник. Писарь громким басом прочел одну и другую статьи закона; исправник разъяснял; все слушали его со вниманием.

– Поняли? – спросил он.

– Понять-то поняли, ваше высокоблагородие; а таперича все же артель постановила: пусть высидит! ключа не дадим! – сказал один рабочий, с виду бойкий парень.

– Нельзя! известно – нельзя, потому артель! не выдавай, ребята! – загалдело вслед ему несколько человек разом.

Всякое терпение лопалось у исправника. Толпа гудела и гудела, как рой пчел, вылетающих из улья. Наконец, исправник громко закричал:

– Молчать и слушать меня! Говорю последний раз: сейчас же выдайте ключ, а то прикажу сломать замок! ступайте – отойдите лучше сами!

Рабочие, между тем, начали уже отрезвляться. Произошло между ними волнение – кто стоял за выдачу ключа, кто против. Наконец, благоразумные взяли верх. Один из рабочих вышел из толпы и подал ключ исправнику; тот немедленно передал его стражнику и велел выпустить арестованного. Стражник был выпущен и явился бледный, с оборванным погоном, голодный.

– Вот, что вы наделали, глупый народ! – и он указал на стражника рукой. – Теперь выдайте мне тех, кто начал всё это – своих зачинщиков, подстрекателей. Я буду производить сейчас следствие. А остальные из вас – марш на работу!

* *

*

Опять заволновалась и загудела толпа. Пошел спор между рабочими. Спорили, рядили; наконец, несколько человек разом крикнули:

– Нет, ваше высокоблагородие! зачем же выдавать-то: мы все заодно, артель – известно.

– Послушайте, ребята: вы, как стадо глупых баранов, бросаетесь за одним в реку головой. Мне жаль вас: могут пострадать среди вас и невинные, – всё равно, следствие раскроет виновных; но за сопротивление будет гораздо хуже всем. Поэтому лучше добром выдайте.

– Не выдавай, ребята! мало ли что вычитывали! мы – люди тёмные! – И опять начался шум и крик, и даже раздалась крепкие словца для подтверждения своих аргументов.

– Даю полчаса срока и спрашиваю вас: хотите ли повиниться, или нет?

Некоторые из рабочих, более робкие, начали уговаривать своих товарищей повиниться; но на тех большинство набросилось с бранью, и они замолчали.

Прошло назначенных полчаса, и исправник снова обратился к рабочим:

– Ну что, согласны повиниться и идти на работу? А то, если вы будете продолжать бунтоваться, я силой должен буду вас заставить... Я сейчас пошлю за воинской командой и штыками заставлю вас повиниться.

Но никакие увещевания исправника не помогали.

– Не пошлет! Эвтаго закона нет! – говорили подстрекатели. – А со своими духами ничего не сделает.

Особенно настаивали не виниться братья Тутусовы. Сам же старик Тутусов, их отец, только смотрел в землю и не говорил ни слова.

* *

*

Исправник приступил к следствию. Пошли расспросы хозяйского сына, служащих, а команда разбрелась – кто в казармы, кто по лугу. Следствием были обнаружены и главные виновные – зачинщики и подстрекатели. Собрали команду.

Исправник хочет виновных арестовать. Команда не даёт. Прошел почти целый день. Команда стоит на своём. Исправник видит, что дело плохо: добром тут ничего не поделаешь, а своих стражников мало, чтоб начать действовать силой. Почему он решился ещё раз предупредить рабочих, что если они не повинятся, то он сейчас же пошлет стражника за командой в город.

– Не пошлет, ребята! небось – только пугает. Пусть стражник сидит под арестом, как артель постановила. Ну, тогда и на работу пойдем и повинимся...

Исправник приказал стражнику запрячь лошадей и ехать скорей в город за воинской командой, предварительно тут же написав бумагу воинскому начальнику и губернатору. Стражник уехал с прииска. Сам исправник продолжал уговаривать рабочих смириться, но – нет – ничего не помогает: хоть у большинства хмель вышел из головы, и стали рабочие при-

задумываться, а всё не выдают виновных и сами не идут на работу. А главных оказалось человек 7, да более или менее виновных – 60.

Чу! Где-то вдаль в горах, раздался чуть слышный звон колокольчиков, – всё слышится он ближе и ближе, – вот совсем близко. Показалась и голова лошади с дугой. Наконец и телега, и в ней человек шесть солдат с поднятыми вверх ружьями, с приткнутыми штыками, за нею другая, третья телеги и в них всё посажены солдаты. Телеги подкатили к хозяйскому дому. Выскочив из телеги, поручик приказал солдатам слезать и строиться во фронт. Вышел и исправник на крыльцо, с стражниками и служащими. Поздоровался с поручиком дружески и радостно.

– Вот-с какая вышла история, господин поручик: не хотят выдать виновных... бунтуют!..

– Ничего! – самодовольно покручивая ус, сказал поручик. – Всё уладим-с.

Весть о приезде воинской команды облетела прииск, как молния. Все выходили из казарм, и как-то нерешительно жались у входа в них.

Исправник послал двух стражников собрать команду. И рабочие стали группами собираться, искоса поглядывая на солдат. На некоторых лицах виднелось беспокойство: они чувствовали, что далеко зашли, и исправник не шутил. Сорок человек солдат стояли вольно, держа ружья у ноги. Страх обуял команду. Рабочие собрались все. Толпа покуда безмолвовала.

– Ребята! вот что вы наделали, – сказал укоризненно исправник. – Я должен был вызвать воинскую команду. Вы доводите до крайности: вы не хотели мне повиниться, выдать виновных. Так, если не выдадите теперь, я употреблю силу. Если же понадобится – и оружие, и сопротивляться тут не к чему. Будьте лучше благоразумны!

Зачинщики же продолжали подбивать рабочих не сдаваться и не выдавать никого: «ничего, мол, не будет, а лучше сразу

нападем на солдат, да отнимем-ка у них ружья: их всего 40, а нас более 100 человек», – уговаривали они рабочих.

И к одному молодому солдатику подошел один из рабочих; помялся перед ним с ноги на ногу, почесал затылок; потом, заткнув обе руки за кушак армяка, спросил: – А что топерича будет, служивенький, если мы у вас отнимем ружья?

– Ах ты, наёмная шкура! глупая твоя башка! да разве солдату ружьё дано для того, чтоб им мешать в печке, как кочергой. Ты к ружью, а я тя – прикладом, а то на штык; а не возьмет штык, так пулей. Солдат отдаёт ружье из рук только Царю да своему начальнику, аль у умершего возьмут. Проваливай-ка!

– И в сам-деле, так и станете колоть?

– А нешто нет, коль начальство прикажет?

Группа рабочих прислушивалась к разговору солдата и молчала его слова себе на ус.

– А что, ребята, не повиниться ли впрямь? – начали говорить некоторые из рабочих; но зачинщики уговаривали не сдаваться. Однако, благоразумные взяли верх, и человек двадцать рабочих вышли вперед, обнажили головы и, обратясь к исправнику, сказали:

– Что ж, ваше высокородие, винимся: видно, наш грех ужо! что следует по закону, известно уже судите! – и рабочие повалились в ноги исправнику.

– А вы что ж с повинной не хотите? – обратился исправник к остальным.

Кто стал в раздумье чесать затылок, кто чесал руками грудь и переминался с ноги на ногу, ковыряя пальцем в носу, как бы там ища вдохновения своим мыслям.

– Что же вы еще стоите! шапки долой! – закричал исправник, – и почти все повалились в ноги, моля о пощаде; только главные бунтовщики стояли, как отдельные сосны между срубленных пней.

– Кандалы! – и три стражника бросились к телегам, откуда вынули штук 20 ручных и ножных кандалов.

При виде столь некрасивых браслет, зачинщики немного призадумались. Исправник, взяв дело в руки, начал отдавать приказание стражникам арестовать то одного, то другого; их брали без особенного сопротивления; заковывали в ручные и ножные кандалы, как главных виновников. Только, когда очередь дошла до братьев Тутусовых, они обратились к рабочим, прося защитить их; но никто не двинулся с места. Так как вся команда была из инородцев – то были вызваны их старшины.

* *

*

Но, вот, грустная сцена заковывания кончилась; началась сцена ещё грустнее – телесное наказание. По следствию оказалось 7 человек безусловно бунтовщиков, которых сейчас же отправил исправник в городской острог, да человек 50 более или менее виновных. Им присудили старшины, которые пользуются у инородцев большою властью, кому 20, кому 15, кому 10 ударов розгами. Привыкший к подобным экзекуциям исправник, и тот морщился, и закрывал глаза при раздирающих криках наказываемых.

Экзекуция уже клонилась к концу, как из толпы вышел один рабочий и, обратясь к исправнику, сказал: «Коль драть, так драть всех! вот смотрите, братцы, я ложусь!». И ему тоже присудили 20 ударов, но, видно, старшины поусердствовали, так что он завопил: «Ваше высокоблагородие! Другу и недругу закажу бунтовать, пойду на работу!».

* *

*

.....
– Эх, ваше высокоблагородие, – сказал после окончания экзекуции один рабочий, – если бы не проклятые спиртоносы, мы не напились бы, и ничего бы не было!
.....

– Ну, а теперь идёте ли на работу? – спросил исправник команду.

– Идем, идем! – грянула в один голос толпа. – Уже простите, Бога ради! – и рабочие опять упали в ноги.

Исправник приказал делать раскомандировку на работу.

Печальная же процессия из главных виновных, звеня кандалами, ушла под конвоем стражников.

**

*

Расходясь на работу, рабочие проклинали спиртоносов, говоря между собой, что не будь их, проклятых, в это время, и никакого бы бунта не было; а тут ещё мало что отодрали, да ещё, чай, судить других будут.

Таким образом, полное спокойствие снова было водворено на прииске, и всё пошло обычной колеёй, как будто ничего особенного и не происходило.

Уехала воинская команда, уехал и арестованный рабочими стражник, уволенный исправником и замененный другим...

Но ночью ещё долго раздавался говор в казармах и всё на тему проклятия спиртоносам.

– Эх, идолы! – говорили, вздыхая, иные о них. – Ну, проклятые соблазнитель, не попадайтесь в тёмном углу: сокрушим!..

Петр Аршаулов

Источник публикации: Сибирский вестник (Томск). – 1890. – 2 мая (№ 49). – С. 2–3; 4 мая (№ 50). – С. 2–3.

Из жизни сибирского темного люда

Рассказы Петра Аршаулова

I

Чайные грабители

Ярко горит луна, разливая бледный свет по иркутскому почтовому тракту. Безоблачна холодная январская ночь. Узкой лентой раскинулась дорога вдаль, между снеговыми сугробами. Кой-где раскинулся жалкий лесок, да в стороне, направо, верстах в 6-ти от Томска, чернеет роскошная роща богача-купца. А кругом – все мелкий лес, кусты да необозримые снеговые поля.

Но, вот, подул с юга легкий ветерок; все сильнее и сильнее заколыхались кусты, сбрасывая с себя снеговой саван. Показалось на небе облачко, другое... Заходили свинцовые тучи, соединяясь все вместе и вместе... А луна, кокетничая с землей, то покажется, то снова скроется за облаком, как татарка, закрывающая свое лицо от нескромного взгляда постороннего мужчины. Но, видно, надоело луне кокетничать, и она закрылась темной свинцовой пеленою. А ветер все хозяйничает, да хозяйничает над землей, рвет немилосердно каждую снежинку, подбрасывая её кверху и унося вдаль, в пространство. Полетели с неба снеговые хлопья, как бы на выручку снеговым пылинкам – и началась снеговая борьба с богатырем – южным ветром. Попросту говоря, по-сибирски – начался буран...

Горе путнику, если собьется он с дороги. Сиди тогда до утра. Да хорошо еще, коль одежонка добрая? а то заснет навек бедняга.....

* *

*

Скоро полночь. Под Мухиным бугром, в занесенной снегом маленькой лачуге, виден в окне огонек. В избе, освященной сальным огарком, вставленным в шампанскую бутылку, стоит

на столе графин водки. Астраханская большая селедка, покрытая красной ржавчиной, лежит на бумаге рядом с увесистой краюхой черного хлеба. Полуразбитая рюмка валяется на боку. За столом сидят два человека: один – брюнет, с черными, как смоль, глазами, бегающими в орбитах, как ртуть на блюде, лет 35, широкоплечий, в красной рубашке, в стеганых казинетовых шароварах, в больших белых пимах, доходящих до колен. Довольно взглянуть на такого субъекта, чтобы подумать: «Ну, брат, не желал бы я с тобою встретиться с глазу на глаз».

Его все знали за Мишку Катаева. Он был когда-то кучером, а теперь – отчаянный и ловкий чайный грабитель... Другой – повыше ростом, косая сажень в плечах, с бритой головой, в засаленной татарской ермолке, с подбитым глазом, с резко выдающимися скулами, свидетельствующими о его монгольском происхождении, тонкими губами, с жидкими рыжими усами и с такою же рыженькою козлиною бородкою, с отсеченным ухом, которое он потерял при грабеже обоза, – был одет в бешмет с короткими рукавами; на ногах у него были легкие, длинные, черные пимы. Он слыл также за отчаянного силача и назывался у воров Махметка Карноухий...

Комната в избе не велика: не более двух квадратных саженьей. Вдоль стен её расставлены полусломанные деревянные скамейки. Русская печь приютилась в углу; около неё двуспальная кровать, покрытая ситцевым из лоскутов сшитым одеялом, на которой валялись трое ребятишек от 3 до 5 лет, и сидела, качая люльку с годовым ребенком, женщина, лет 25, высокая, стройная блондинка. Это была жена Катаева, сообщница своего мужа, знающая все тайны его и вполне ему преданная.

Попойка за столом разгорается. То и дело подливают из графина в рюмку друзья-приятели, наслаждаясь живительною влагой.

– Послушай, Махметка, – сказал Катаев, – ночка-то седни фартовая. Что-то долго замешкался «Юнкер», – пора бы на промысел.

– Я заезжал к нему; он чередит лошадь. Хотел приехать. Покуда – давай выпьем, Мишка!..

– А, вот, стучат в окно, наверно он – легок на помине.

Катаев быстро вышел во двор, отворил ворота и выпустил мужчину лет 30, худощавого, в барловой серой дохе, гибкого, как змея. Он въехал в рогожанной кошевке, с длинными оглоблями, на гнедой лошади, с здоровой грудью, с крепкими, толстыми ногами, с животом, подтянутым, как у борзой собаки. На такой лошадке смело можно выскакать в полный карьер 10 верст.

– Что ты, Юнкер, долго позамешкался? Вишь, погода-то фартовая! Надуть пользоваться фартом, – сказал Катаев.

– Заезжал к Карлухе, звал в компанию, да уехал на тройке, не знаю куда: толь на иркутский, толь на калтайский. Вместе б на промысле не столкнуться!

И Юнкер быстро выпрыгнул из кошевки, привязал лошадь к столбу, и оба вошли в избу.

– Здорово, Юнкер! Чего, чёрт, долго? Пора; скоро 12 часов, – сказал Махметка.

– Пора так пора!

– Жена! давай одеваться! Где доха? Да достань из подполья нож, да револьвер. Да где саваны? – обратился Катаев к жене.

Та, быстро отворив подполье, влезла в него и скоро вышла, неся в руках револьвер, небольшой толстый, в кожаных ножнах нож, сделанный из подпилка и острый, как бритва, и два каких-то белых мешка, и все это подала мужу.

Катаев тщательно осмотрел револьвер; вынул нож, попробовал лезвие большим пальцем; но, видно, он показался ему мало остер – велел подать жене песчаный брус, на который плюнул, и начал натачивать нож.

Товарищи также осмотрели ножи и револьверы; Махметка подточил свой нож.

Когда все оружие было осмотрено, Катаев перекрестился.

– Ну, ребята, едем: пора!

Все стали одеваться.

Катаев снова перекрестился.

– Ну, выпьем на дорожку, да и с Богом. А то лежать в снегу придется долго... Пора! Идем!

И грабители направились во двор. Жена, молча, проводила их, заткнула дверь и легла спать, как ни в чем не бывало.

* *

*

Наши молодцы, выехав за ворота, уселись: двое сели внутрь кошевки, выставив по одной ноге наружу, дабы иметь упор в ухабах, а Юнкер, стоя, правил.

Тихо, почти шагом, кошевка двигалась по направлению к Ушайке, поднялась к Исаевской мельнице, проехала кирпичные сараи и выехала на иркутский тракт около православного кладбища...

А буран все сильнее и сильнее рвет снеговые хлопья с земли; но Юнкер знает дорогу, да и лошадь не впервые делает подобную экскурсию: смело бежит она по узкой дорожке – лишь пофыркивает, по времени, от набивающегося в ноздри снега.

Но, вот, кошевка остановилась; Юнкер слез и стал осматривать и поправлять сбрую: опустил чрезседельник, поправил седелку, подтянул подпругу...

– А что, – сказал Катаев, – не покурить ли? Ну, и погода! Просто фарт! Добыча будет: правая рука страсть как зудится.

Все свернули «чёртовы ножки»*, вынули из кисета крупки, набили и с жадностью стали курить. Накурившись досыта, Катаев обратился к товарищам:

– Куда поедем? К Тузикову логу, что ли? Я с Махметкой надену саваны, а ты, Юнкер, смотри – не робей и ожидай в Колке, в том месте, где намедни слимонили местешко. Ну, с Богом, едем: пора!

* Так называются свернутые в трубочку бумажки, в которые накладывают махорку и курят.

И Юнкер, вскочив в сани, легкой рысцой поехал по направлению к Кресту. За вторым пороховым погребом навстречу им попала с проезжающими кошева. Катаев крикнул:

– Далеко ли обоз попался с чаями?!

Ямщик, подумав, что едут встречать обоз с чаями, в свою очередь крикнул:

– Недалеко! У Креста!

Кошевка грабителей поехала быстрее. Вот и Крест – черта городской земли. Кошевки приостановилась. Выскочили Катаев с Карноухим, вынули белые саваны из кошевки, пощупали за голенищами ножи, пошли в ложок, надели саваны и залегли по обеим сторонам дороги в сугробах. Воры, одетые в белые саваны, не могли быть замечены ямщиками, даже если бы и луна светила ярко. Но пурга еще более покровительствовала грабителям.

Юнкер остался у лошади. Снова осмотрел он всю сбрую, поднял голову лошади и сбоку влил ей в рот целую бутылку водки, разбавленной водою. Лошадь, привыкшая к подобного рода операциям, с жадностью глотала живительную влагу.

Когда все было вылито, Юнкер бросил бутылку в сторону, потрепал лошадь рукой по шее, взял вожжи и отвел лошадь несколько в сторону, в кусты. Грабители были на своих местах.

.....
* *
*

А вьюга все воеет, да воеет, разнося снеговые хлопья по воздуху. Прошло добрых полчаса. Послышался крик: «Посматривай!». Ко Кресту подтягивался обоз с чаями. Показался первый воз, с лошадью, которую вел здоровый детина, опираясь на длинную палку, к верхнему концу которой на цепочке была приделана двухфунтовая гирька. Объездной в маленькой кошевке, объезжавший транспорт, то и дело покрикивал: «Посматривай! Смотри, не спи! Что, черти, дремлете! Заснули!».

А усталые ямщики, большинство которых сидело на возах, дремали, делая низкие поклоны к своим коленям и тем как бы приглашая грабителей: «Возьмите у меня чайку! Возьмите!». А головорезам этого и надо...

Вот показался другой воз, третий, четвертый... Тощая, измученная лошаденка не в силах вывезти из ухаба тяжело нагруженный воз; но ей помогли. Махметка с Катаевым. Быстро подбежав и обрезав веревки, выхватив по месту чая и также быстро отбросив их в сторону, грабители снова улеглись в сугробе. Лошадь, почувствовав уменьшение клады, налегла грудью и вынесла воз из ухаба. Все это произошло в несколько секунд. Прошел еще воз, другой, третий... и все двадцать. Воры вскочили, Карноухий свистнул. И моментально, – словно из земли вырос, – пред ними предстал в кошевке Юнкер. Быстро сняв саваны, воры бросили места с чаем в кошевку и сами вскочили в неё. Привычная лошадь, почуя седоков, бросилась в карьер по дороге.

А обоз все шел вперед, и бедные ямщики не подозревали, что давно ограблены... Только вдруг один из ямщиков, шедший около воза, запнулся об место чая, упавшее с воза. Поднялась тревога: «Караул! Стой! Грабеж!».

В это время мимо обоза неслась, как вихрь, кошева с грабителями. Объездной выстрелил по их лошади. Разбойники, в свою очередь, выстрелили сразу из двух револьверов, и бедный объездной упал в кошевку, пронзенный в грудь пулею. Испуганные ямщики попрятались за воза; обоз остановился. А грабители неслись и неслись по направлению к городу, перепрыгивая по ухабам, как зайцы, преследуемые охотниками.

Покуда ямщики оправались от испуга, покуда отпрягли двух, трёх лошадей, чтоб верхами гнаться за грабителями – их и след простыл. Догнать не было никакой возможности. Далеко гнаться ямщикам было и рискованно: они боялись, что, может быть, есть еще грабители позади.

Потужили, потужили ямщики и вернулись назад; запрягли лошадей, связали ограбленный воз и поехали в Томск.

Грабители в это время легкой рысцой въезжали в город.....

* *

*

– Кому сдадим? – спросил Карноухий.

– Кому? Известно, Фидорке! – ответил Катаев. – Хоша мошенник он большой и намедни, подлая душа, вместо бархата за плис принял. Вишь, какой домина-то схапал, и все от нас, ни дна б ему, ни покрышки! Ну, Юнкер, валяй! Все равно, – к Фидорке!

Юнкер приударил вожжей лошадку, быстро спустился на Ушайку, проехал её, поднялся в гору у Томи, и подъехал к хорошенькому трехэтажному домику. Махметка выскочил и постучался условленным стуком в окно. В комнате показался огонь. Минут через пять отворилась широкая калитка, и в пимах на босую ногу, в енотовой шубе, показался толстенький, небольшого роста человек, с еврейским типом лица, лет 40. С плутовской улыбкой он спросил:

– А что? хорошая добычка, землячки?

– Два места есть, – въезжая в калитку, сказал Юнкер.

– Волоки в сени, посмотрим.

– Что смотреть? Известно, кирпичный. Вываливай полтину!

– Ну, ладно! знаю я вашего брата! Еще простых кирпичей наложите, да за чай сдадите. Знаю я вас, мошенников. А лучше волоки в сени, при огне посмотрим.

Мишка с Карноухим, вынув из саней по месту чая, внесли в отворенные сени. Покупатель вынес свечу, велел разрезать место, осмотрел чай, вынул кирпич, понюхал, подышал на чай, прикинул на руке его вес, пересчитал все кирпичи...

– Ну ладно! по четвертаку дам.

– Что ты?! Ошалел? Ведь, чаю цену мы знаем. Поди, рупь с гривной в лавке; а ты даешь нам четвертак. Да есть ли крест-то на тебе, проклятый!

– Что лаешься?! Не хотите брать по четвертаку – везите, куда хотите. Я нынче и так закупился... С меня довольно.

– Да ты что ж это? Грабить, что-ль, нас хочешь? или даром взять? Смотри!

– А что? Деньги мои – товар ваш. Хочешь – берешь, хочешь – нет. – Да куда повезете? Еще влопаются. Ну, ладно, чёрт с вами, возьмите по три гривенника!

Почесали затылки грабители, подумали и решили: «чёрт с ним!».

– Давай деньги!

Снова вошел в комнату покупатель, вынес деньги, рассчитал грабителей. Ругая приемщика, они отправились по домам. Юнкер получил бóльшую долю, так как был на лошади, и как мирный гражданин поехал домой. Катаев с Карноухим пошли пешком, чтоб не навлечь подозрения ночных обходных.

* *

*

Фидорка был очень доволен. Ложась в постель, он высчитывал, что гешефт выгоден: гривен семь с кирпича. Катаев с Карноухим, идя домой, думали: «Ну, подлец! будет и на нашей улице праздник. Доберемся мы до тебя, аспида!».

Только бедные ямщики горько призадумались: как-то Господь поможет рассчитаться за потерянные места чая?

– Поди, за каждое место лошаденки по две сдерет доставщик. Эх, горемычная! Видно, с кнутиком к донкам явимся!.....

Петр Аршаулов

Томск, 5 мая 1890 г.

Источник публикации: Сибирский вестник (Томск). – 1890. – 13 мая (№ 53). – С. 2–4.

Из жизни сибирского темного люда
Рассказы Петра Аршаулова

II

Крючники-грабители

В ту же бурную, метельную ночь, из-за Истока, со двора хорошенького, новенького домика, окруженного тесовым забором, с широкими воротами, выехала большая кошева.

Ворота быстро отворились и так же быстро захлопнулись толстой татаркой, с головой, покрытой татарским бешметом. В кошеве сидело четверо сильных и ловких татар, вооруженных револьверами, короткими ножами и двумя крючьями, привязанными на толстых веревках, концы которых были пропущены по бокам всей кошевы и прикреплялись крепко к копыльям полозьев.

Тройка бодрых, поджарых, горячих киргизских лошадей, управляемых рослым детиной – бродягой Карлухой Акуловым, бодро повернула из ворот налево и дружной рысцей побежала по улицам Истока к городским столбам, на калтайский тракт. У столбов грабители приостановились; один из татар выскочил, тщательно осмотрел всю тройку, потер ноздри у лошадей; те прочихались. Затем, развязал колокольцы и вновь в кошевку, и айда! – дальше...

Миновав Верхний перевоз, тройка спустилась на Томь и, быстро пробежав реку, поднялась на противоположный берег. Акулов приударил по пристяжным, свистнул, и лошади понеслись.

Попался тройке по дороге пьяный, запоздавший в городе крестьянин, спавший беззаботно, как младенец, в худеньких розвальнях, на тощей кляче. Та плелась потихоньку, зная дорогу к дому. Попались обратные почтовые ящики, возившие в Калтай почту, спавшие также беззаботно в своих повозках, прикрывшись яманьей дохой от вьюги и пурги.

А тройка грабителей все быстрее и быстрее подвигалась вперед. Показалось татарское кладбище с лесом, чуть заметным

в пургу. Приостановились дать вздохнуть вспотевшим лошадям. Кто из сидевших в кошеве закурил трубку, кто стал осматривать лошадей, усердно прочищая им ноздри концом кнута от нависших в ноздрях ледяных сосулек. Долетел до слуха грабителей по бушующему ветру голос объездного ямщика:

– Посматривай! Не спи!

– Ишь, соловьи, распелись. Не дремать! Обоз близко. Пора! Садись в кошеву! – сказал Акулов.

* *

*

Лошади поотдохнули; Акулов свистнул, и тройка понеслась по сугробам и сибирским ухабам. Кошева, как перо, брошенное по ветру, делала зигзаги из стороны в сторону по раскатам, но быстро двигалась вперед. Показалась черная полоса на белом фоне: то был обоз. Его проехали грабители, не тронув никого, но зорко всматриваясь. Объездной не спал, покрикивал: «Не спи!». Версты на 1½ грабители обогнали плетущийся шагом обоз; снова приостановились, подвязали колокольцы, все легли в кошеву, закрывшись кошмой, и повернули лошадей назад. Акулов лег поверх кошмы, изображая из себя как бы обратно едущего вольного ямщика, возившего на перекладных проезжающих.

Привычные кони, зная, что теперь не время горячиться, плетутся, понуря головы, чуть-чуть переставляя ноги, – так хорошо они выдрессированы ворами для грабежей. Проехав первый воз обоза, кошева задела отводиной идущего у воза ямщика. Тот выругался по-русски и лениво закричал:

– Ишь, проклятый, заснул – еще гужи отрежут!

Но не спали в кошеве. Все были наготове, лишь выжидали удобной минуты, как бы половчее выхватить из транспорта воз. Уж проехали полобоза, – еще и еще, и, не доезжая до конца обоза, Акулов увидел двух ямщиков, идущих рядом. Остался последний воз без присмотра.

Быстро остановив лошадей, Акулов вскочил на облучок, а из кошевы выскочили все татары разом, отрезали повод от воза последней лошади и, повернув её назад, накинули железные крючья на гужи и тем прицепили лошадь к кошеве; потом один из татар сел на воз с чаем, а остальные трое бросились в кошеву. Татарин, сидевший на возу, крикнул по-татарски: «Кит манан!» (Пошел отсюда!) и ударил кнут по лошаденке; та рванулась вперед, тройка подхватила, и кошева с возом понеслась, как вихрь, по дороге. А сидевший на возу, то и дело подгонял кнутом лошаденку с возом. Все было сделано тихо, в какую-нибудь минуту, – все знали хорошо, что кому нужно делать. Преступление совершилось.

Прошло несколько минут, и тройка далеко была от ямщиков.

Затем грабители остановились. Из кошевы выскочили татары, обрезали веревки, связывающие места с чаями, перебросили их, как мячики в кошеву, сняли крючья с гужей – и тройка быстро, подгоняемая ямщиком, понеслась по направлению к городу...

А лошаденка с пустыми санями побрела шагком по дороге. Бедные ямщики за пургой и метелью, а воза давно уже нет.

* *

*

Въехали грабители в город; тихо, не торопясь, подъехали к воротам. Те, как по волшебству, быстро отворились той же татаркой, поджидавшей своих молодцов. Захлопнулись ворота. Стащили места с чаями в дом, разрезали цибики, поделили поровну добычу, сложив её в мешки, перепрягли лошадей в маленькие кошевки, бросили туда чай в мешках и шириы и поехали сбывать в деревню Б., – к известному приемщику всего краденного по дорогам, целовальнику...

* *

*

Гулянка будет в деревне на славу; хорошо еще, если привезут домой от продажи краденного чая деньжонок, а то еще и лошадей заложат целовальнику. Вся деревня знает, зачем пожало-

вали к ним такие гости и с каким товаром, но поставленное ведро – другое водки всей деревне замажет горло, и не выдадут крестьяне грабителей никакой полиции, а если б кто и вздумал донести о них, так такому несдобровать...

* *

*

Ямщики приехали в Калтай, стали распрягать лошадей, смотрят: а где же сивко с возом? А сивки давно и след простыл. Пошла тревога на постоялом дворе, бросились искать верхами по дороге; приехали в город, заявили обо всем.

Настало утро. Обходные привели в часть лошадь с обрванными веревками на возу. Ямщики признали за свою. Пошли розыски по всем притонам, а подозрения на скромный домик никто и не имел. А поищи, так можно было там найти кирпич – другой. Потужили ямщики, почесали затылки, а ехать надо дальше, в Ирбит: товары срочные.

– Видно, уж Господь Бог за грехи нас наказал! Свозим ноне купцы, видно, чаек даром, – говорил подрядчик и прибавил русское словцо...

* *

*

Долго и ямщики рассуждали между собою.

– И когда эфто они, аспиды, успели у нас слопать? Черти! Ни дна б им, ни покрышки, анафемам! Чисто раззор. Ишь, и сколько время-то проваландали! Уж и ночь на дворе, а ехать надуть.

Запрягли обоз, двинулись дальше. Но теперь не спалось ямщикам. Шли, понуря головы, с тяжелой думой.

– И на подати ноне, видно, не заработать. Ахти, грех! Уж подлинно горемычное наше обозное житье. А что поделаешь? В деревне на печи с бабой ничего не вылежишь. Дела зимою нет, а скотину кормить надуть. Вот и бьешься с хлеба на квас!

* *

*

Тихо двигается транспорт к деревне Горюхиной. Пурга стала утихать. Не доезжая деревни верст шести, навстречу попалась кошевка в одну лошадь. Ею правил татарин. Двое русских сидели внутри. Доехав до середины обоза, кошева приостановилась, – двое выскочили и стали обрезать веревки, чтобы украсть место чаю. Но, на счастье ямщиков, один из них заметил грабителей с противоположной стороны воза; быстро выскочил из-за него, ударил палкой по ногам лошадь грабителей, та взвилась на дыбы и упала на колени. Татарина ямщик ударил по спине, тот свалился; один из русских грабителей, в свою очередь, сделал выстрел по ямщику, но промахнулся. Ямщик ударил его по голове, и вор свалился как сноп. Другой бросился бежать: его поймали подоспевшие ямщики. Тут начался ужасный Сибирский дорожный самосуд.

Грабителей начали бить, кто чем мог. Кто пинал ногами, кто бил кулаком воров. У татарина спала с головы тибитейка, её поднял ямщик.

– Ребята! смотри: татарин потерял чаплышку. Её надуть прибить к башке гвоздем, чтоб в другой раз не терял, – сказал здоровый парень с отмороженными щеками.

– Валяй, Ванюха, давай гвоздь!

– А с эфтими что делать? – спросил другой.

– Чаво? известно! Вот эфтому, что пошел наутек, подсыпать песочку в пятки, чтоб, проклятый, не бегал. А вот эфтова таваложкой попоштовать! – сказал подрядчик.

Живо поскидали с себя ямщики дошенки и снова началась расправа над полуживыми грабителями. Татарину прибили ермолку к голове гвоздем. Бежавшему сняли пимы, надрезали пятки в нескольких местах ножом. Кровь брызнула. В раны набили мелкого стекла, тут же приготовленного на месте из водочной бутылки, которую истолкли в мешке. Другого раздели донага; вырезали длинный, ровный прут и им перемешали в животе еще кишки. Несчастные не в силах были кричать, но глухо стонали. Рассвирепевшие ямщики только подсмеивались, говоря:

– Ну, таперича, черти, будете знать, как нашего брата грабить!
– Будет вам с ними валандаться. При в кусты! – сказал объездной.

Ямщики подхватили грабителей, кто за ноги, кто за руки, стащили в сугроб, в кусты от дороги, притоптали ногами полуживых, вырубили пихту, замели ею сугроб и след, где тащили.

Лошаденка грабителей отдышалась. Её ударили кнутом, она бросилась бежать, а ямщики поехали дальше, не чувствуя, что они совершили еще большее преступление, чем грабители. И замел несчастных жертв и след ямщиков наш сибирский буран...

* *

*

Прошла зима. Настало лето. Кто-то набрел на человеческие кости, объединенные волками, да на отделенную голову, с прибитою гвоздем чаплышкою. Дали знать властям. Наехали власти. Посмотрели, произвели следствие, но открыть ничего не могли. Показали оставшуюся одежду грабителей по окрестным деревням, но её никто не признал. И предали дело воле Божией – в архив...

Знала о всем только бурная ноченька да далеко ушедшие ямщики, теперь, быть может, мирно пашущие свои поля. Но не скажут ямщики никому о том, что у них было, разве перед смертью, на исповеди, да и то едва ли, потому что этого и за грех не считают...

.....

Вот иногда как печально оканчивают свои дни несчастные грабители по дорогам!

Петр Аршаулов

[Томск]. 1890 г. 7 июня.

Источник публикации: Сибирский вестник (Томск). – 1890. – 10 июня (№ 65). – С. 2–3.

Из жизни сибирского темного люда

Рассказы Петра Аршаулова

III

Коловоротчики

Смеркается. По иркутскому почтовому тракту, вблизи православного кладбища, расположились на противоположной стороне дороги кирпичные сараи – гостеприимный приют нашего томского темного люда и проходящих в Россию бродяг. Эти последние бегут, зная хорошо, что будут, рано или поздно, пойманы и снова посланы в Сибирь под плеть и кнут.

Но, видно, тоска по родине тянет их, они бегут, несмотря на предстоящие им невзгоды на пути и на ту кару, которая их ждет, когда попадутся.

С котомками за плечами, в рваной одежде, с котелками, привязанными к поясам, с смуглыми и запыленными лицами, стороной, по мелкому кустарнику, пробирались к сараям два человека, два чистейших типа сибирских бродяг.

Один высокий, рыжий, с большими голубыми выцветшими глазами, с косматой рыжей бородой и с провалившимся от болезни носом.

Другой – маленького роста, черный, как цыган, с черной бородой, с тонким носом, загнутым крючком к верхней губе – походит на хищную птицу. Быстрые черные глаза как бы чего-то остерегались, или высматривали что-либо, ища какой-нибудь добычи.

Молча, усталую походкою, они подходят к сараям, к обжигательным печам.

– Ну, хохол, – сказал бродяга маленького роста, – дотащились. Чай, поди, верст 40 сегодня отмахали.

– Да, Непомнящий, важно таперича заснуть, лишь бы духи не слопали. Не пошел бы я в сараи ночевать, боязно! да на дво-

ре, вишь, какая стужа, – сказал хохол, и оба вошли под треугольный навес сарая, покрытый плохеньким драньем. Спрыгнув в темную яму печи, ощупью начали пробираться и наткнулись ногами на кирпичи. Подобрали их для подкладки под голову, улеглись в углу и, усталые, крепко заснули.

Не прошло и пяти минут, как кто-то к ним прыгнул в яму, за ним – другой, третий. Кто-то зажег сальный огарок, озаривший бледным светом яму.

– Да тут наши, – сказал полубосой жиган, одетый в женскую стеганую кацавейку, с собачьей шапкой на голове, атлетического телосложения, с мешком в руке.

– Не точи балясы, Панкратка, надуть спать, – сказал другой жиган, обращаясь к атлету.

Потух огарок, все улеглись, и через минуту раздался храп по всей печи.

* *

*

А ветер, осенний, холодный, разгуливает по дырявой крыше сарая. На городских часах пробило 12. Все крепко спят. Один только хохол спит беспокойным сном. Он то начинает во сне бить руками, то, как бы в отчаянии, прижмет их к груди. На сонном лице хохла то выражается ужас, то радостная улыбка. Крупные, холодные капли пота катятся ручьями по грязному лицу. Он что-то видит во сне... Да, видит он сон, сон прошедшего. И снится ему большая узкая полоса земли с утесами, горами. То шахты каменноугольные, то необозримая морская даль... Вот, видит он, собралась их компания, человек 7, бегут узкой тропой по морскому берегу, рубят деревья, делают плот, садятся и плывут куда-то далеко, далеко... Поднялся ветер, их несет, они в ужасе прижимаются друг к другу. Устроенные из рубашек паруса рвет на части, а там и плот разорвало. Раздался крик, и он остался один из всех пассажиров на части разорванного плота. Его несет по ветру; проходят сутки, другие – он изнемог, с ним дурно, он ничего не помнит.

Но вдруг его толкнуло о что-то, он очнулся и видит, что лежит на песке, на морском берегу; хочет подняться – нет сил, хочет крикнуть – не может...

Он проснулся.

– Ну, страсти, – подумал хохол. – Господи, прости! – Ему представилось, что он на Сахалине, откуда удалось бежать, и холод пробежал по его жилам...

Свет чуть брезжит сквозь дырявую крышу сарая. В печи начали копошиться ночлежники – их за ночь набралось человек 15. Проснулись бродяги, проснулся и Панкратка с большой от пьянства головой, с подбитым глазом, и протер глаза... Ночлежники гурьбой вылезали из ямы. А Панкратка все еще протирает глаза и, увидавши двух лежащих бродяг, спросил:

– А, дворяне, откелева? Верно, не из туточных!

– Дальние, – сказал хохол, – с острова.

– Так. Куда путь держите?..

– Известно куда по бродяжьей линии, да не знаем, чем сегодня пропитаться... В город утром нельзя, одежонка худая. Полицмейстер строг, говорили по дорогам, как раз заберут. Уж будем здесь покедова, поотдохнем, а там – на Басандайку и дальше.

Все уже ушли, остались лишь бродяги и Панкратка.

– Ну, несчастненькие, я вас покормлю... Вчера слимонил в кладовой окорок да хлеба краюху.

И, вынув из-за голенища нож, отрезал по куску бродягам.

– Спасибо, – сказал Непомнящий, – дай Бог тебе здоровья!

А то страсть как есть хочется: двое суток ничего не ели.

– Ну, на здоровье. Известно, свой брат, как не поделишься!

– Ты, нешто, тоже бродяга? – спросил хохол, всматриваясь в Панкратку.

– Нет, из ближних, Вуртамский, по филькиной грамотке проживаю.

– А как здесь живет нашему брату?

– Да, строго. Всё облавы делают, проклятые. Намедни нашего брата под пристанью усатый чёрт человек двести слопал.

– Вот бы паспортшко достать, да где возьмешь? – сказал Непомнящий.

– Есть у меня такой Галушка знакомый. Страсть хорошо паспорта работает.

Любой паспорт вытравит и впишет кого хошь за пятишницу, хоть дворянский.

– Гм! да где пятишницу взять? У нас, у обоих-то 1½ коп. в кармане.

– У меня тут есть дельце, да не знаю, товарищей хороших нет, а дело доброе, фартовое! – сказал Панкрат.

– Что ж! мы бы на доброе дело тоже пошли, не выдадим!..

– Да, вы по какой части более схожи?

– Дырочки вертеть.

– Значит по коловратной, а мне таких-то и надо. Ну, уговор лучше денег: что добудем – пополам.

– Известно дело, а то как же?

– Так я вот што скажу, ребята. Вечером, как смеркнется, пойдем на добычу. Коловорот у меня, вершков трех, у знакомого кабатчика. Товар сбудем ему же, хорошо платит – человек честный.

– Ну, и ладно.

– Вы сидите здесь, отдыхайте, а я леском схожу за коловоротом, а вечером приду и водочки принесу. Кабатчик даст в счет фарта.

* *

*

Уртамский вышел из сараев, пошел леском и в Новой деревне подошел к кабаку, в котором хотя и сидел русский, но, в сущности, он принадлежал еврею-целовальнику, который сам не имел права торговать вином или иметь кабак. Но израильтянин и тут обошел закон. С сидельца русского он

взял в обеспечение вексель, а сам рядом устроил мелочную лавочку, в которой товару было не более, как на 100 рублей.

Сам он всегда находился в кабаке и смотрел в оба за приказчиком, чтобы тот не украл.

Закон обойден, а целовальнику и хорошо. Приедет полиция – торгует русский, а еврей в стороне. Хоть видит око да зуб неймет!

...И темный люд его знает, и слава его растёт и растёт у воров и бродяг, а вместе с ней вырастает и домик в два этажа.....

Наконец, Уртамский закоулками добрался до Герши Ивановича. Тот важно восседал у стойки в кабаке, набитом разным людом.

Уртамский подмигнул глазами Герше Ивановичу.

– Ей, Уртамский! поди-ка в кладовой перетащи мне кули, я тебе шкалик подам.

– Что же, Герша Иванович, могу для вас все, что угодно. – И оба, выйдя из кабака, пошли в лавочку, где сидела девушка лет 15.

– Ну, что пришел? – спросил Герш.

– За коловоротцем, дельце будет.

Глаза Герши забегали, и на лице показалась приятная, веселая улыбка при слове: дельце.

– Да где и на какой товар?

– Намеднись был в поденщиках на заводе, всё опоек больше: думаем туда понаведаться.

– Да товарищи надежные ли? – спросил еврей.

– Небось, летучки не выдадут.

– Да тебе когда надо коловорот?

– Да известно к казачьему солнышку. Да бутылочку бы водочки, да хлебушка, а то летучки сидят у меня голодные.

– Да ты, чёрт, не надуй, смотри! Ладно, я дам водки. Роха! принеси хлеба, да кусок мяса дай ему, а я пойду, принесу водки.

Уртамский вышел на крыльцо в ожидании водки. Получив и спрятав всё в мешок, который он взял у еврея, он тем же путем отправился к бродягам. Те спали крепким сном. Уртамский разбудил их, угостил водкой, закусили и легли спать...

Стало смеркаться. Ночлежники вылезли из печи – видят, совсем темно. Вылезли из сарая и отправились за коловоротом к Герше.

* *

*

Взяв коловорот под азиям, Уртамский повел их темными переулками. Миновав кладбище, опустились в ров и, наконец, остановились у одной заимки, близь большого сарая. Уртамский указал на сарай:

– Вот сюда. Ну, надо приниматься за работу без шума!

Под забором, окруженным репейником, нашлась дыра; в неё с трудом пролезли один за другим. Подлезли под сарай, стоящий на стойках, величиной аршина в полтора. Выбрали место. Работа началась.

Лежа на спине, они начали вертеть в полу дыры, одну около другой и, когда часть пола сама выпала, они влезли все трое в сарай. Знакомый с сараем Уртамский хозяйничал в нем, как днем. Вытащив через дыру сотни две хорошо выделанных опоек, воры тем же путем отправились обратно.

Лишь только стали воры подниматься на гору, близ кладбища, как послышался свисток разъезда. Екнули их сердца. Прилегли в канаву. Послышался стук телеги... Затем всё смолкло. Через неогороженную ограду зашли на кладбище и положили добычу у памятника.

– Ну, вы сидите тут и дожидайтесь, а я пойду к Герше Ивановичу, чтоб получил товар, а то он на дому не принимает, – сказал Уртамский.

– Да захвати, брат, водочки, да хлебушка; а то страсть, как есть хочется.

Уртамский ушел, оставив с добычей чуть-чуть знакомых ему товарищей. Он был уверен, что бродяги его не надуют: некуда им сбыть «товар».

* *

*

Придя к дому Герши теми же переулками, Уртамский постучал два раза в двери лавки. Она быстро отворилась и на пороге показался Герша.

– Как добыча?

– Слава Богу! на кладбище добрых три вязанки опойков, – сказал Уртамский.

– Заходи, да помоги запрячь телегу, – сказал Герша.

Уртамский вошел. Запрягли лошадь. Герша надел азам, спрятал за пазуху револьвер, и, тихо отворив ворота, они выехали по направлению к кладбищу, захватив с собою две бутылки водки и целый ржаной хлеб. Доехали до кладбища. Герша остановился:

– Тащи товар, а завтра приходи за расчетом!

Уртамский в три приема перетаскал товар, взял хлеб и водку и отправился к товарищам. Началась попойка и расспросы: кто за что попался?

Подслушай кто из вас, так волос бы стал дыбом!..

.....

* *

*

Чу! Выстрел, другой, третий у пересыльной тюрьмы. Пошла тревога. Два важных каторжника бежали. Начались розыски повсюду.

А наши молодцы, выпив изрядно водки, заснули на мягкой могилке. А розыски достигли кладбища. Рыщут повсюду с фонарями. Кто-то наткнулся на Уртамского.

– Сюда, здесь! – закричал надзиратель, – и тотчас целая толпа окружила рабов Божьих.

– Чего – вот они! веди к зрителю.

Оказалось, что это бродяги, но не те, которые бежали из острога. Их отправили в полицию, а сами снова принялись за розыски.

Не удалась экскурсия! А Герша потирал руки от выгодной покупки и удивлялся, что продавцы долго не идут к нему за расчетом...

Петр Аршаулов

Источник публикации: Сибирский вестник (Томск). – 1890. – 29 июня (№ 73). – С. 2–3.

Предисловие к публикации

В процессе подготовки издания авторы-составители, собрав воедино практически все литературное наследие П.П. Аршаулова, столкнулись с проблемой – они практически не имели информации об его пьесе «Фатима», изданной в Томске в 1891 году.

Литературоведы в свое время не рассматривали томского полицмейстера, как писателя. Одним из немногих в Томске, кто знал о существовании этого драматического произведения, является доктор филологических наук, профессор Томского государственного университета А.П. Казаркин. Он упоминает о пьесе П.П. Аршаулова в своей статье «Литературная жизнь» в сборнике «Очерки истории Томской культуры» (Томск, 2010, с. 87).

Возможно, некоторым исследователям книжной культуры Сибири о первой пьесе, изданной в Томске, известно из «Сводного каталога сибирской и дальневосточной книги 1790–1917 гг.», изданного сотрудниками ГПНТБ СО РАН в Новосибирске в 2004 году (т. 1, с. 176).

Теперь, благодаря партнерским отношениям ТОУНБ им. А.С. Пушкина и Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), томские литературоведы и краеведы имеют возможность познакомиться с пьесой П.П. Аршаулова «Фатима». В настоящем издании пьеса представлена в том виде, в каком она увидела свет 120 лет назад.

ЗАЛА 18
ШКАФЪ 207
ПОЛКА 3
№ 24

П. П. АРШАУЛОВЪ.

ФАТИМА

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

57

ИЗЪ КАВКАЗСКОЙ ЖИЗНИ 50 ГОДОВЪ.

ТОМСКЪ

1891.

ТОМСКЪ. ТИП. МИХАЙЛОВА И МАКУШНИЦА.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17-го Декабря 1890 года.

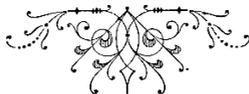
18.207.3.24.

П. П. АРШАУЛОВЪ.

ФАТИМА.

—
ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

—
ИЗЪ КАВКАЗСКОЙ ЖИЗНИ 50-ХЪ ГОДОВЪ.

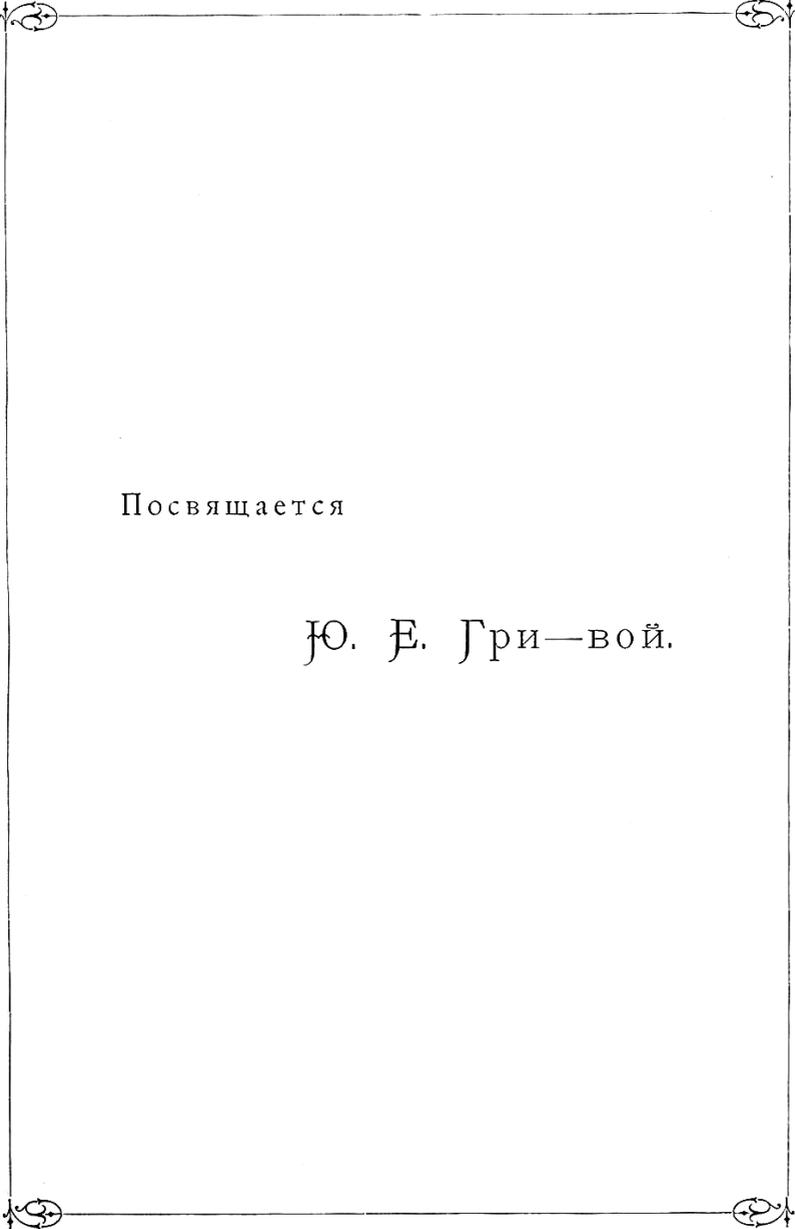

ТОМСКЪ

Типо-Литографія Михайлова и Макушина

1890.

Посвящается

Ю. Е. Гри—вой.

ДѢЙСТВІЕ I.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гамза-Бекъ.

Фатима

Гуссейнъ { его дѣти.

Магометь

Князь Хорсановъ.

Петръ Драганъ.

1-й { черкесскіе князья.

2-й { Черкесы и черкешенки.

Дѣйствіе въ саклѣ у Гамзы-Бека.

ЯВЛЕНІЕ I.

Внутренній видъ кавказской комнаты, убранной коврами, тахтами, мутаками; на стѣнахъ оружіе, на полу нѣсколько мѣдныхъ тазовъ съ кувшинами, въ правомъ углу сложены отдѣланныя серебромъ сѣдла. Четыре черкешенки сидятъ въ лѣвомъ углу и играютъ на тарахъ, Фатима танцуетъ лезгинку. Входитъ Гамза-Бекъ и 2 старика; дѣвушки бросаютъ играть и закрываютъ лица фатами.

ГАМЗА-БЕКЪ (дочери).

Ты, козочка моя, опять веселой стала!...
Пляши, танцуй, покуда живъ отецъ,
Покуда въ дѣвушкахъ еще, не вышла замужъ.
Добро пожаловать друзья, почетные князья!
Фатима, дочь моя! Ну, угощай князей,
Да ячменя подсыпь ты поскорѣе
Князьевымъ лошадямъ.
Прошу садиться васъ, джигиты,
И угощеніе принять, какое Богъ послалъ!
(Дочери) А гдѣ же братья?

ФАТИМА.

Уѣхали къ стадамъ.

Медленно выходитъ изъ сакли, за ней
идутъ подруги.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же безъ Фатимы.

ГАМЗА-БЕКЪ.

Вы кстати собрались почетные джигиты,
А то послать хотѣлъ за вами я,
Держать совѣтъ, что дѣлать намъ тсперь?
Лезгины одолѣли совершенно насъ,
Что день — стада гоняютъ у меня
То лошадей, то козъ, а то барановъ,
Да дерзки стали тоже осетины
И уступаютъ мало имъ въ набѣгахъ.
Охъ, страшныя настали времена:
Намъ русскіе становятся милѣе,
Чѣмъ наши братья! Но прошу я васъ
Помочь, князья, не то ждетъ раззоренье!...

Въ это время дѣвушки приносятъ сыръ,
хлѣбъ, плоды, бурдюкъ съ кумысомъ; Фа-
тима вноситъ тазъ съ кувшиномъ; всѣ
омываютъ руки и садятся въ кругъ; Фа-
тима прислуживаетъ, дѣвушки въ углу
переговариваются между собою.

ПЕРВЫЙ СТАРИКЪ.

Мы, князь, все для тебя готовы сдѣлать.
Велишь, пошлемъ къ тебѣ своихъ джигитовъ,
Чтобъ наказать ты могъ противниковъ своихъ.
А то ихъ дерзость впрямъ границъ не знаетъ.
И зло намъ нужно съ корнемъ вырвать это!

Въ горахъ у насъ все неспокойно, знаемъ.
Намъ дервишей теперъ прислали пять.
Они намъ проповѣдуютъ священную войну,
Но это, убѣжденъ, къ добру не поведеть.

Второй старикъ.

Я точно также думаю, друзья.
Мы съ Турціей хотя по вѣрѣ схожи,
Тамъ все же нашими играютъ головами
И ставятъ турки насъ всегда впередъ,
Подъ первыя на полѣ битвы пули.
Не пѣшки мы, чтобъ можно было нами
Безбожно такъ играть... Пора за умъ намъ
И всѣмъ черкесамъ сообща совѣтъ [взяться
Какъ поступить умнѣе и разумнѣй. [держать,

Гамза-Бекъ.

Шамиль мнѣ родственникъ, извѣстно вамъ,
Онъ русскихъ сильно ненавидитъ [князья,
И все зоветъ къ возстанью насъ,
Но мнѣ не хочется на зовъ его идти!
Я мнѣнія держусь — не лучше-ль намъ
Всѣмъ быть покорными вполнѣ Россіи?
Россія сильная страна и можетъ намъ
Защиту, помощь оказать всегда,
Во всемъ! Тогда-бъ порядка больше было;
А то мы сами, кажется, не знаемъ,
Чего хотимъ, чего желаемъ мы!

Второй старикъ.

Свободы жаждемъ, но какой свободы,
Скажи хоть ты намъ, мудрый князь Гамза!
По моему, свобода намъ нужна такая,
Чтобъ были цѣлыми мечети наши,
Семья, стада, чтобы не обижали.

А что теперь? Кто силенъ, тотъ глава!
Раздоръ вездѣ у насъ. Ты въ Меккѣ былъ
Ты видывалъ людей и страны, [не разъ,
Ты старше насъ; скажи, что дѣлать намъ?
А мы всѣ вмѣстѣ послѣ ужъ разсудимъ,
Джигитовъ также пригласивъ къ себѣ.
Горячъ народъ кавказскій, и не трудно
Имъ натворить для насъ не малыхъ бѣдъ,
Потомъ же дѣло скоро не поправишь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Драганъ (останавливается у дверей
и кланяется).

ДРАГАНЪ.

Хлѣбъ-соль гостямъ, князьямъ всѣмъ именитымъ.
(Гамза-Бекъ) Отъ князя я теперь пришелъ къ тебѣ,
Коль время будетъ, заходи къ нему ты,
Въ дорогу хочеть собираться онъ.

ГАМЗА-БЕКЪ.

Зайду и мази принесу цѣлебной.

ПЕРВЫЙ СТАРИКЪ.

Кто? Русскій у тебя подъ кровомъ!

ГАМЗА-БЕКЪ.

Да, русскій князь, съ своимъ слугою онъ,
Въ горахъ его нашли: лезгины порубили,
И если бы не сыновья мои,
Навѣрное, убили бы его, и не былъ онъ
Священнымъ гостемъ у меня.

За сценой слышны крики: Аллахъ, Аллахъ!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же, Магометъ и Гуссейпъ (убѣгаютъ).

ГАМЗА-БЕКЪ.

Что вижу я? Вы ранены! Аллахъ!
Аллахъ! Кто васъ изранилъ такъ, дѣтей моихъ?

ГУССЕЙПЪ.

Отецъ! На насъ сейчасъ напали
Лезгины и угнали нашихъ лошадей.
Давай скорѣй, отецъ, намъ помощь!
И то едва сюда мы доскакали,
Мы оба ранены, смотри отецъ!

*Фатима срываетъ съ себя фату, бросается
къ братьямъ и перевязываетъ ихъ раны.*

ГАМЗА-БЕКЪ.

Князья, вы помогите мнѣ.
Сейчасъ я дамъ тревогу.

ВТОРОЙ СТАРИКЪ.

Бѣжимъ скорѣй! Догнать ихъ надо непременно.
Да врядь, отъ насъ далеко не уйдутъ!...

*Все убѣгаютъ кромѣ Фатимы; за сценой
нальба и тревога.*

ЯВЛЕНИЕ V.

Фатима одна; въ изнеможеніи опускается на коверъ и плачетъ; вбѣгаетъ Драганъ.

ДРАГАНЪ.

Что здѣсь случилось? На улицѣ пальба,
Ужъ не лезгины ли опять напали?
А князь больной, вотъ истинно бѣда!

Вѣжитъ къ двери и сталкивается съ княземъ Хорсановымъ; князь въ бешметѣ; въ одной рукѣ держитъ саблю на голо, въ другой шестолегъ.

Князь.

Пустая сакля. Гдѣ-жь Фатима?
Что здѣсь, скажи, произошло, другъ мой?

ФАТИМА (вскакиваетъ, оживляясь).

Не бойся, князь, я здѣсь, жива, здорова.
У насъ угнали табуны и братьевъ
Жестоко ранили... Вотъ бьютъ теперь тревогу...
Но, слава Богу, кажется здоровъ ты,
Не рано-ль только всталъ уже съ постели?

КНЯЗЬ (бросается къ Фатимѣ).

Фатима! Одна ты жизнь моя и радость!
Я самъ здоровъ. Недѣлю я притворно
Лежу въ постели: быть бы лишь съ тобою,
Подъ этимъ кровомъ жить однимъ,
Но, какъ подумаю, что скоро надо
Миѣ ѣхать въ полкъ, и намъ съ тобой разстаться,
Такъ сердце словно все на части рвется,
И мраченъ дѣлается умъ.

ФАТИМА.

Тогда что будетъ съ бѣдною, со мною?
О ты, Аллахъ, великъ въ судьбѣ моей!
Я буду помнить эти ночи,
Когда съ опасностью для жизни нашей,
Ходила я къ тебѣ, мой князь,
За тою лаской, что дарилъ ты мнѣ.
Я въ жизнь свою ихъ не забуду!
Теперь все улетитъ, какъ дымъ,
Отъ ужаса мнѣ страшно стало,
Зачѣмъ мы встрѣтились съ тобой?
Но, если бросишь ты Фатиму,
Какъ вещь ненужную тебѣ, (ударяетъ правою рукою въ сердце)
Тогда позоръ и горе все здѣсь будетъ,
А коль не вытерплю... кинжаломъ!

Князь.

Не отравляй минутъ послѣднихъ ты разлуки,
Мнѣ нужно ѣхать въ полкъ,
Но не печалься ангель, дорогая,
Я все устрою, вѣрь мнѣ... скоро. (Молчаніе).
Но, гдѣ я буду видѣться съ тобой?

ФАТИМА (послѣ раздумья).

Тебя я буду ждать, и каждый день,
Передъ закатомъ солнца тамъ, внизу,
Тамъ, гдѣ колодезь, у подножія аула,
Гдѣ тополя и лѣсъ... Ты береги себя, однако,
Будь остороженъ, вѣдь ты дорогъ мнѣ!

Страстно цѣлуешь его.

Князь.

О, милая Фатима, такъ простимся,
Какъ добрые друзья, покуда.
Намъ случая такого долго не дожидаться...
Вотъ поясъ мой, возьми его на память!
Въ немъ золота довольно есть.

Снимаетъ съ себя поясъ.

ФАТИМА (отталкивая князя отъ себя).

Что ты сказалъ мнѣ князь?
За деньги развѣ я тебя любила?
Ты видно не въ умѣ, мой князь,
Я не ждала такой обиды кровной!
Мнѣ легче было бы, еслибъ кинжаломъ этимъ
Выхватываетъ у него изъ за пояса кинжалъ.
Пронзилъ ты сердце мнѣ, чѣмъ этими словами
Князь схватываетъ ее за руку.
Такъ грубо, такъ ужасно оскорбить!...

Князь.

Прости, Фатима,
Умоляю и Богомъ заклинаю...
Обидѣть не хотѣлъ тебя.
Прости, Фатима! Ты прощаешь?
Ты снова улыбнулась мнѣ!
Прощаешь, да? Простила?
Фатима, ты простила?

ФАТИМА (съ грустью).

Чтобъ не простила я тебѣ!
Ты сердце разорвалъ мое на части,
Но все прощаю я за то,
Что больше жизни люблю, люблю тебя!

На память дай ты мнѣ лишь прядь
Своихъ волосъ... Я буду ихъ
Носить, какъ талисманъ, повсюду
И больше отъ тебя мнѣ ничего не надо!

Князь.

Вынимаетъ кинжалъ, отрѣзываетъ прядь
волосъ, цѣлуетъ Фатиму и отдаетъ ей локопъ.

Ну, милая Фатима, мнѣ пора!
И, если можно, такъ приди ко мнѣ сегодня,
Я буду ждать тебя.

Тихо уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ VI.

ФАТИМА (одна).

Отрываетъ кусокъ фаты, заворачиваетъ въ
нее волосы князя и кладетъ себѣ на грудь.

О, Боже! Какъ люблю проклятаго я князя!
Какъ демонъ онъ околдовалъ меня,
И на яву, и въ мысляхъ все, все онъ!
Отца забыла я и братьевъ тѣхъ, кого
Я прежде глубоко и горячо любила.
Теперь совсѣмъ не та я стала,
Я чувствую, почти схожу съ ума!
Что дѣлать мнѣ? Не знаю я!
Ужь не сошла-ль, дѣйствительно, съ ума я!

Ложится на подушки.

Боже мой! Какъ все случилось?
Сама не знаю. Отецъ тогда уѣхалъ,
Здѣсь я одна осталась...
Съ тѣхъ поръ, какъ принесли его къ намъ
Онъ былъ тогда въ крови и ранахъ [братья,
И только издавалъ глухой лишь стонъ.

Омой скорѣй, Фатима, его раны,
И будетъ здѣсь священнымъ гостемъ онъ...
Такъ мой отецъ сказалъ.
Онъ былъ недвижимъ, но когда очнулся,
Какъ онъ хорошъ тогда былъ, блѣдный,
И онъ еще тогда не зналъ, мой князь,
Что въ сердцѣ страсть моею ужь загорѣлась,
Что я ужь и тогда его была.
И съ каждымъ днемъ, когда за нимъ ходила,
Его я больше, больше все любила!
Молю одно, чтобъ въ эту тайну
Кто не проникнулъ, не узналъ ее,
А то убьютъ его и я на вѣкъ пропала!

ЯВЛЕНИЕ VII.

ГАМЗА-БЕКЪ (входитъ).

Проклятые лезгины! (Фатима встаетъ).
Угнали лошадей! На этотъ разъ
Ужъ не уйдутъ и въ западню,
Поставленную мной, навѣрно попадутъ...
Что ты блѣдна такъ, дочь моя,
Печальна и грустна?
О, Боже, что съ тобой, ужъ не больна ли ты?
Стыдись, мой другъ, вѣдь ты черкешенка!

ФАТИМА.

Нѣтъ, ничего!
Мнѣ братьевъ жалко, жаль стада!
Боюсь я, мой дорогой отецъ,
Что раззорятъ ауль въ конецъ
Лезгины. Братьевъ ты измучилъ
Погонями за ними.

ГАМЗА-БЕКЪ.

Ну, ничего, Фатима, нашъ Аллахъ великъ
И не оставитъ насъ, увѣренъ...
Теперь пойду, схожу я къ князю.
Онъ звалъ къ себѣ. Ты-жь
Прикажи дать лучшаго коня ему въ дорогу,
Слугѣ его ты также дай
Коня другого, помирнѣй.

Уходитъ.

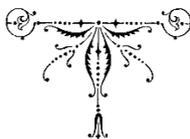
ФАТИМА (одна).

(Задумчиво). А онъ стоялъ передо мною
Прекрасный, гордый, ангелъ или демонъ.
Онъ клялся мнѣ въ любви глубокой,
Онъ страстно обнималъ меня,
Онъ цѣловалъ лицо мнѣ, руки.
Молчала я въ невѣдомомъ блаженствѣ
И поняла, что я его

Люблю.

Тихо идетъ къ выходу изъ сакли.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ II.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Хорсановъ.
Петръ Драганъ.
Гамза-Бекъ.

Гуссейнъ.
Фатима.
Черкесы.

Дѣйствіе въ горахъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сцена представляетъ Кавказскія горы; вдали видны снѣговыя вершины хребтовъ; въ глубинѣ сцены расположенъ аулъ; слѣва мечеть, окруженная тополями; на авансенѣ бьющій ключъ, около него тополи и мелкій кустарникъ. Князь Хорсановъ сидитъ задумавшись на камняхъ, Драганъ держитъ трехъ осѣдланыхъ лошадей; оба въ черкесскихъ костюмахъ, въ вооруженіи. Вечеръ.

ДРАГАНЪ (князю).

Не думай, князь, а лучше брось
Ты это дѣло.
Не княжеская то затѣя. Былъ бы живъ
Отецъ твой, благодѣтель мой,
Не похвалилъ бы онъ тебя за это!
Ты знаешь, всѣ черкесы дорожатъ
Своею честью...

Молчаніе.

Мнѣ что?
Мнѣ жизнь — одна копѣйка!
Пластунъ ей мало дорожить!...
Мнѣ жизнь твоя лишь дорога.

Я клятву далъ беречь тебя, какъ сына,
Когда отецъ твой умиралъ...
Фатима тоже княжеская дочь,
Да и родня Шамилю, шутки-жь съ нимъ плохія:
Поднимется ауль... И вспомни,
Хоть бусурманы, но
Забыть ихъ хлѣбъ и соль негоже!
Припомни также то, какъ мы лежали
Въ саклѣ. Какъ онъ ухаживалъ за нами
И раны омывалъ твои.
Они хотя покорны, но до время только,
А то лишь чуть чего, возстанутъ
Всѣ, какъ одинъ, и намъ отсюда
Наврядъ уйти живыми

Тогда.

Мнѣ что! Довольно пожилъ, старъ я,
А ты? Ты молодъ, полонъ силъ, здоровья...
За бусурманку жизнь терять не стоитъ!
Ну, на коней!... Скорѣе же въ дорогу,
Не то и батальонъ мы не догонимъ.
И полно горевать! Какъ присушила
Она, проклятая, тебя!
Совсѣмъ, мой князь,
Ты исхудалъ. Хоть матушку свою
Ты-бъ вспомнилъ.

Князь.

Ну, перестань, старикъ, ворчать;
Ты надоѣлъ мнѣ черезчуръ.
Все знаю я. Но что мнѣ дѣлать, если
Жизнь моя и радость — все она, одна она!
Ты старъ, и не поймешь той дивной красоты,
Которою Фатима обладаетъ
И такъ чаруетъ и волнуетъ кровь.

Не даромъ весь аулъ воспѣлъ ея красу!

На сценѣ темнѣетъ.

Сейчасъ должна придти сюда. Ты посмотри ее:
Какой огонь въ глазахъ, какая стройность,
И сколько нѣги, ласки въ ней... [живость,
Да что... ты не поймешь!

Махнувъ рукой.

За женщину, повѣрь, такую и жизни всей
[отдать не жаль!

ДРАГАНЪ.

Негоже это намъ, военнымъ, пластунамъ.
Иное дѣло шашка: вотъ она, вотъ наша мать!

Указываетъ на шашку.

А вотъ сестра!

Указываетъ на кинжалъ.

А вотъ на выручку и братъ!

Вынимаетъ пистолеть.

Да ты подумай, князь, куда мы ее дѣнемъ!
Съ собою взять начальство не позволить,
Да не въ походъ же брать ее съ собой!

КНЯЗЬ.

А, что? А, если-бъ и въ походъ? Иль денегъ
У меня не хватитъ? Доѣдемъ до бригады,
А тамъ... я знаю, что мнѣ дѣлать!...

ДРАГАНЪ.

Да согласится ли она бѣжать изъ дома,
Отъ горъ родныхъ, отъ братьевъ и отца?!

Князь.

Что ты сказала? Ужь если полюбила,
Отдастся вся, пойдетъ въ огонь и воду.
Пройдетъ война — могу на ней жениться.

Драганъ.

Эхъ, посмотрю я на тебя, горячь ты больно!
Мнѣ что? Твоя, извѣстно, воля.
Коль будешь счастливъ ты — и слава Богу!
Но, думаю, что не съ руки
Тебѣ она, князь, будетъ.
Хоть молодъ ты, а всѣ ученья
Произошелъ, а что она передъ тобой?
Припомни... Есть на родинѣ невѣста!

Князь.

Какая тамъ невѣста!... То отецъ
Ее мнѣ прочилъ. Съ нею лишь росли,
Да кольцами перемѣнились,
Когда я ѣхалъ на Кавказъ...
Да гдѣ! Ей далеко до красоты Фатимы!
Пойми, старикъ,
Я ею только и живу.
Моя не будетъ — пулю въ лобъ пущу!
Тогда и жить не стоитъ мнѣ совѣмъ.

Драганъ.

Мой князь, объ этомъ полно думать.
Самоубійство грѣхъ большой!
Фатима же тебѣ игрушка для ребенка:
Ну, поиграешь съ ней годокъ, другой, ну, третій!
А рискъ большой — не стоитъ, право!

Тебѣ всего лишь 25. Лѣтъ черезъ 10
Еще мужчиной будешь въ полной силѣ,
А что она — старуха черезъ 5.
У нихъ, вѣдь, женщины куда какъ скоро
Старѣются. Повѣрь мнѣ, старику,
Въ любви не будетъ этой проку!

Князь.

Все-жъ я возьму се добромъ, иль силой...
Но что же долго нѣтъ се?
Вотъ, кажется, идетъ съ кувшиномъ кто-то.
Спрячемся... Готовы-ль кони? Подтяни подруги.

Драганъ.

Не бойся, князь, свое я дѣло туго знаю.
(Про себя). Ну, сумасшедшій, право слово!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Фатима (торопливо спускается съ горы, видитъ князя, подбѣгаетъ къ нему, пристально на него смотритъ и кидается въ его объятія). Князь отвѣчаетъ на ласки Фатимы.

Князь.

Спасибо, что сдержала слово. Сегодня
Байрамъ, весь народъ въ мечети.
Но что съ тобой? Ты вся дрожишь! Чего
Вѣдь, я съ тобой, мой ангелъ. [боишься?

ФАТИМА (въ волненіи).

Отецъ сказалъ, у васъ объявлена война.
И ты туда навѣрно тоже?
Пришелъ проститься ты въ послѣдній разъ?
Забудешь тамъ свою Фатиму?

Въ отчаяніи ломаетъ руки.

Князь.

Да полно, успокойся, дорогая!
Коль любишь искренно меня — иди за мной,
Тебя съ собой возьму изъ этихъ горъ,
Скажи лишь слово! (Цѣлуетъ ее). [изъ этого аула,

Фатима.

Клянуся всѣмъ святымъ, Аллахомъ, Магометомъ,
Ты для меня милѣй отца, милѣе солнца!
Я для тебя готова бросить все, но сердце
Мнѣ что-то предвѣщаетъ роковое...
Тоска въ груди, я изстрадалась вся...
Вѣдь, десять дней ждала тебя, что ты придешь
Недоброе я чую сердцемъ и за тебя боюсь. [сюда.
Любовь моя не вѣдаетъ границъ,
И коли смерть моя нужна тебѣ —
Скажи: у ногъ твоихъ пронжу себя кинжаломъ!
Цѣлуетъ его.

Вѣдь, въ головѣ моей одинъ лишь ты,
Мой изумрудъ, мой князь, мой повелитель.
Съ собой ты хочешь взять меня,
Украсть изъ этихъ горъ, гдѣ я росла,
Гдѣ вся моя семья?
На все готова я. Пойду повсюду за тобой
И вѣрной буду для тебя рабой.
Жизнь боевая мнѣ не страшна,
Ни пуль, ни ядеръ не боюсь я...
Привыкла съ раннихъ лѣтъ ко всѣмъ невздамъ я.
Во мнѣ черкесская струится кровь!
Когда ты раненъ былъ, лежалъ у насъ ты
Какъ я молилася тогда, [въ саклѣ,
Святыхъ твоихъ я призывала,
Чтобъ ты не умеръ, выздоровѣлъ чтобы,

И твой кинжалъ въ рукѣ держалъ ты твердо
Чтобъ шашка до сѣдла врага перерубала, [снова,
Чтобъ глазъ твой промаха не зналъ!

Чтобъ лошади твои

Безъ устали бѣжали, а красота твоя
Сіяла-бъ восходящею звѣздой.

Лишь былъ бы мой!... Я счастлива теперь:

Ты здѣсь, со мною ты! Но что

Такъ странно горять глаза твои?

Что хочешь ты?

Скажи, на все готова я!

Князь.

Прости! Тобой я любовался,
Я очарованъ былъ. Мнѣ голосъ твой
Какъ тары мелодичной звукъ казался.
Твои движенья полны чаръ и нѣги,
Въ твоихъ глазахъ святой огонь горитъ, —
Я жилъ тобой въ минуты эти!

Такъ что-жь?

Согласна ты покинуть кровъ родной,
Идти за мной?

Фатима.

Бросается въ объятія князя.

Княнусь, иду съ тобой!

Но, дай же клятву

И мнѣ...

Клянись, что будешь вѣкъ

Любить меня.

Клянись всѣмъ тѣмъ, что есть у васъ святого,

Клянись отцомъ и матерью, и честью

Своею княжеской.

Князь.

Клянусь у этихъ горъ тебѣ, Фатима,
Клянусь я Богомъ и отцовскимъ прахомъ,
Клянусь я матерью своею и княжескою честью
Покуда живъ, любить тебя одну!

Фатима.

Такъ на коней, мой повелитель, а не то,
Какъ выйдутъ изъ мечети, хватятся меня.
Я вся твоя!

Князь.

Ты слышишь, старый? Вотъ какъ любятъ!
Напрасны всѣ твои слова!

Драганъ (про себя).

Безумный! (Громко). Пора бы въ путь намъ, князь.
Ужъ скоро ночь, ужъ скоро темь!...

Князь.

Такъ на коней! (Беретъ Фатиму за руку).
Ну, съ Богомъ!

Фатима.

Уходитъ медленно, оборачиваясь къ аулу.

Прощайте всѣ! Прощай, что дорого мнѣ было!
Отецъ и братья! За позоръ простите,
Который наношу я вамъ!
Аллахъ свидѣтель, мнѣ противиться нѣтъ силы:
Люблю его — и отдаюсь ему!...

Уходитъ съ княземъ; сцена нѣкоторое
время пуста.

ЯВЛЕНІЕ III.

Съ горь, изъ аула бѣгутъ по направленію къ колодезю черкесы въ безпорядкѣ.

ГАМЗА-БЕКЪ.

Такъ гдѣ-жь Фатима, дочь моя?
Ушла передъ закатомъ за водою,
А до сихъ поръ все нѣтъ...

Что вижу?

Кувшинъ ее! Куда-жь она дѣвалась?
Фатима, гдѣ ты? Агу, агу, агу!...
(Озирается). Смотрите, вонъ въ горахъ, кажись,
Вы позорчѣй, глядите! [джигиты скачутъ.]

ГУССЕЙНЪ.

Да, точно, трое ѣдутъ, въ буркахъ.
Смотри, отецъ!
Одинъ сорвался въ пропасть... А, вонъ,
Что въ бѣлой буркѣ, безъ папахи,— это
То не Фатиму ли украли? [не джигить.]

ГАМЗА-БЕКЪ.

Что рты разинули, джигиты!
Ну, на коней живѣй! Ну, что-жь стоите?
Въ аул! Давай тревогу! Въ погоню за врагомъ!
Живаго-ль, мертваго, а мнѣ его доставить,
Не то вась всѣхъ сотру съ лица земли!
Вы честь мою должны омыть ручьями
Кровавыми! Аллахъ, Аллахъ!

Спаси мою Фатиму!

Быть можетъ честь поругана ея!
Проклятіе врагу! Впередъ, за мной скорѣе!

Вѣжитъ къ аулу, всѣ за нимъ.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Князь Хорсановъ.
Фатима.
Гамза-Бекъ.

Магометъ.
Гуссейнъ.
Черкесъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Маленькая площадка въ горахъ. Со всѣхъ сторонъ высокіе хребты, поросшіе мелкимъ кустарникомъ; среди сцены высится сосна безъ верхушки. Заря. На горахъ ауль. Братья несутъ Фатиму; джигиты ведутъ связаннаго князя, съ криками: смерть ему!

ГАМЗА-БЕКЪ.

Быстро идетъ къ Фатимѣ.

Аллахъ мой праведный! Что сдѣлалъ онъ
Я вижу рану на челѣ! [съ тобой?
Скорѣй воды давайте, она не дышетъ!
О, жива ли ты, Фатима?
Да будетъ проклятъ князь, позоръ тебѣ нанесшій!
(Магомету). И, какъ случилось все? Она
Упала вѣрно, когда взяли ее насильно?

МАГОМЕТЪ.

Нѣтъ, мой отецъ: она его собою защищала,
Когда на нихъ мы налетѣли.

Его кинжаломъ ранила джигита,
А трехъ на мѣстѣ самъ онъ положилъ.
И ранилъ я, нечаянно, ее,
Хотя мы всѣ ее, отецъ, щадили.

Г А М З А - Б Е К Ъ .

Ты лжешь, негодный сынъ:
Ее похитилъ онъ, вотъ этотъ оболъститель,
Дочь кровнаго черкеса и съ невѣрнымъ [извергъ].
Бѣжать не согласится!
Скажи, что ты совралъ, что это ложь!

М А Г О М Е Т Ъ .

Клянусь Аллахомъ, правда!

Г А М З А - Б Е К Ъ .

О, горе мнѣ!
Позоръ, позоръ такой,
Что кровью я его не смою никогда!
Такъ, значитъ, и она,
Дочь бека кровнаго,
Хотѣла
Надъ сѣдиной любимаго отца
Такъ подло надругаться?
Тогда... тогда да будетъ проклята она!
Не надо помощи, проклятой, ей,
А оживетъ — запрю туда,
Гдѣ свѣта Божьяго не будетъ видно.
Съ тобой же, князь, поговорю особо!...

Хватается за кинжалъ.

Князь.

Мнѣ не страшна смерть, Гамза-Бекъ.
Мнѣ страшно за нее, за бѣдную Фатиму.
Что будетъ съ ней, которую люблю,
Какъ солнца лучъ въ туманѣ этихъ горъ?

Гамза-Бекъ.

Ты воръ, укравшій честь мою.
Нарушилъ ты гостепріимство наше,
Попралъ ногами всѣ обычи наши.
Какъ змѣя, отогрѣлъ тебя я
На солнцѣ жаркаго востока
И раны вылѣчилъ твои.
За это отплатилъ ты вотъ чѣмъ!

Ты знаешь ли, она
Мнѣ жизни всей была
Дороже. Ужъ за то и ты
Мнѣ дорого заплатишь.

Я казнь придумалъ для тебя:
Живымъ зарою въ землю.

Эй!

Джигиты честные! Готовьте яму для него.

Князь.

Что-жъ думаешь, презрѣнный ты фанатикъ,
Пощады буду, что-ль, просить?
Но, знай, смерть русскаго не пропадаетъ даромъ:
Тебѣ найдутся отомстить.

Что-жъ медлишь ты? Иль струсиль?

Прощай, прости Фатима,
За все, что сдѣлалъ я тебѣ,
И жизнь твою испортилъ я навѣки!

Вы дороги мнѣ двое были:
Ты, да еще вѣрный мой Драганъ.
Миръ праху твоему, товарищъ неизмѣнный!

Разрываетъ веревки, выхватываетъ у джигита кинжалъ и закаляется.

А ты, старикъ, смотри, какъ умираютъ пластуны!
Умираетъ.

ФАТИМА.

Медленно поднимается и видитъ князя мертвымъ. Врывается къ нему.

Ха! Ха! Ха! (Истерически хохочетъ). АХЪ! (Падаетъ въ обморокъ).

ГАМЗА-БЕКЪ.

Указывая на Фатиму.

Возьмите вы ее
И бросьте гдѣ-нибудь въ подвалъ.

Сыновья подходятъ и хотятъ взять Фатиму, но она встаетъ сама.

ФАТИМА.

Мутными глазами обводитъ кругомъ.

А гдѣ мой князь, мой повелитель,
Зачѣмъ меня оставилъ онъ въ горахъ?
Его сама я защищала.
Онъ вѣрно бросилъ, къ русскимъ ускакалъ?
Слуги его я также здѣсь не вижу.
Да, вспомнила... Онъ тамъ...

Указываетъ на землю.

Когда мы ѣхали, его схватили духи
И внизъ помчали съ быстротой.
Я видѣла, какъ онъ летѣлъ съ конемъ
И въ землю скрылся.

Онъ даже, бѣдный, заговора не зналъ,
Которымъ могъ бы защититься
Отъ духовъ тьмы.

МАГОМЕТЪ.

Она безумствуетъ! Смотрите:
Вся рѣчь ея смутна,
Глаза заволоклись туманомъ;
Они сѣры, какъ сѣръ вонь тотъ туманъ.
Подходитъ ближе къ Фатимѣ.

Отецъ, оставь ее, а я
Водю вспрысну съ наговоромъ.

ФАТИМА.

Очнувшись садится и осматриваетъ кругомъ
толпу.

Что за народъ собрался здѣсь,—
И что такъ смотрять на меня?
Ахъ! Голова совѣмъ распастся хочетъ!
Задумывается.

А, вспомнила!
Мы трое ѣхали въ горахъ...
Одинъ упалъ въ оврагъ...
Мы тамъ дрались съ толпою духовъ,
Не то людей...
Они въ туманѣ были...
Зачѣмъ же здѣсь я? Что вамъ надо?

ГАМЗА-БЕКЪ.

Ведите же ее домой!

МАГОМЕТЪ.

Береть Фатиму за руки и осторожно ее поднимаетъ.

Пойдемъ, сестра, домой!

ФАТИМА.

Пойдемъ, тамъ князь насъ ждетъ.
Онъ раненый, мнѣ нужно
Сдѣлать мазь и излѣчить его
Запекшіяся раны; поджарить пловъ,
А то проголодался онъ.

Пристально смотритъ на брата.

Ты кто такой? Какъ смѣлъ ты
Прикоснуться къ рукѣ дѣвицы?
Негодный! Прочь ты отъ меня!

МАГОМЕТЪ.

Я братъ твой, милая Фатима.
Опомнись ты, Аллахъ съ тобой!

ФАТИМА.

Какой ты братъ? Нѣтъ брата у меня!
Я духъ! Вотъ захочу,
И полечу надъ пропастью я этой.
Поди же прочь, а то

Тебя съ собой я увлеку!

ГАМЗА-БЕКЪ.

Аллахъ, Аллахъ! Все-жь, жаль ее!
Единственная дочь; ее я прочиль
Въ жены Шамиля сына.

Но, что же, что же дѣлать
Мнѣ съ ней?!

Указывая на трупъ князя.

Подите, бросьте тамъ его!
Нѣсколько джигитовъ подходятъ къ трупу
и хотятъ его нести.

Ф А Т И М А .

Вырывается отъ брата и бѣжитъ къ трупу.

Куда несете вы вотъ этого джигита?
Да онъ въ крови... Все кровь,
Повсюду кровь!

Вы всѣ въ крови
И волосы въ огнѣ у васъ горятъ.

Огонь, огонь повсюду!

Мы всѣ въ огнѣ горимъ.

Не нужно труповъ здѣсь!

Вы унесите, мы-же веселиться будемъ:
Лезгинку я станцюю вамъ.

Тапцуетъ; потомъ, обратившись къ горамъ,
въ ужасѣ останавливается.

Смотрите, кто тамъ скачетъ?
Въ огнѣ весь конь и всадникъ тоже...
Смотрите, вотъ ужъ пропасть перелетаетъ
И къ намъ все ближе, ближе...
Аллахъ, Аллахъ! Да это русскій князь!

Падаетъ, потомъ тихо приподнимается на
ноги и хватается себя за голову и за грудь.

Нѣтъ силъ,
Мнѣ голову всю разломило!
Какъ солнце жжется сильно:

Вся голова горитъ!

Хватается за грудь.

Постойте, я нашла вотъ что-то...

Вынимаетъ узелокъ съ груди, начинаетъ развязывать.

А, это волосы... Откуда?

(Припоминаетъ). Ахъ, вспомнила:

Ихъ князь мнѣ далъ,

Когда мы разставались.

Гдѣ-жь онъ? Чего же не идетъ?

У насъ здѣсь будетъ свадьба съ нимъ.

Онъ дастъ отцу калымъ.

Онъ страшно, какъ богатъ!

Онъ золота мнѣ далъ, а я

Взяла и въ волосы вотъ эти превратила.

— Волшебница я, знайте!

Я захочу — всѣ горы упадутъ на васъ

И всѣхъ васъ передавятъ.

Зачѣмъ мнѣ вы? Мнѣ васъ не надо!

Уйдите прочь! Мнѣ князя дайте!

Вотъ онъ!

Толпа въ ужасѣ разступается.

Пришелъ, идетъ сюда! Смотрите,

Какъ онъ хорошъ въ своемъ бешметѣ бѣломъ!

Но на лицѣ его я вижу кровь...

Быстро бросается къ дереву.

Пришелъ ты! Очень рада!

Но кто лицо изранилъ такъ твое?

Обвязываетъ дерево платкомъ.

Ну, вотъ, ну, вотъ, я голову твою

И завязала.

Цѣлуй меня, мой князь,

Какъ цѣловалъ ты у фонтана свою...

Ахъ, я забыла, какъ зовутъ меня...

МАГОМЕТЪ.

Опомнись, ты — Фатима.

ФАТИМА.

Кто сказалъ: Фатима?
Такъ звали дѣвушку одну
У насъ въ аулѣ...

Снова обращается къ дереву.

Что ты молчишь, не молвишь слова?
Давай плясать лезгинку!
Ко мнѣ поближе подойди ты, князь,
Мой дорогой, мой ненаглядный!
Что-жь ты молчишь? Ни слова
Ты вымолвить не можешь?

Хочетъ дико.

Пришелъ сказать, мой князь,
Что ты не любишь болѣ Фатимы?
Съ горечью.

Другая есть, и лучше, у тебя...
Ты все молчишь, проклятый русскій князь?
Ты засмѣялся надо мной бѣсовскимъ, дикимъ
Прости мнѣ князь, вѣдь я люблю тебя! [смѣхомъ...
Иди и обними меня!
Не нужно мнѣ твоихъ волосъ,
Я ихъ бросаю...

Бросаетъ волосы.

(Нѣжно). Скажи, я умоляю, скажи, кого ты любишь?
Нѣтъ, нѣтъ! Ты никого

Кромѣ меня не любишь,
Кромѣ меня, своей Фатимы!
Ты все молчишь. Такъ, значитъ,
Это правда? Презрѣнный!

Падал на колѣни.

О, сжался, сжался надъ своей Фатимой
И обними ее, какъ прежде обнималъ!
Готова все тебѣ простить,
— Измѣну, даже!

Г А М З А - Б Е К Ъ .

Убитый горемъ, подходитъ къ Фатимѣ.

Я проклялъ, дочь, тебя,
Но силъ смотрѣть нѣтъ больше!
Пойдемъ со мной!

Ф А Т И М А .

Какая дочь? Какой отецъ ты мнѣ?
Ты обогренъ весь кровью... Отойди!
О, князь мой милый!... Отойди!

Бросается къ дереву.

Вотъ, видишь, князь, насъ окружили,
Хотятъ убить. Они — враги...
Горимъ огнемъ! Спаси, мой князь,
Спаси меня, иди со мной!
Мнѣ страшно! Умъ мой ужасомъ объять!

Ты все стоишь на мѣстѣ?

О, подлый трусъ! Измѣнникъ подлый!
Трясешься весь, какъ въ лихорадкѣ!
И я тебя могла еще любить?!
О, я, несчастная! Онъ измѣнилъ мнѣ,
Проклятый князь! Останься здѣсь одинъ.
— Они тебя убьютъ... Мнѣ легче стало,
Я никого не вижу,

И снова я летѣть готова

Черезъ эти пропасти и горы,
Черезъ долины и лѣса!

Проклятiе

Тебѣ, измѣнникъ, вѣчно!

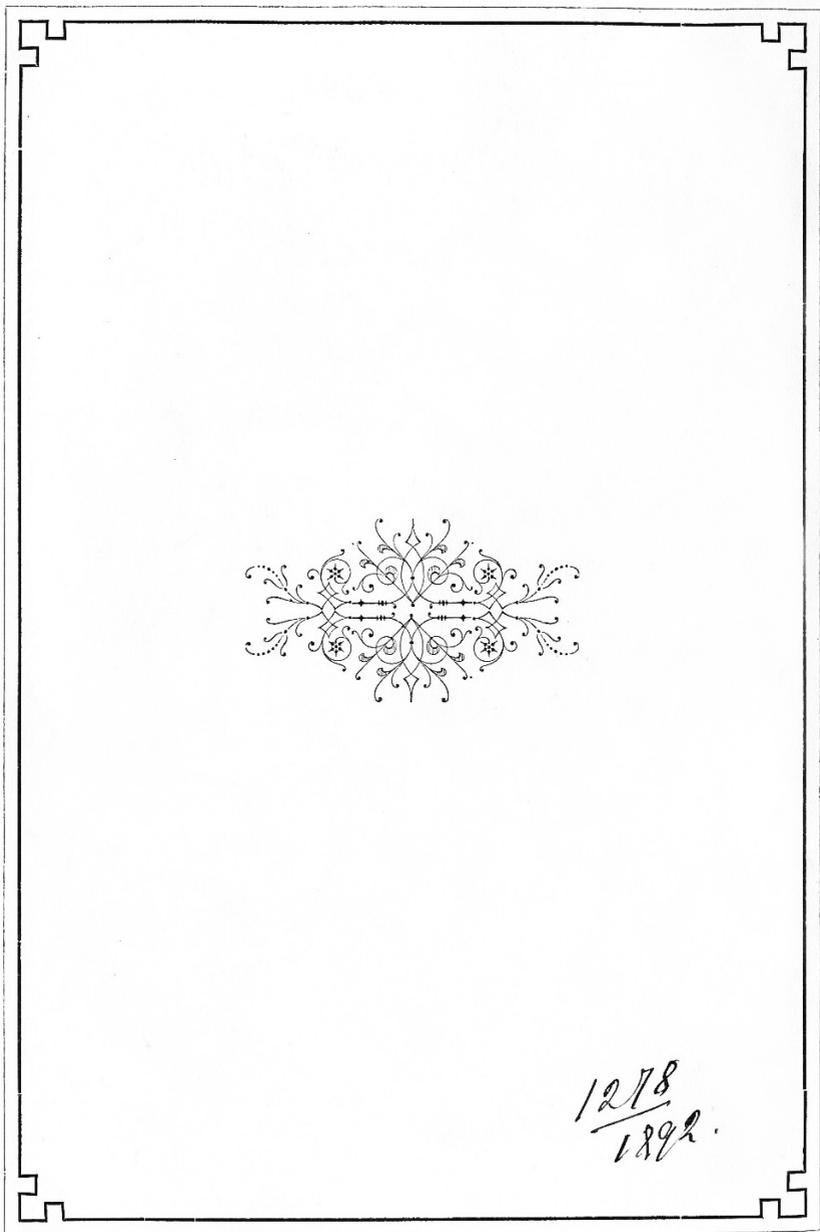
Вѣжитъ и бросается въ пропасть. Толпа
въ ужасѣ.

ГАМЗА-БЕКЪ.

О, горе мнѣ, несчастному отцу!

Занавѣсъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Часть I	7
Из писем А.П. Чехова из Сибири (1890 г.)	7
Чернова И.В. Аршаулов Петр Петрович. Томский полиц- мейстер с 19 мая 1903 г. по 27 декабря 1904 г.	9
Костин В.М., Яковенко А.В. Материалы к биографии П.П. Аршаулова	15
Костин В.М., Яковенко А.В. П.П. Аршаулов как писатель ..	55
Библиография	60
Часть II	67
Исторические документы	67
1. Приказ в.и.д. полицмейстера П.П. Аршаулова (1903 г.)	67
2. Царский слуга или вор: листовка Сибирского союза РСДРП (1904 г.)	72
Литературные произведения П.П. Аршаулова	77
1. От Гельсингфорса до Константинополя (воспоминания о турецкой кампании 1877–1878 годов русского офицера)	77
2. Два преступления (эскиз из мира действительности)	109
3. Дорого яичко к Христову дню (быль)	117
4. Бунт (очерк из сибирской приисковой жизни)	126
5. Из жизни сибирского темного люда: рассказы Петра Аршаулова. I. Чайные грабители	144
6. Из жизни сибирского темного люда: рассказы Петра Аршаулова. II. Крючники-грабители	152
7. Из жизни сибирского темного люда: рассказы Петра Аршаулова. III. Коловоротчики	158
8. Фатима: из кавказской жизни 50 годов: драма в 3-х действиях (воспроизведение книги, изданной в Томске в 1891 г.)	167

Областное государственное автономное учреждение культуры
**Томская областная универсальная научная библиотека
имени Александра Сергеевича Пушкина**

Петр Петрович Аршаулов
сборник материалов

Научное издание

Составители:
В.М. Костин
А.В. Яковенко

Редактор:
С.С. Быкова

Верстка:
И.А. Аржановская

Отпечатано в типографии издательства «Ветер».
г. Томск, Иркутский проезд, 11а. Тел. 65-00-13.
Подписано в печать: 13.12.2012 г. Заказ № 5457.
Формат 60x84/16. Гарнитура «Times New Roman».
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,75. Тираж 100 экз.

